

ВАДИМ

МЕЛЬНЮШКИН

ЗАТЕРЯННЫЙ

**В СОРОК
ПЕРВОМ**

**ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Лучшая фантастика о Великой Отечественной

Вадим Мельнюшкин

**Затерянный в сорок
первом (сборник)**

«Махров»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мельнюшкин В.

Затерянный в сорок первом (сборник) / В. Мельнюшкин —
«Махров», 2019 — (Лучшая фантастика о Великой
Отечественной)

ISBN 978-5-04-101754-5

Провалившись из нашего времени в 1941 год, он поначалу хотел лишь вернуться назад в будущее – пока не увидел собственными глазами, что творят гитлеровские оккупанты на советской земле. Оказавшись в глубоком тылу Вермахта без надежды прорваться к своим, он собирает из таких же окруженцев боевой отряд, чтобы мстить карателям и полициям. Смогут ли мстители стать кристаллизатором местного сопротивления, первой искрой общенародной Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков? Выстоят ли партизаны против эсэсовских зондеркоманд? Удастся ли «попаданцу» изменить ход истории, перерезав вражеские коммуникации в решающий момент немецкого наступления на Москву?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101754-5

© Мельнюшкин В., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Окруженец	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	75
Глава 9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Вадим Мельнюшкин

Затерянный в сорок первом

© Мельнюшкин В.И., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Окруженец

*Ты должен делать добро из зла, потому что его больше не из чего
делать.*

Роберт Пенн Уоррен, непрогрессивный американский писатель

Нас мало, нас адски мало...

Андрей Вознесенский, хороший русский поэт

Пролог

Человек, лежащий среди деревьев, не был ни снайпером, ни большим мастером маскировки. Он вообще мало разбирался в военном деле, даже оружие, которое он мог использовать, не было по-настоящему боевым. Хорошим охотником был, а вот в людей стрелять не приходилось. Есть надежда, что и сегодня не придется. Телефон звякнул два раза и умолк. Вот же организация, даже средства связи – сотовые телефоны. А все спешка.

Ладно, секунд через тридцать объект будет здесь. За спиной заурчал двигатель грузовика, тот выкатился на дорогу и, тяжело разгоняясь, двинулся в сторону города. Синий «Фольксваген» в широкоугольном ракурсе был виден хорошо, позицию стрелок выбрал так, что не надо делать никаких упреждений – машина последние пятьдесят метров перед выстрелом будет идти прямо на него. Вот на краю зрения показался бортдвигающегося навстречу цели грузовика. Еще несколько секунд, и все произойдет, тогда ему либо придется стать убийцей, либо кривая вывезет.

Грузовик резко принял влево. Водитель «Фольксвагена» в отчаянной попытке уйти от столкновения бросил машину на обочину, но это ему не помогло – встречный удар в левое крыло отбросил автомобиль в кювет, куда тут же влетел грузовик, окончательно смяв кузов легковушки. Да, после такого не живут.

Человек облегченно вздохнул, отсоединил магазин от «сайги», передернул затвор, на лету поймал кувыркающийся патрон, убрал карабин в сумку и споро покинул место лежки. Опять повезло – и в этот раз обошлось без него. Теперь только убрать сумку в багажник и быстро смыться, не думая о том, кто был его целью. Интересно, а есть ли «тот свет», а если есть, то что там может быть?

Глава 1

Сознание вернулось. К этому бы еще хоть тело, какое-никакое. Хотя что я знаю о телах и какие они бывают. Впрочем, что такое сознание, я тоже представляю с трудом. Теперь следующий вопрос – кто я? Ау, кто-нибудь ответит? Похоже, желающих нет. А жаль, было бы лучше или по крайней мере проще. Давно я так не попадал! Ага, очередные вопросы – насколько давно и как это ТАК? А вот не помню, но ТАК давно!

Отдохну немного, точнее, отвлекусь. Что я помню о прошлом? И что такое прошлое, настоящее и будущее заодно? Это что-то из концепции времени. Как много я всего знаю все-таки. Хуже, что не понимаю. Так что насчет прошлого? Ничего, какие-то обрывки крутятся, мозаика сплошная, причем я точно не уверен, что это прошлое, а не будущее, например.

Так, что мы имеем теперь? Мир, наполненный биологической жизнью, причем наполненный очень неплохо, скажем даже, хорошо наполненный, прямо под завязку. По крайней мере я видел и хуже. Даже не буду спрашивать себя, где видел, так как ответ очевиден – не помню. Что делать дальше? Ну же... Ага, всплыло. Надо найти наиболее развитую или просто развитую, вот интересно насколько, форму жизни и произвести Слияние. Здорово, Слияние, значит, произвести, кто бы мне еще сказал, что это такое. Ну да ладно, начнем по порядку, а именно с поиска формы, знать бы, как она еще выглядит.

Что-что? Погоди, мысль, ну-ка вернись обратно. Что значит время ограничено? Кем и на сколько? Вот ведь чтоб тебя... Ограничено типа, и все! По-любому спешить придется. Ау, высокоорганизованные формы жизни, отзовитесь, сливаться будем. Ага, отозвались, как же, жди больше. Нет, смотри-ка, и правда отозвались – звуки какие-то нехарактерные, резкие и отрывистые, чем-то даже неприятные. Надо отправляться в ту сторону, вот только как? Местные формы фауны имеют специальные органы, с помощью которых могут передвигаться по поверхностям или вне их, отталкиваясь прямо от газообразных атмосферных масс, а у меня ничего этого нет. Может, надо попробовать просто захотеть переместиться в нужном направлении? Получилось! Перемещаюсь, хоть и не быстро, местные атмосферные отталкиватели делают это гораздо шустрее. Зато я двигаюсь исключительно по прямой, проходя прямо через крупные объекты флоры, при этом даже появляются какие-то ощущения, ассоциирующиеся почему-то с пресловутым Слиянием. Похоже, это Слияние не будет большой проблемой.

А это еще что? Странный объект фауны – крупный и в отличие от других на его поверхности находятся небиологические, по крайней мере неживые, объекты, покрывающие всю поверхность организма. Да и форма у него хоть и похожа на форму других представителей местной фауны, но какая-то слишком специфическая. Нельзя сказать, что необычная, но явно не функциональная для данного набора местных биологических объектов. К тому же, похоже, он поврежден, так как один из сегментов, тот, что единственный из открытых, явно сильно разрушен, а светлая растительность на нем залита некой субстанцией, поступающей изнутри тела. Вероятно, существо скоро перейдет в разряд неживых объектов. Приблизусь еще немного. Странное ощущение – меня к нему тянет почти физически. Похоже, начинается то самое Слияние. А оно мне надо? Сейчас я с ним сольюсь, и мы вместе прекратим существование. Ах, вот в чем дело, мое время тоже, оказывается, на исходе, и, похоже, это мой единственный шанс – либо мы прекращаем существование по одному, либо выживаем вместе, и нас не спрашивают...

* * *

Как же болит голова... Впрочем, сам виновен, ибо идиот. Что такое идиот, я уже знаю – это я, потому как по какой бы причине я здесь ни оказался, то так мне, идиоту, и надо. Ну

и мир же здесь – сборище идиотов, кретинов, дебилов и прочих придурков, среди которых мне самое место. И тело мне досталось олигофрена, причем это не уничижительная характеристика, потому что по сравнению с прочими долбодятлами, судя по отрывочным воспоминаниям бывшего владельца, мне еще повезло.

Похоже, олигофрены здесь самый приспособленный вид, остальные распределяются по шкале от «херово» до «очень херово», ну и есть еще «совсем херово», но такие просто долго не живут. Как же от меня воняет! Как будто месяц не мылся и спал в лесу под елками. А это тело так себя последний месяц и вело.

Это же надо додуматься: «Дать отпор агрессору». Угу, с трехлинейкой и двенадцатью патронами, снятыми с убитого пограничника, по которому танк проехал и, наверное, даже не заметил. И чего у него ума не хватило примкнуть штык, догнать этот танк и заколоть. Либо штык не нашел, либо танк обогнать не мог, потому как колоть «в спину» бывший владелец этого тела считал подлостью. Подлостью, блин! А вот если спереди... со штыком... на танк... это героизм! Комсомол, мать его! Передовой отряд молодежи, мать их!

И судя по отрывкам, что крутятся в башке, они тут все такие! Надо выбираться. Срочно! А то сейчас меня торкнет, и побегу танк догонять. Надеюсь, у меня хватит силы воли сзади его колоть и «не перестать себя уважать после этого»! В одном повезло – пуля, ударившая бывшего владельца по наполненной бредом и лозунгами голове, очень удачно ампутировала его личность, но при этом не очень сильно задела области памяти, а регенерационные возможности организма, подхлестнутые процессом слияния, дали мне шанс выжить в этом теле. А шрам на затылке и головная боль – это уже фигня. И это пройдет, как говаривал местный мифический персонаж или почитывал периодически для релаксации.

А еще хочется жрать. Организм и до ранения был истощен, а уж сколько исцеление из него вытянуло, подумать страшно. Почему я сейчас сижу на пне и раскачиваюсь, держась за большую голову, а не валяюсь в отключке, медленно умирая от голода, это есть тайна, покрытая мраком. Нет, все-таки олигофрены – это передовой отряд кретинов и самый подготовленный в физическом и интеллектуальном плане.

Надо идти искать жратву, а иначе сдохну. Где-то здесь должна винтовка валяться, а точнее, что от нее осталось. Патроны кончились третьего дня, когда я, тьфу ты, он – Константин Шеин, двадцати одного года, член ВЛКСМ и прочее, решил обстрелять немецкую колонну. И ведь ни в кого наверняка не попал, стрелок Ворошиловский, а когда удирал как заяц, еще и пулю словил магазинной коробкой. Тогда придурку повезло, сегодня везение кончилось. Пытался добраться до деревни, где можно достать хоть какой-нибудь еды, и не придумал ничего лучше, как пойти по дороге, дабы не заблудиться, ну и тащиться по лесу сил больше не было. Болота кругом. Вот и прозевал мотоцикл с тремя немцами, которые ехали, вероятно, туда же и с той же целью. Похоже, те не хотели делиться и решили перманентно устранить конкурента.

Судя по солнцу, прошло уже часа четыре с того момента, а значит, немцев в деревне, наверно, уже нет. Придется рискнуть. Может, лучше не стоит винтарь брать, не было бы его, может, и немцы не стали бы сразу стрелять. Ну, загребли бы в лагерь, потом ведь все равно отпустят, а там хоть бы пожрал. Косте даже в голову такое не приходило, ага, как же – сдать врагу. Лучше бы с голоду помер. Надо же так головы людям промыть! Это что-то с чем-то! Все решено – иду в деревню или ползу, что в моем состоянии ближе к истине. А винтовку и правда не возьму – ну ее, пусть отдыхает, отвоевалась. И Костя отвоевался. Ибо нех!

Идти все равно пришлось по дороге, потому как забрести сейчас в болото – смерти подобно. Ноги буквально цеплялись друг за друга. За неполные полчаса трижды целовался с этой, можно сказать, трассой жизни, которую Константин назвал бы приличным словом, а нормальное разумное существо – горой неприличных. Не похоже, что в этом мире, по крайней мере в этой ее части, существуют по-настоящему разумные существа – те бы до такого состо-

яния транспортную систему не довели. Хотя, судя по трофейным воспоминаниям, скоро здесь будет орднунг однако, все как у людей, то есть почти как у разумных существ.

Наконец лес расступился, и взору усталого путника предстал населенный пункт, то бишь нечто, находящееся на стыке времен между каменным веком и бронзовым. Примерно. Как и ожидалось, впрочем. Стены прямо-угольных коробок сложены из минимально обработанных древесных стволов, только кора ободрана. Мелкие постройки выглядят еще более убого даже издали. А чего хотел? В памяти Кости, хоть жителя и городского, есть и воспоминания о летнем отдыхе в деревне. Ну, там поливка огорода ведрами из реки, сенокос, ночное, грудастые селянки, попискивающие в стогу. Вот только мне сейчас до селянок огромная нужда... Хлеба бы, а мясо – это вообще мечта несбыточная. Но переться напрямую, как бы ни хотелось, глупость будет невероятная. Попроберусь-ка я вот там поправее вдоль опушки, а затем прикроюсь полосой, выделяющейся на выгоревшей от солнца поляне, сочным зеленым цветом. Похоже, там либо ручеек, либо сырая канава тянется от леса до крайних деревенских заборов. Так оно понадежнее будет.

Канава и правда была. Скорее не сырая, а просто влажная и не очень глубокая, так что пришлось проползти около двухсот метров, что никак не сказалось ни на пиджаке, ни на брюках, потому как хуже уже было некуда. Представил, какотреагируют аппетитные во всех смыслах селянки на измазанное в грязи, да и залитое подсохшей кровью шатающееся на ходу существо, и не позавидовал. Им ли, себе ли... Никому, короче. Хотя... Память услужливо подсказала, что особи хомо сапиенс женского пола, существа хоть и робкие, но жалостливые, так что если сразу в обморок не упадут, то и накормят, и обогреют. Вот с мужскими особями могут быть проблемы, но скорее и они убогого бить не будут, а вот половинам своим жалость в крупных размерах проявлять не дадут. Но тут уж не до жиру, главное в ошип не попасть. Перелезть через забор сил не было, но, на счастье, среди лопухов нашелся подкоп. То ли какие домашние животные его сделали, чтобы наведываться на охоту в лес, то ли совсем наоборот – дикие в деревню с той же целью, принципиального значения не имело. Главное, зверь был не мелкий, потому и новоприобретенное тело, хоть и здорово исхудавшее, но достаточно крупное для данной популяции, пролезло вполне удачно, даже клоков одежды на досках не осталось. Вот и ладушки, теперь тихо и осторожно ползем до ближайшего сарайчика, может, прямо там на что съестное удастся наткнуться. Ну вот, наткнулся! Похоже, это и есть хозяин того лаза, что так удачно подвернулся. Нет, теоретически, конечно, псину есть вполне можно, тем более что животное умерло недавно, даже кровь, натекшая из раны, свернуться не успела. Но как-то это не комильфо. Странное, кстати, слово – что оно примерно означает, представляю, но из чьей памяти вылезло, понять не могу. По крайней мере ни я, ни Константин точного его значения не знаем. И это уже не в первый раз. Но это я отвлекся.

Не нравится мне эта убитая собака, особенно после того, как я труп слегка поворожал. Судя по ранению, ее тупо застрелили, причем из нарезного оружия – был бы гладкоствол, ранения были бы либо множественные, либо входное другой формы. О как, оказывается, я много об оружии знаю, спасибо сержанту на курсах, где я значок Ворошиловского стрелка получил. Но это все лирика. Вернемся к нашим собакам. Вряд ли хозяин будет своего пса во дворе убивать, а уж то, что соседу такое спустит, тем более невероятно – тут бы сейчас такой хай стоял. Значит, кто-то чужой, кого хозяин если не боится, то опасается, и с точностью до третьего знака я могу указать на такого стрелка. Не конкретно, конечно, но его принадлежность к соответствующей армии запросто. Вероятность, что красноармейцы в тылу вермахта занялись отстрелом собак, причем именно во множественном числе, пренебрежительно мала. А то, что собак постреляли во всей деревне, уверен, хотя не удивлюсь, если парочка самых умных или самых трусливых уцелела. Теперь я понял свое нежелание идти в деревню напрямик – собак я не услышал. Не то чтобы они должны постоянно брехать, но взлаивать время от времени вроде не прочь. А тут тишина. Не к добру это. А это что? Топот какой-то на улице.

Скрипнула калитка в соседнем дворе, топот прекратился, сменившись каким-то невнятным шумом и негромкими вскриками. Нет, не стоит соваться не в свое дело – это мозги так думают, а ноги несут думательный орган к невысокому заборчику, разделяющему два двора. Родственники здесь, что ли, живут или у соседей неприлично не оставлять проем для прохода, но чтобы лезть через ограду не пришлось.

Соседнее подворье хоть и не как две капли, но было похоже на предыдущее, только вместо мертвой собаки здесь обитали живые куры, пасущиеся под присмотром огромного белоснежного петуха. Шум раздавался из-за угла то ли сарая, то ли овина, черт их разберет, стоящего по левую руку. Стараясь не шуметь, почти на цыпочках, подбираюсь к углу и, присев на корточки, выглядываю. Почему на корточки, сам не понимаю, но догадываюсь, что так у меня больше шансов остаться незамеченным. Человек мало замечает то, что низкое и маленькое, по крайней мере меньше опасается, потому и следит за этой областью меньше, а здесь еще и куры всякие бегают. Картина нерадостная, да что там – крайне препоганая картина. Немец, ну а кто тут в серой форме еще может быть, прижал к стене девчонку лет шестнадцати-семнадцати и остервенело рвал на ней одежду. Та почему-то не кричала, а молча отбивалась, что получалось у нее не слишком хорошо. Понимая это, она, видно, решила дать насильнику более жесткий отпор и вцепилась ему ногтями в щеку, которая тут же украсилась тремя багровыми полосами. Солдат отшатнулся, воскликнул что-то неразборчивое и с размаху ударил девушку кулаком в лицо. Обмякнув, жертва начала сползать по стене, но немец схватил ее за волосы и начал бить головой об стену. Как сорвался с места и бросился вперед, даже не понял, не хотел же ни во что вмешиваться.

– Ты, сволочь, оставь ее!

Отпустив девушку, солдат резко развернулся в мою сторону. Ну и что теперь делать, морду ему бить? Бешеными глазами садиста немец посмотрел на меня, затем под ноги, наверняка разыскивая свою винтовку, которая, вероятно, будучи прислоненной к стене, теперь лежала под обмякшим телом, прорычал что-то, выдернул из ножен штык и шагнул ко мне. Не понравились не только его глаза, но и ощерившийся рот, из угла которого стекала слюна, и запах сивухи, даже на расстоянии метра бьющий в лицо. Ну все, кажись, добежался! Этот бешеный пес сейчас меня зарежет и продолжит терзать девчонку. Все инстинкты и тела, и разума вопили, что надо бежать, но я продолжал стоять на подрагивающих от слабости ногах и ждать продолжения. Немец сделал еще шаг и ударил снизу вверх, наверное, желая раздрать меня от живота до подбородка, в сумасшедших глазах я увидел предвкушение. Чьи инстинкты меня спасли, не знаю, но тело дернулось вбок, пропуская клинок, левая рука перехватила кисть психа, доворот, и враг прижат к стене... Правая рука перехватывает штык, выпадающий из вывернутой конечности, и наносит удар рукоятью в основание черепа.

Какая же вонь! Это он чего – со страха? Только что напряженное тело врага расслабилось, становясь похожим на туго набитый тряпками мешок. Отпускаю и делаю шаг назад, одновременно зажимая нос свободной рукой. Немец падает кулем. Надо бы его связать да рот заткнуть, а то очухается и орать начнет. Подходить к этому во всех смыслах засранцу не хочется. Но надо. Вдыхаю ртом, наклоняюсь и завожу ему руки за спину. А чем вязать? На нем целая сбруя из ремней – так просто даже не расстегнешь. Ладно, пока пилотку пристрою в виде кляпа. Думал, засунуть ее в рот будет трудно, но оказалось все просто – челюсть сама отвалилась, и кляп занял свое место. Что-то тут не то. К вонючке уже почти притерпелся, поэтому решил исследовать тушу поподробнее. Потянул за подбородок вбок, и голова повернулась без всякого сопротивления. Зажал на всякий случай нос, ох и здоровущий он у него, ноль реакции. Осталось проверить пульс. Точно, перестарался. Чего ж он хлипкий такой оказался? Ладно, пусть валяется. Надо девчонку в чувство привести и тикать отсюда.

– Очнись, красавица, – протягиваю руку, чтобы поддержать голову, и чувствую под ладонью что-то липкое. Только не это! Приближаю свое лицо к ее и пытаюсь уловить запах дыха-

ния. Ничего. Судорожно проверяю пульс. Мну ее запястье минуту или более. Ну, где ты, стучащая жилка? Мать, мать, мать! Что же за паскудный мир? Какая паскуда меня сюда закинула? Выберусь, найду и убью. Оживлю, и еще раз убью. А ведь это не мое! Точнее, мысли мои, а вот эмоции скорее Константина, его эндокринная система так меня колбасит. Или секреторная. Костя как-то прослушал популярную лекцию на эту тему, толком не понял, но долго парил мозги друзьям и подругам. Но дело сейчас не в этом, надо думать, что делать дальше.

Винтовку из-под трупа достал с большой аккуратностью, отложил в сторону, саму девушку уложил ровнее, прикрыв, по возможности, обнаженные части тела обрывками одежды. Затем взял винтовку и задумался. Это был «маузер», еще не укороченный «девяносто восьмой». На «мосинку», конечно, похож, но есть и различия. Главное – это наличие предохранителя, о котором рассказывал сержант на курсах, обещал принести показать сначала натуральную винтовку, затем плакат, но так в конце концов ничего и не принес. Предохранитель же, как помнится, должен быть трехпозиционный, и его надо как-то поворачивать. Похоже, это вот та штука позади затвора. Ага, затвор не двигается. А если так. «Штука» повернулась, встав вертикально, и стала напоминать фаллический символ. Хотя затвор освободился и, сдвинув его, можно было увидеть досланный в ствол патрон, имея предохранитель в таком положении, прицельно стрелять было невозможно – линия прицела была перекрыта. Нажал еще раз, и предохранитель, если это, конечно, был он, встал в положение, противоположное начальному. Затвор двигался, но сработает ли спуск? Пришлось один за другим извлечь, двигая удобной загнутой рукояткой, все патроны и попробовать. Спуск сработал. И то хлеб. От воспоминания о хлебе в животе заурчало. Молчи, брюхо, выдашь, не будет тебе хлеба, свинцом накормят. Новую обойму извлек из подсумка трупа и зарядил оружие. Как ни старался, шестой патрон в ствол загнать не удалось, а ведь у немца их было шесть, наверно, секрет какой-то есть. Сбрую с подсумками и флягой пристроил на себя достаточно быстро, а дальше задумался. И что теперь, бежать в лес шишки грызть? Ко всему прочему немцы обязательно устроят погоню – так не спустят. В плен теперь тоже не сдашься, по крайней мере не вблизи деревни.

– Kurt, wo Sie ist?¹

А вот и второй дойч объявился. Судя по голосу, он метрах в ста – ста пятидесяти западнее или северо-западнее. Эх, знать бы, сколько их всего и скоро ли они пойдут этого Курта искать. Скорее всего скоро, жаль, не понимаю, что он кричит. Эх, Костя, язык Гете надо было учить, а не Вольтера. Пара-тройка минут еще есть, надо решаться. Блин, зачем я сбрую напялил, теперь время терять, пока сниму да назад натяну.

Через две минуты я уже красовался в немецком кителе, жеваной, старательно расправленной пилотке, грязных брюках и сапогах. Загаженные немцем штаны не одену ни за что. Сможет ли моя маскировка обмануть кого хоть на миг? Ростом, при своих ста восьмидесяти двух сантиметрах, Курту я не уступал. Если это, конечно, Курт, хотя какая мне разница. Говорят, что «Трою» написал совсем не Гомер, а другой слепой грек, живший в то же время и носивший такое же имя. Вот и со мной примерно то же. Короче, рост одинаковый, оба блондины, осталось морду вниз опустить да пошатываться понатуральнее, дабы разницу в походке скрыть. Вроде все. Посмотрел на руки и понял – не все. У меня ж не только брюки и сапоги, будто у трубочиста отнял. Сдернул с пояса флягу, открутил крышку... Чтoб тебя в аду черти жарили, Курт. Как я буду теперь самогонкой умываться? Вот не знаю как, но умылся. Глаза щиплет, зараза, как их ни зажмуривай. Интересно, что-нибудь смыл или грязь развез по всей морде? Судя по рукам, должно быть более-менее.

– Kurt, wenn der Herr Unteroffizier wird früher kommen, wirst du auf die Toilette zu reinigen?²

¹ Курт, где тебя носит?

² Курт, если господин унтерофицер придет раньше, будешь сортир драить.

Смейся-смейся, теперь я точно знаю, что вас трое, те самые. Покойники. За себя бы мстить не стал, а вот за девчонку... Все, хватит время тянуть, пора! Прости, девочка, что не успел. Теперь либо я к тебе в попутчики, либо пару других подберу.

Со двора через скрипнувшую калитку вышел, как и хотел, мордой вниз и, прислонившись к забору, глянул исподлобья в сторону любителя поорать, но никого не увидел, метров через семьдесят улица поворачивала на север. Вероятно, тот, кто мне был нужен, находился за этим поворотом. Зря я маскировался, до забора меня не увидят, а дальше хрен спугают. Нечего тянуть кота, пошли помаленьку. Смысла изображать пьяного уже не было, потому через пару минут я уже у угла. Хорошо, что у них здесь заборы сплошные, а не штакетник задрипаный. Колотит. Опять присаживаюсь на корточки и выглядываю. Площадь перед каким-то немаленьким, тоже бревенчатым зданием. Либо школа, либо сельсовет, а может, контора какая, колхозная или заготовительная. Около крыльца мотоцикл, но крикуна не видно. Наверно, внутри. Как бы его выманить. В голову ничего не приходит.

Бац!

Вот это мне чуть в голову не пришло! Падаю, одновременно разворачиваясь в сторону, откуда сам только что появился. Еще одна пуля бьет в то место, где сидел. Ухожу в перекат, одновременно выбрасываю руки с винтовкой вперед. Бац! Пуля взрывает песок под самым боком. Не успел, гад! Сейчас он возьмет упреждение, и я сам вкачусь под следующую. Ба-бах! Нажимаю на спуск, еще не разобравшись, куда стреляю. Может, напугаю. Делаю перекат в обратную сторону. Бац! Похоже, повелся, или я ему прицел сбил, по крайней мере, пуля прошла где-то далеко. А вот и мой стрелок. Стоит метрах в пятидесяти во весь рост в классической позе спортивного стрелка и садит в меня из пистолета. Ему проще, а мне затвор передегивать. Ба-бах! Не попадаю. Опять перекат. Бац! Он на один мой неприцельный может два прицельных выдавать. Ба-бах! Есть! Попал куда-то в область бедра, похоже, даже вскользь, но немца развернуло, почти опрокинуло, но тот справился и начал опять поворачивать ствол в мою сторону. Но нога продолжала подламываться, и ему пришлось встать на колено. Это все, что он успел сделать. Ба-бах! В этот раз я смог нормально прицелиться, и пуля, ударив солдата в грудь, опрокинула его на землю. Готов или близко к тому, хотя и скребет ногами по песку, но встанет вряд ли. А вот крикун, продолжая орать, явно спешит сюда. Хоть что-то у меня осталось? Слегка оттягиваю затвор – один в стволе, а вот перезарядиться, боюсь, не успею. А, где наша не пропадала, становлюсь на колено и зацеливаю угол, зажав в зубах обойму.

– Kurt, der Unteroffizier Zielinski, was passiert?³

Не хочет из-за угла вылезать. Ну и ладно, сейчас узнаешь, кто пришел. Перевожу прицел левее и жму на спуск. Ба-бах! Если он не трус, то я труп. Дергаю затвор и засаживаю обойму. Трус. Слышу удаляющийся топот, вскакиваю сам и, выскочив за угол, всаживаю пулю в успевшего отбежать на полтора десятка метров солдата. Ба-бах! И тишина. Не отнимая приклада от плеча, разворачиваюсь в сторону пистолетчика, прикрытого сейчас забором, и приставным шагом сдвигаюсь, одновременно выбирая спуск. Здесь все нормально – немец все еще месит ногами пыль, но каждое движение все медленнее и медленнее, этому недолго осталось, тем более что под ним уже натекла темная лужа, несмотря на то, что прошло всего несколько секунд. Теоретически оратора можно не проверять – с такой дырой в черепе ему только пришелец вроде меня сможет помочь, а я никого подобного вокруг не замечаю. Точно, труп, к бабке не ходи. Ха, интересно, при чем здесь какая-то бабка? Кажись, понял – отходняк начинается, вон как руки ходуном ходят. Надо бы возвращаться к первому стрелку, очень уж подзрительная корзина невдалеке от него образовалась – жратву я сейчас за километр почую. Или за парсек. Ну, точно запасливый хомяк попался, хоть и почти дохлый. Вот эта колбаска домашняя мне в самый раз, хоть и не успеваешь во рту таять, так как я ее сразу следующим

³ Курт, унтерофицер Зелински, что происходит?

куском дальше проталкиваю, но вкусно. Немец забулькал кровавыми пузырями. Сказать что-то хочешь? Наклоняюсь, и тут меня накрывает Слиянием.

Не хочу!

Но поздно.

Глава 2

Какой раз я сегодня из отключки выбираюсь? Похоже, уже третий. Это может и в привычку войти. Не хотелось бы. Голова почти не болит, прогресс налицо, что радует, хотя внутри такая каша, что хоть топор вешай. И что это за толпа вокруг меня собралась, причем с сельхозинструментом колюще-режущего свойства, тем более, заметив, что я пришел в чувства, какой-то мужичок перехватил поудобнее вилы и сделал в мою сторону шажок.

– Э-э-э... а вы кто будешь?

– Дед Пыхто, не заметно? – Вставать я пока не решался, потому просто сел прямо в пыль, да и какая разница – форму все одно уже уделал.

– Наш, што ли?

– Ну как тебе, мужик, сказать – скорее наш, чем наоборот.

– Говоришь чудно, но наш вроде, – мужичок неуверенно оглянулся на толпившихся за спиной селян.

– Да сволочь он! Наш, не наш – паскудник и есть, – взвилась баба с косой в руке. – Жолнеров ерманских побил, сам щас наутек, а нас ерманец по околице всех развесит. Хватай его, ерманцу сдадим, можа, и помилует.

Народ заволновался, но, похоже, мысль меня хватать пришлась по душе. Если сейчас им отпор не дать, неизвестно, как дело повернется дальше. Первым делом я подобрал валявшийся рядом «люгер» и, стараясь не показывать слабость, встал, хотя на винтовку и пришлось опереться. Повертел пистолет в руках, патроны вроде еще должны остаться, и как можно наглее посмотрел на толпу.

– Ну, кто первый хватать будет? – Народец слегка попятился, но перепугался, похоже, не сильно, так как в мою сторону нацелился целый ворох инструмента. Бросятся толпой, хрен отобьюсь, не стрелять же в них на самом деле. Хотя кое-кому в зубы дать и стоит. – Желающих, похоже, нет? Поэтому перестаем дурью маяться и думаем, что делать дальше.

Ага, увидев, что я беру на себя командирские обязанности, а значит, от ответственности увилывать не собираюсь, селяне приободрились. Ну да, извечный русский вопрос – кто виноват и что с ним, гадом, делать? Чего уж теперь, гад – выкручивайся.

– Для начала быстро убираем трупы. Там во дворе еще один немец и девушка, – махнул я рукой в сторону двора, из которого вышел на улицу.

– Видели уже, – мужик с вилами тяжело вздохнул. – Так это он ее?

– А ты думал я? – зло посмотрел на мужика.

– Та не, – тот опасливо отодвинулся. – Мы так и помышляли, та и морда у него в царапках.

– Любка, шалава, сама виновата, – баба с косой уступить, похоже, не собиралась. – То с красными жолнерами путалась, то теперь с ерманскими, стервь, начала...

Не нравится мне эта баба, если уж она так о мертвых односельчанах, да еще, возможно, при родственниках, то жди беды.

– Ты, курва, пасть заткни, а то я тебе ее заткну таблеткой свинцовой, – как бы не перестараться, но, похоже, в тон попал – окружающие стали зло толкать бабищу. – Уберите ее отсюда, а то я за себя не ручаюсь.

Похоже, страху я на нее напустил. Заодно и уважение остальных баб и мужиков заработал – не любят люди с такими стервами связываться, от безнаказанности те еще больше стervenеют, и справиться с ними становится уже проблемой. Тот же, кто с твоей проблемой справляется, достоин как минимум благодарности. Вот и пускай пылит отсюда. Меньше народа – шире размах.

– Трупы, те, что кровят, так просто не таскайте. В дерюгу какую заверните. Немцев раздеть полностью, да недалеко от дороги на околице сложите, но чтоб в глаза не бросались. Форму отстирать и починить аккуратно надо. Успеете, пока я покойников и мотоцикл прятать буду?

Народ начал бурно обсуждать мои претензии на припашку, но то, что я взял на себя сокрытие следов, убедило их в моем праве требовать от них помощи. Мужики так сразу согласились – кровь и дерьмо не им отмывать, да и штопать не они будут. Что удивительно, думал, больше будут возмущаться те, кому одежда с засранца достанется, но оказалось наоборот – больше не понравилась возня с кровью. Менталитет у селян от городского отличается, что, в общем, не удивительно – навоз здесь удобрение, а не грязь, а человеческий или звериный, не так важно.

Темнеет сейчас поздно, до заката часа три или около того. Пока местные с покойниками разберутся, с полчаса у меня есть. Во-первых, корзиночку, что немец пер, надо прибрать – что с боя взято, то свято. Тут еще много чего вкусного. Из фляги бы отхлебнуть, но надо иметь трезвую голову, хотя мозги скоро закипят. Вот это как раз – во-вторых. Надо осмыслить, что я с немца получил. Язык теперь знаю, бытовуху и устройство Рейха тоже. Вполне смогу за гражданина сойти. А вот политика – это что-то с чем-то. Мир этот точно больной. Так ведь дурак с коммунистов фигел – думал, у них с головой не все в порядке. Нет, я и сейчас так считаю, но наци – это вообще ни в какие ворота, даже распашные с калиткой. Первые хотя бы хотят сделать всех людей счастливыми. Ну не совсем всех, кое-кого в расход отправить собираются, хотя пока в основном на своих тренируются. Желание осчастливить человечество, причем все, по одной схеме и прямо в его присутствии – это, конечно, диагноз. Но вот вторые, вот эти кому угодно фору дадут. Короче, додумались до того, что они истинно разумные, а все остальные должны быть их рабами. Даже римляне, на которых каких только собак не навесили, до такого не дошли. Как там у них – нет ни римлянина, ни иудея... Что самое смешное, иудеи у наци даже в качестве рабов не котируются. Ну и что теперь делать? Сдаваться в плен к этим ненормальным в квадрате нельзя ни под каким сиропом. Их только могила исправит. Похоже, если хочу выжить, придется этим и заняться. Пусть они умрут сегодня, завтра и послезавтра, а я не скоро, а если выбраться удастся, то, возможно, очень не скоро. Все, некогда сейчас, подумаю об этом завтра. Дерюгу уже тащат, значит, надо быстренько унтера обшмонать.

Ничего особенно интересного не нашел, так, мелочи – запасная обойма к «люгеру», коробка на двадцать пистолетных патронов, часы, зольдбух, немного денег и прочая мелочь, что лежит в мужских карманах, вроде сигарет, зажигалок, расчесок. Так как не курю, хотел сигареты сначала мужикам отдать, но подумал, что те на них здорово спалиться могут, да и мне для других целей сгодятся. Вдруг собачки, например, появятся, не слишком хорошая, конечно, защита, но и минута лишняя при погоне для спасения не помешает. Напрягать мужиков на самосад не хочется, они еще не знают, что просто так от меня не отвяжутся, вдруг решат, что меня проще убить, чем прокормить. Война все спишет.

– Уважаемый, а как величать тебя лучше? – обратился я к обладателю вил, впрочем, сейчас их уже не имеющему.

– Опанас Григорьевич я, но все дядькой Опанасом кличут.

– Тогда, дядька Опанас, пригляди, чтобы с немцев народ ничего не растащил. Мне, в общем, не жалко, но если этих искать будут, а увидят у кого гармошку какую губную, часы или курево, погорите всей деревней, причем в прямом смысле.

– Чего ж мы, совсем без разуму?

– Берешься за всех ответить?

– Не, за усих не возьмусь. Разные есть. Лады, погляну.

– Ну вот и хорошо. Еще к тебе вопросик – кто местность здесь хорошо знает?

Мужик странно посмотрел на меня.

– Як хто? Уси и разумеют – живем мы тут, как не разу-меть.

– Хорошо, давай по-другому. Кто знает, как в болото мотоцикл протаскать, чтобы не утопить, но и не нашел его никто?

Тут дядька уже задумался.

– Ну, Кузьма болота разумеет, но вошел он кудыть третьего дни. Пацан если его, Миколка. Тот завсегда с батькой шляется, даж в школу не ходит. Председатель Кузьму завсегда с того костерил.

– Так удастся Миколку найти?

– Як вще ево искать. Вона с малыми подглядывает, – и указал на группу мальчишек, что собрались метрах в пятидесяти и что-то активно обсуждали, не отрывая от нас взглядов.

– Миколка, подь сюды!

От группы отделился паренек лет двенадцати и, пыля босыми ногами, помчался в нашу сторону.

– Вот, Миколка, товарищу бойцу помощь треба.

– Николай, – с серьезным видом протянул немаленькую мозолистую ладонь мальчишка.

– Константин, – с неподдельной серьезностью ответил я и пожал руку. – Помощь от тебя, Николай, нужна следующая. Место мне нужно, куда можно мотоцикл своим ходом загнать, но так, чтобы и недалеко, и не нашел никто, и в сохранности все осталось. А если еще и немцев где можно будет схоронить, а лучше попросту притопить, то и вообще хорошо.

– Можно, – молвил Коля, предварительно поморщив лоб, будто обдумывает что-то, но по сразу загоревшимся глазам было понятно, что место такое он знает. – Покажу, но близко не будет. Да и лошадь нужна с постромками – своим ходом не пройдет, хоть механизм и мощный. У нашего участкового послабже был.

Ишь, разбирается, прогульщик.

– Как, дядька Опанас, лошадь будет?

– Та буде, куды от вас, бусурман, деваться.

– Вот и отлично. Через десять минут встречаемся... А кстати, Николай где?

– На околице, там, – он махнул рукой в ту сторону, откуда я пришел.

– И еще, дядька Опанас, не в службу, если кто баню топит, пусть мне водички теплой оставят – третью неделю из лужи умываюсь, сам небось по запаху заметил.

– Да уж, – усмехнулся тот. – Дух свиреп. По-любому Любку обмывать надоть. А после покойницы не сбоишься? Хотя че те, душегубцу.

– Да ничего страшного, я непривередливый, да и в приметы не верю.

Мое утверждение о приметах мужику явно не понравилось, но тот промолчал.

– А волосы стричь у вас кто умеет? – вдруг вспомнил я.

– А те на кой? – удивился Опанас, глянув на мой слегка заросший полубокс.

– У немцев стрижки другие, мою все равно в их не превратить, но, если поаккуратнее подровнять, под пилоткой почти незаметно будет.

– Ты чо ж, в ихнем бродить собрался? В емперилистическу за то стреляли враз.

– Эх, если я им живым попадусь, боюсь, по-любому, расстрелом не обойдусь.

– Ну тож верно. Лады, Верку спрошу, всех пользует, може, и тебе обломится, – хитро усмехнулся он в усы.

Намек про Верку был понятен, но что-то мне не до того сейчас. Около мотоцикла уже лежали три трупа, завернутые в драную мешковину, кое-где уже пропитанную кровью. Рядом были и сложены вещи, что сняли с покойников. Быстро собрав боеприпасы и прихватив еще кое-какую мелочовку вроде перочинного ножа и плоского фонарика со светофильтрами, попросил унести вещи и застелить коляску еще парой слоев мешковины. Все трое в коляску не влезли, и один труп пришлось закрепить веревками. Наконец под озабоченными взглядами жителей деревни тронулся в путь. Колька уже ждал, сидя охлюпкой на серой кобыле. Сразу попросил его внимательно осматривать дорогу – неподалеку должно быть место, где немцы

обстреляли моего будущего донора. Надо бы гильзы собрать, нечего немцам давать зацепки, вдруг жителей деревни обвинят. Место нашли, причем сворачивать надо было там же. Намалясь с лапником, который разложили на месте съезда в лес, дабы следов не оставлять на обочине – штык немецкий оказался туп, как колун, не следят дойчи за оружием, а еще ордунаг называется. Шучу, но если бы не сведения, полученные от унтера, так бы и подумал, что лентяй.

Работка по перетаскиванию мотоцикла, маскировки оногo, «похоронам», а проще сказать, утоплению останков, оказалась та еще. Удачно заглянул за сиденье в мотоцикле, обнаружив там ранец, да непустой. Повезло, а то так и остался бы в болоте. Обратнo добирались одувокoм наоборот, Колька правил, а я сзади задницу отбивал. Прибыли, когда уже сумерки легли. Николай довез меня до дома Опанаса, попрощался и был таков. Баня много времени не заняла – под пар ее не топили, просто воды нагрели, но и мочалкой меня Опанас отдраил до скрипа. Стрижка тоже заняла от силы минут десять, которые Верка, молодая симпатичная бабенка, провела с большой пользой, успев прижаться ко мне всеми возможными частями тела. И хотя реакция моя была почти нулевой, ни капли не расстроилась, пригласив заходить, когда еще чего в размерах прибавится. Пара часов ушла на разбор трофеев и чистку оружия.

Из оружия решил взять один «маузер», жаль обе были старые винтовки «люгер» и две гранаты «М-39», оказавшиеся в ранце вместе с кучей хозяйственных мелочей и некоторым количеством нескоропортящихся продуктов. Штык и португепя оказались одни, причем даже непонятно, зачем первый из убитых мной их вообще надел. Унтеровские знаки различия решил перешить – форма его была мне мала, а звание выше рядового могло и пригодиться, не так цепляться будут. Мордой лица ни на одну из фотографий я не походил, но тут уж ничего не поделаешь. Исподнее мне местные подобрали из своих запасов на «пока поносить», и я блистал в кальсонах и белой рубахе. Завтра в немецкое переодеваться придется. А вот брюки и особенно китель, что стирала сейчас супруга Опанаса Григорьевича, могут к завтра и не просохнуть. Хотя Елена Борисовна, та самая супруга, показав огромный страшный агрегат, названный утюгом, обещала, что все будет хорошо.

День еще не закончился, а потому мне предстояли и новые встречи. Нежданно-негаданно пришел Кузьма, запропастившийся где-то отец Миколки. Поздоровался с хозяевами, прошел к столу, где я разложил на мешковине свой арсенал для чистки, и так же, как сын, протянул мне руку.

– Кузьма.

– Константин, – я встал, опасливо попытался пожать лопату, заменяющую хозяйину кисть руки. – А по отчеству как?

Тот только махнул рукой, присел и тут же сграбастал только что вычищенный пистолет.

– Хороший «парабеллум». Мне как-то в империалистическую почти такой же попался, только ствол подлиннее. Меняешь чего?

Деловой мужик. Не старый, и сорока бы не дал, в гражданской бы успел повоевать, а вот в империалистическую...

– Нечего особо менять. Если только «маузер» один, но патронов нет, сорок две штуки осталось – самому мало. Гранаты и «люгер» тоже нужны.

– Форму тоже на себе потащишь? Да и мотоцикл без присмотра на болоте проржавеет.

– Один комплект надену, а мотик все одно бросать, если хочешь – бери, да ты его и так можешь прибрать, без моего разрешения.

– Без разрешения нельзя – не к добру. Хорошо подумал, в германском идти? Мигом под расстрел.

– Мне по-любому, – указал я на разложенный арсенал.

– Коли поймают, можно сказать, что на поле боя подобрал.

– Они уже завтра этих трех искать начнут, номера сверят, и кирдык.

– Разумно, а откуда они у нас взялись, кстати?

– Ремонтники восемнадцатой моторизованной дивизии, похоже, просто пограбить заехали.

– Далековато.

– Откуда?

Кузьма усмехнулся и достал из сапога карту. Это была не карта, а мечта. Военная пяти-сотка, да еще совсем свежая.

– Мы здесь, – снова улыбнулся Кузьма, увидев мои мигом загоревшиеся глаза. – Деревня Жерносеки, а Полоцк, где скорее всего находятся тыловые подразделения, здесь – почти в двадцати верстах по прямой.

– Хм, может, передислокация шла, а они в сторонку отвернули.

– Могли, на Юровичи колонны сплошняком прут, даже ночью.

– А наши давно ушли?

– Третьего дня уже. Два дня войска с техникой шли, а сейчас, вполне возможно, тылы двинулись. Судя по тому, что канонады со вчерашнего дня не слышно, отошли больше, чем на полтинник.

– А ты что за немцами следишь?

– Да сдались они мне. Так, ходил добро какое брошенное подобрать.

– И много подобрал?

– Да где ж его много подберешь? Трофейщики у германцев жадные, чуть что, сразу стреляют, – хитро глянул на меня собеседник. – Считаю, зазя сходил.

– Карту дашь? – задал я вопрос в лоб.

– А тебе зачем? Пройдешь еще двадцать верст на восток, она и кончится.

– Не иду я на восток. Есть тут у меня кое-какие дела.

– Твое, конечно, дело, паря, но не советую. Похоже, советская власть не скоро вернется, если вернется вообще.

– Хватит тебе, Кузьма, – вмешался в разговор Опанас. – Опять в Сибирь захотел?

– Экие ж вы все пугливые. Где я неправду сказал? Или ты считаешь, что большевики завтра германцев обратно погонят, как в сказке о мальчише? Молчишь, вот и молчи, как всегда молчал, теперь на тебе германцы кататься будут.

– На простом люде завсегда кто-нить да катается, – Опанас хлопнул дверью и вышел в сени, а может, и на улицу.

– И все же рискну, – вернул я разговор в старое русло, взяв на заметку, что мой новый собеседник, похоже, не слишком надежен, все-таки пострадавший от советской власти. – Так как насчет карты?

– Даже не знаю. Может, кроками, с царской еще, обойдешься? Хотя они у меня на кальке да карандашом – не для поля, конечно. А ладно, забирай.

Похоже, карта у него не последняя. Да и та, с которой кроки снимал. Не простой мужик мне попался, ох не простой. Хотел у него еще патронов попросить, но решил не нарываться – поговорим еще на эту тему. Надо связи нарабатывать, а эта семейка мне, похоже, нравится, что сын, что отец. Не чувствуется в них гнили. Считается, что первое впечатление самое правильное, вот и будем ему следовать. Оглянувшись и заметив, что в избе пусто, все же решил рискнуть.

– Место нужно надежное. Недалеко, удобно и безопасно. Желательно не одно.

– Подумать надо. А не опасаться?

– Нет, не опасаясь – кому-то верить надо.

– Ну гляди, паря, я тебя не тянул. Смотри сюда: если не далеко, то прямо на запад у нас неплохой лесок есть. Колька завтра тебе там землянку покажет. Не бог весть что, но перебежать можно. А как поток спадет, то лучше тебе на восток слегка перебраться. Вот тут,

за Залесьем, небольшой массив уже есть, он слегка облагорожен, просеки пробиты, но место интересное. Озеро здесь и болото. На болото гать идет, но на картах ее нет, в середине три сухих острова. Можно даже землянки вырыть, ну и еще плюс, что есть два прохода. Сам обвешивал, но туда без меня не лезь – есть хитрости. Это тебе пока, покумекаю пару дней – еще чего подберу.

На этом мы и расстались.

Глава 3

Колька растолкал меня еще до рассвета, а значит, проспал я не более трех часов. Парень постоянно поторапливал меня, да и сам я не хотел задерживаться, тем самым дополнительно ставя под удар местных, отнесшихся к прохожему в общем-то неплохо, несмотря на те неприятности, что тот им доставил. Потому быстро умылся прямо из бочки, навьючил имущество, получил от Борисовны узелок с нехитрым харчем, и двинулись в путь. Дорога заняла не более часа и привела нас к хорошо замаскированной землянке, пригодной для проживания не более пары человек. Тут Коля устроил мне целую получасовую лекцию, как нельзя ходить по одним и тем же местам, дабы не натоптать троп, огонь жечь только из сухих дров да желательно ночью, чтобы запах дыма до утра разнесло. Больше всего удивило меня предложение справлять нужду в протекающий недалеко ручей, причем как малую, так и большую. Представил себя сидящим с голым задом над журчащим потоком и расхохотался. Зря это я – мигом потерял в глазах мальчика половину уважения. Пришлось с серьезным видом повторять, как на экзамене, его рекомендации. Пару раз он меня поправил, но остался доволен, обещался прийти к вечеру с едой – и пропал. Буквально пропал – только что был и как ветром сдуло. Чудны дела твои...

День решил провести с пользой – память у меня теперь абсолютная, это я Кольке специально пару ошибок допустил, маскируюсь типа, потому решил выучить карту. Дело не сложное, но и не простое. Полдня убил, как и не было. Поел и решил ревизию провести. Нет, какие у меня в наличии вещи и оружие есть, и так прекрасно помню. А вот что у меня в голове есть после двух Слияний? Там и черт ногу сломит. Начнем со знаний и способностей, что может мне понадобиться для выживания. Имеем за плечами четыре курса Железнодорожного института в Москве и техническую школу в Мюнхене, неплохую стрелковую подготовку, причем немец умел использовать как пулемет, так и малокалиберную артиллерию. Правда, ее он больше чинил, но и выстрелить смог бы. Еще Герберт Зелински умел водить любой транспорт, проходивший через их мастерские, вплоть до танков. Летать, правда, не умел, даже с использованием технических средств. Жаль, конечно, но не критично. А вот с починкой стрелкового оружия было хуже, не его специализация. Косте же в истекшем учебном году, вероятно, под давлением военных, прочитали курс лекций по инженерному воздействию на железнодорожные пути и сооружения, а попросту что и как нужно взрывать или разрушать другими доступными способами. Тоже может сгодиться. С медициной никак – могу шину и жгут наложить да рану забинтовать, хотя кажется, что для меня это не слишком важно, особенно если пощупать вполне так заживший череп. Шрам еще есть, но что-то мне подсказывает, что ненадолго. Плохо с личными воспоминаниями моих доноров – их практически нет. Не то чтобы сильно напрягало, но могут быть проблемы. С Гербертом ладно, а вот Константин, чьим телом я владею... Можно, конечно, разыгрывать амнезию или секретность, но как бы то и другое не вышло боком. Ну да ладно, будем бороться с проблемами по мере их поступления. Главное, надо придумать причину, по которой я не хочу отдаляться от этого места, не объяснять же, что здесь наибольшая вероятность по выходу из задницы. Не поймут. Потому и надо закорешиться с Кузьмой. Вот и причина будет – связи у меня тут. Неплохо бы организовать небольшой партизанский отряд и за столбить за ним место, но здесь проблема – сразу найдутся командиры, постарше да позаслуженней. Мне это не подходит, хоть и меньше внимания к рядовому, но и крутить им можно как заблагорассудится, а уж просветить его на странности, появляющиеся в его поведении, сам бог велел. Так и шлепнуть могут – они это здесь быстро. Опять надо думать. Эх, голова ты моя нерезиновая.

Вечером пришел не Коля, а совсем даже наоборот, его отец. Причем не один. Сначала меня это не насторожило, хотя и не понравилось, что место моего инкогнито станет известно скоро всем окрестным жителям. Но тут я ошибся. Спутник Кузьмы оказался совсем даже не

местным и не жителем, а сержантом Красной Армии родом из славного города Одессы Георгием Байстрюком, сразу предложившим называть его Жорой. Одет новоприбывший сержант был в гражданку и оружия не имел. На мой вопрос, чего так, не обиделся, сказал, что все лежит в нужном месте и будет в нужное время, после чего сразу завалился спать. Чего-то я не понимаю в этом мире. Это чего-то решил выяснить у второго своего гостя.

– Ну и что это было?

– А это смотря чего ты хочешь? – начал мой собеседник, отведя меня в сторону и стрелнув сигарету. – Хреновый все ж таки у германца табачок.

– Ты разговор в сторону не уводи.

– Видишь ли, Костя, как ты уже понял, большевиков я не люблю, но вот этих, которые большевиков нам на шею повесили, не люблю еще больше.

– При чем тут немцы и большевики?

– Молод ты еще, а вам в школах хрен кто расскажет, как Германия с помощью революционеров всяких разрушила великую страну.

– Так уж и разрушила, да и если бы большевики немцам служили, то война-то зачем? Сказки это все буржуйские.

Не зря Кузьма завел этот разговор, ну и я поиграю – пусть побеседует с упертым комсомольцем.

– Большевики не такие дураки оказались, похитрее многих. Не нужны им стали никакие хозяева – всех кинули, от того и война. Да и с той стороны сейчас не те, кто большевиков покупал. Далек не те. Гораздо хуже. Хотя и те нас за дикарей держали, а эти... Этим придется уничтожать. Всех, кто крови попробовал, поголовно. Это как с медведем-людоедом. Либо ты его, либо он всех, до кого дотянется.

– Ладно, отбросим политику, от меня ты чего хочешь?

– Ты хорошо начал, по-мужски, и я не верю, что ты дальше будешь тихо сидеть. Раз не хочешь, как прочие, идти на восток, значит, что-то тебе здесь надо. Я не собираюсь пытаться, что, но если готов драться, то чем могу помогу. И не я один. Держи харчи, буду завтра или Кольку пришлю, коли не сподоблюсь.

– Немцы-то были?

– Наезжали. Бабы им поплакались, что собак у них побили, харч с самогонкой поотнимали. Про Любку молчали, а то германцы могли не поверить, что убийцы запросто ушли. А так – были да уехали. Недалече трех наших бойцов постреляли в ночь, на них небось и свалили. Все, некогда мне, дела.

Взял еще одну сигарету и ушел, а мне теперь чего делать? Надо бы с сержантом поговорить, но вот как подступиться, ничего в голову не приходит, да и будить не хочется – вид у него не курортный, тоже небось намаялся. О, легок на помине.

– Ну что, командир, перекусим?

– С чего это я тебе командир? Я вообще лицо сугубо гражданское и военными командовать никак не могу.

Байстрюк только пожал плечами.

– Евстратыч сказал, что ты теперь командир. Ошибся?

– Какой Евстратыч?

Удивление сержанта, похоже, было не наигранным.

– Кузьма Евстратович, какой же еще. Иль не признал?

– А, мне он только по имени представился. Может, ты и фамилию его знаешь?

– А как же, Говоров его фамилия. Странные тут у вас дела творятся, похоже, не заскучаю.

Правда, что ты трех фашистов за минуту положил?

– Не за минуту, но правда. Повезло. А почему фашистов?

– А кого? Немецкие фашисты они и есть.

– А, вот ты о чем. Вообще-то в Германии фашистов давно нет, может, в Австрии и остались где, да и то, наверно, по тюрьмам сидят.

– Не понял, это как? А эти кто?

– Конкретно эти скорее всего были никто, а главная партия на самом деле в общем-то единственная, НСДАП: Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. Если короче, то национал-социалисты.

– Это что за зверь? Нам комиссар говорил, что они фашисты – ставленники мировой буржуазии, а ты говоришь рабочая партия. Кто врёт?

– Да в общем никто. Теоретически тонкости там есть, причем тонкости достаточно толстые, а практически нам с тобой все равно, а то, что партия у них рабочая, это так – отголоски давно минувших дней, хотя, конечно, многие в партии у них из рабочих.

– А почему в Австрии сидят, она же под немцами?

– Потому что никто не хочет властью делиться. В момент аншлюса, ну, когда Германия войска ввела в Австрию, там у власти как раз фашисты были, их быстро разогнали, многих посадили. Может, уже и отпустили, а может, и в расход отправили, не знаю.

– За что же их? Они ж все одним миром мазаны.

– Никто не хочет делиться властью. Короче, считай это нарастанием политической борьбы на современном этапе.

Похоже, что мой новообретенный подчиненный не спал на занятиях по политграмотности и оценил шутку.

– Так с чего вы с Кузьмой Евстратовичем решили выдвинуть меня на командную должность?

– Я ничего не решал. Он сегодня пришел и говорит, типа, если ты, Жорик, твердо решил на восток не идти, то вот тебе платье гражданское, прячь пока оружие, и пошли, я тебя новому командиру представляю. Ну а я че, я и пошел.

– Все равно не понимаю. С чего он-то решил, что я командовать должен? И почему ты согласился? И кстати, а почему ты не пошел за фронтом?

– Вот это ты сразу вопросов высыпал. По-первому, это ты с ним сам решай, согласился, потому что он мне жизнь спас, по крайней мере в лагере немецком я по его милости не сижу, ну а насчет последнего – много причин. Ты не думай, я не трус, но все так сложилось, что лучше я здесь фашистов бить буду, чем меня там особист трясти.

– Есть за что?

– Вот тебе крест, не за что, но эти докопаются. Перед самым ударом по нашему УРу комиссар на меня телегу в особый отдел накатал, а меня на губу закатал. Как бои начались, капитан наш меня и отправил заниматься тем, из-за чего я погорел.

– Это чем же?

– Позицию на фланге оборудовать. Болотце у нас там, но лето жаркое, оно и подсохло. Я возьми да и сунься к летехе, что только из училища пришел, мол, надо позицию на фланге организовать, да с пулеметом, а лучше сорокапятку туда захреначить. Летеха к капитану, а там эта гнида носатая. На лейтенанта набросился, какой предатель хочет ослабить оборону на вверенном участке? Тот то ли не сообразил, то ли испугался, но меня и заложил. А как фашист попер, так меня Никодимов, капитан наш, с губы выдернул, да и отправил с тремя архаровцами, двумя лопатами и дегтярем, куда я и просился. Эх, если б на сутки раньше, да пушечку там поставить. Немцы пустили-то там одну двоечку и пару бронников, а что я с ними сделаю? Пришлось пропустить их, а пехоту в этой низинке зажали, любо-дорого посмотреть, как эти гады в грязи как свиньи валялись да боялись голову поднять. Как из минометов садить начали, пришлось отходить. Да у меня приказа стоять там насмерть не было, но если особист с рапортом удачно удрал, то хода за линию фронта мне нет.

– Ну что же, бывает. Мне тоже далеко отсюда не след уходить, но о своих причинах я распространяться не могу. Просто надо, и вопрос этот поднимать больше не будем.

– Так что ж я, без понятия?

– Вот и хорошо. А что ты там говорил о нужном месте?

– Ну, дык, я как отходил, и ДП, и АВСку забрал. Бойцов моих кого минами побило, а кто и сбежал. Только тяжело было, потому диски я побросал, в последнем меньше половины осталось, так что я вроде при пулемете, но... Правда, Евстратыч обещал этой беде помочь и с патронами тоже.

Это были хорошие новости. Растем над собой.

– А что ты насчет Кузьмы думаешь?

– Кажись, он еще из царских офицеров.

– Вот что-то не верится. Сколько ему лет, по-твоему?

– Лет сорок.

– Именно, какой тогда из него офицер? В гражданскую еще мог воевать, а в империалистическую очень вряд ли. Хотя мне он говорил, что ему тогда «люгер» достался. Странно, надо будет его попытать. Не люблю непонятностей. Все страньше и страньше, как говорила одна девочка из страны ныне нам союзной.

– Какая девочка?

– Если будет много свободного времени, расскажу.

– Ага, на том свете если только. Только там и будет, похоже.

Ночь прошла спокойно, а наутро заявился Колька с очередным небогатым пайком и увел моего подчиненного. Конечно, тот, честь по чести, спросил разрешения на убытие, с целью доставки оружия на временную базу. Я же задумался о том, что делать дальше. Похоже, воевать придется – Кузьма имеет на меня определенные виды, и нарушить их, значит, рисковать нарваться на неприятности. Да и нет у меня желания по лесам прятаться, вроде не мое это дело, а вот руки чешутся надавать кое-кому по наглым мордам. Судя по поведению троицы ремонтников, немцы чувствуют себя вполне комфортно, несмотря на массу бойцов Красной Армии, пытающихся пробиться на восток. Понятно, что те стараются обращать на себя как можно меньше внимания, но все же есть предел. Или я чего-то не понимаю, или кто-то слишком расслабился. Другой вопрос, стоит ли их заставлять сейчас сильно напрягаться. И так уже обратил враждебное внимание на эту местность. Ну устрою я еще пару гадостей, отправлю на встречу с предками пару-тройку солдат или даже офицера, заставлю напрячься, так они мне устроят облаву, кислород перекроют, да и местных подставлю ни за понюшку табаку. Надо придумать что-то серьезное, чтобы это хоть как-то сказалось на общей обстановке. Эшелон, например, с танками подорвать вместе с мостом. Размечтался, чем рвать будешь, двумя гранатами? Кузьму трясти надо, как елку, глядишь, подарки какие и посыпятся.

Когда придут обратно добытчики, не ясно, делать особо нечего, а не смотаться ли мне к одному месту, которое приметил, изучая карту? Точно, надо сходить, только маскировку навести, но это недолго – пилотку в карман, пиджак поверх формы, и готово. Если каким окруженцам в лесу на глаза попадусь, вряд ли станут сразу стрелять, принять же вид бравого немецкого солдата – дело нескольких секунд. Заинтересовал же меня небольшой мостик возле села Захарничи. Небольшой-то он небольшой, но находится на весьма оживленной дороге, проходящей с запада на восток. Очень перспективный мостик.

Хотя идти было недалеко, но умудрился заплутать – компаса-то нет. К дороге, конечно, вышел, как мимо нее пройдешь, но значительно западнее, к мосту пришлось топтать лишних десять минут. Ну что можно сказать – мост небольшой, но крепкий, всего два пролета по три метра, деревянный. Это уже радует. Речка так себе, скорее ручей, по-хорошему его надо было в бетонную трубу загнать, и вся недолга, но тогда мне здесь бы ничего не обломилось. Движение было очень плотное, прямо как муравьи туда-сюда шастают. В основном, конечно, двух-

и трехосные грузовики, реже мотоциклы и гужевой транспорт, один раз даже полтора десятка велосипедистов проехало. А вот охраны не было. Интересно девки пляшут... Жаль, оптики никакой под рукой нет. Не может быть, чтобы такой объект не охранялся. Под мостом часовой вряд ли будет сидеть – умучаешься, если над головой постоянно что-то громыкает. А секрет не судьба выставить? Что-то не верится в такую постановку службы, не по-немецки это. Пост под грибком с полевым телефоном и бравым зольдатом второго срока службы – это запросто, а прятать Карацупу в траве – не верю. Но и в то, что объект без охраны оставили, еще больше не верю. Прележал часа три – сверху напекло, снизу застудило. Странно, до воды далеко, но сырость какая-то в земле. Вечером надо вернуться, поглядеть, что тут в темное время происходит, только подготовиться стоит получше, хоть лапника нарезать, а то застужусь еще.

На базу вернулся практически одновременно со своим подчиненным и семейством Говоровых. Нагружены все трое были хорошо, даже Колька какой-то тюк ташил. Ну, что в дом, то не из дома. Несмотря на вес, Говоровы шли по лесу тихо, а вот сержант изображал носорога на прогулке. Носорогу, положим, извините за каламбур, на всех положить, а вот нам не стоит этого делать. Надо попросить Кузьму поучить нас нормальному передвижению, я тоже не пример для подражания в этом вопросе, как ни стараюсь, а под ногой обязательно что-нибудь хрустнет, но хоть не матюкаюсь, как некоторые.

После небольшого перекуса принялись за разбор добра. Как и обещалось, на вооружение к нам поступил дегтяревский пулемет и автоматическая винтовка. От своих щедрот наш добровольный снабженец подкинул еще три диска к пулемету, мешок с патронами, навскидку штук двести, и четыре гранаты «РГД-33», причем все с оборонительными рубашками. Кроме этого, было много хозяйственных мелочей, включая котелок и старый, наверно, еще дореволюционный, закопченный чайник. Чая, правда, не было, будем обходиться травяным сбором, но хоть нормальная горячая пища будет.

– Слушай, зампотыл, – обратился я к Кузьме. – А нет ли у тебя в хозяйстве какого ни есть завалищающего тулупа? Внешний вид значения не имеет.

– А что, сильно мерзнешь? Я вам два одеяла подогнал.

– Боюсь, что сегодня ночью могу и замерзнуть. Днем три часа без движения пролежал, и то нутро подмерзать начало, а за ночь я дуба дам.

– Это где ты на такой жаре умудрился?

– Да у мостика одного.

– У Захарничей?

– У них.

– Взорвать хочешь?

– Взорвал бы, было бы чем. Пока только посмотреть – непонятки там какие-то. Дорога важная, а мост не охраняется, надо внимательно присмотреться, а то можно вляпаться по самое не хочу. А ты бы пока поскреб по сусекам. Нужно что-нибудь горючее. Бензин с мотоцикла сольем, но неплохо бы какого мазута или смолы. Надо не только верхний настил спалить, но и балки, а желательнее, и опоры. Не факт, что получится сейчас и с этим мостом, но подготовиться надо.

– Подумаю. С бензином можно попробовать древесную смолу намешать, но надо попробовать, что выйдет. Тулуп старый есть, прямо сейчас с Колькой пришло.

– Ты там поосторожней, мало кто увидит, особенно чужой.

– Не пальцем деланные. Мне как раз надо в Захарнички к свояку съездить, – хитро ухмыльнулся мужик. – Заодно и проведаю, что да как.

– Тогда ни пуха.

– Иди к черту.

Два часа до прихода Николая убили на чистку оружия и набивку патронов. К винтовке у Георгия было два магазина да четыре диска к пулемету. Ликбез по снаряжению и использова-

нию нового для меня оружия прошел в рекордно короткие сроки, не бином Ньютона. Не понимаю, почему сержант говорил, что винтовка в войсках не пользуется уважением, типа сложная и капризная. На мой вопрос – а чистить и ухаживать не пробовали, он только рассмеялся. Сказал – пробовали, но ухода она требует больше, чем пробовали, у него лично за год всего две задержки были, но патроны что для АВС, что для ДП надо отбирать тщательно. То, что трехлинейка съест и не поморщится, автоматическому оружию может и поперек горла встать. Таких неполноценных патронов нашлось два десятка, которых как раз и не хватило для снаряжения последнего диска. Кстати, при снаряжении дисков узнал одну хитрость – заряжался он не полностью, а только сорока пятью патронами вместо сорока семи, вроде бы задержек меньше становится. На вопрос, а относится ли это и к винтовке, получил ответ, что так тоже делают, но это уже шаманство чистой воды – кому помогает, кому нет. Оказалось, что важнее держать магазины как можно дольше разряженными – пружина лучше работает, но в условиях войны это чревато. Вот и думай, что лучше – встретиться с врагом с половиной разряженных магазинов или с полными, но рисковать получить задержку в ненужный момент. С винтовкой проще, ее на ходу можно готовыми обоймами дозаряжать, а с пулеметом такое не проходит. Очень заморочная конструкция, нормально диск снарядить можно только вдвоем, ну или одному, если третья рука есть. Среди нас двоих подобных мутантов не наблюдалось ни одного экземпляра. Посоветовавшись, решили один диск и один магазин держать разряженными и менять их каждый день. Разряжать не снаряжать, это проще. Тут как раз Колька подошел с чем-то, отдаленно напоминающим овчинный мешок с рукавами. Кроме всего прочего, от него изрядно пованивало. Жуть. Но на безрыбье и сам раком станешь. С запахом Николай справился быстро – нарвал какой-то травы, причем основным ингредиентом этого пучка была обыкновенная крапива, и натер этим овчину. Если честно, предыдущий аромат никуда не делся, но стал не таким противным.

Пора было выдвигаться на ночные бдения. Жаль, горячего поесть опять не удастся, так и гастрит можно заработать, а то и язву, работа нервная, однако. В этот раз сильно не плутал – становлюсь настоящим следопытом, найду чей-нибудь след и буду пытаться понять, чей. Дело было уже к вечеру, но немцы и не собирались успокаиваться, так и перли как заведенные. Сколько же их тут? А вот как начало совсем смеркаться, я и лицезрел воочию прелюбопытнейшую картину. Со стороны села вдоль дорожки прошествовало три гитлеровца, причем двое из них в шинелях, дошли до моста, один остался на одной стороне, а два других прошли дальше. Порыскали вдоль обочины, затем один вернулся, так же прогулялся там, а затем отправился обратно. Двое других стали мерно прогуливаться вдоль дороги, примерно десять шагов туда, потом обратно. Как только третий исчез за домами, так и эти остановились и стали глазеть на проезжающие машины, время от времени переговариваясь то между собой, то с проезжающими. Вот и охрана пожаловала. Получается, пост они ставят только на ночь, да и то парный. Непорядок это, а точнее наглость. Будем смотреть дальше, вдруг для таких мудрецов, как я, у них какой сюрприз припасен.

Промаялся всю ночь, время от времени отползая в лес, где прыгал и махал усиленно руками, чтобы хоть как-то разогнать кровь и согреться, но ничего особо ценного не приметил. Вообще картина мне нравилась. Просто Шишкин какой-то, маслом. С наступлением темноты оживление на дороге не спадало, что привело меня в некоторое уныние. Фашисты так же упорно продолжали портить дорогу своими колесами, только фары зажгли, да скорость движения упала раза в полтора. Я уже думал сворачиваться – чего зазря мерзнуть. Часа через два после захода солнца к мостику выползла огромная гусеница автоколонны, сверкая глазами-фарами. Длинной она была не меньше километра, а потом как отрезало. Сначала я не поверил, и правильно сделал, потому как в сторону Полоцка на огромной скорости, несмотря на темноту, вдруг проскочили два мотоцикла, а потом и правда стало тихо. Со стороны Захарничей раздавался некоторый шум, чаще всего это было мычание коров. Собачьего лая слышно

не было, наверняка немцы и здесь постреляли друзей человека. Ну-ну, как бы это им самим боком не вышло. Смена караула произошла только один раз за ночь. Я уже думал, либо я в темноте не вижу смены, либо пост вообще на всю ночь выставили, но нет – через четыре часа вдоль дороги замелькали огоньки фонариков, часовой окликнул неразборчиво приближающихся, и фонарики отправились обратно. Больше всего же меня добило то, что они еще и курили на посту. И это немецкий порядок? Переговаривались – ладно, прыгали и били себя по бокам руками со страшным шумом – туда-сюда, но курить... Они же себе и обоняние, и зрение разом обрубают. Нет, ребята, у нас за это наказывают, вплоть до... после рассвета почти целый час продолжала стоять тишина, затем, как и предыдущим вечером, с запада показалась длиннющая колонна, и все пошло по наторенной дорожке. Сопровождали ее опять же два мотоцикла, оторвавшись метров на двести. Не те ли, что ночью последними проскочили? Кстати, первая колонна только втянулась на мост, а разводящий уже тут как тут, забрал своих горе-охранников, и почапали они в село. Отсыпаться, наверно. Как я ни высматривал разводящего, особой разницы с часовыми не увидел, кроме шинелей, конечно. Похоже, это был обершюце, была у него похожая нашивка на рукаве. Эх, полцарства за бинокль! Если я все правильно рассчитал и это не унтер, то, вероятнее всего, в селе только половина отделения, а это значит, что врагов всего пятеро, ну на крайний случай шестеро. Будем лелеять надежду, что Кузьма данные мои подтвердит. Вчерне план начал вырисовываться.

Мой единственный подчиненный дрых без задних ног. Как говорится, солдат спит, вслуга капает. Хотя был уже почти день, но ночной холод не хотел покидать мои кости. Наплевав на конспирацию, выбрал самые тонкие и сухие ветки и разжег небольшой костер. Хорошо-то как. Через полчаса райского блаженства, выпив три кружки горячего настоя и перекусив чем Кузьма послал, растолкал сержанта, дал ценные указания по несению караульной службы, тем более что перед глазами еще стоял пример наплевательского к ней отношения, и завалился спать. Ага, размечтался. Вроде только голову преклонил, уже будят, бисовы дети.

– Командир, вставай, обед простынет. Раз ты сам костер разжег, то я уж решил заодно и кашу сварить. С салом!

– Дай поспать, ирод. Всю ночь глаз не сомкнул, замерз, как собака. Потом разогреем.

– Так я уж два раза разогревал. Да и Евстратыч уже пришел. Это он сказал будить, – грамотно перевел стрелки Георгий.

– Что ж вы за люди-то такие, прямо гестаповцы какие-то, – несмотря на все жалобы, вставать все же пришлось.

Умывшись из приготовленного заранее, неужели поливать меня подчиненный собирался, котелка со свежей студеной водой, был готов как пионер, но беспокоить меня никто не стал – дождались, пока я трапезничать закончу. Либо исправиться решили, либо бояться, а может, решили подождать, пока от меня толк будет. Наконец рассказал о своих наблюдениях. У сержанта появилось только одно мнение – бить надо, пока не очухались. Зампотыл мой тоже согласился, что такую безалаберность спускать нельзя.

– Я тоже так считаю, но одни неполные сутки наблюдения маловато будет. Патруль мотоциклетный меня беспокоит. Вдруг они только сегодня проспали все, а в другие дни ночью гоняют? Слишком уж как-то все легко. А что свояк?

– Здоров, чего и вам желает, – Кузьма посмотрел на наши физиономии и расхохотался. – Шучу. Я никому про вас не говорил, хотя вся деревня наша знает, а если с мостом получится, то и окрестные начнут догадываться. А вот это плохо. Тут и германцы прознать могут.

– Есть мысль, как слегка замаскироваться.

– Вот мысль – это хорошо. Значится, по немецкому посту – всего их пятеро, квартируются в избе Силантия Косого, жинка его им харч готовит да обстирывает, но ночуют они только одни. Силантия с семейством из дома выгнали, он теперь у брата обитает. По режиму ничего

сказать не могу – не хотел проявлять излишнего внимания, но вроде полдня они спят, потому как Ульяну после обеда только пускают.

– Пятеро – это хорошо. А серьезного оружия у них нет? Ну, типа пулемета...

– Сам понимаешь, я к ним не заходил, а специально расспрашивать не хотел – что свояк за бутылкой первача рассказал, то я тебе и повторил.

– Лады. А что у нас с греческим огнем?

– Греков нема, а огонь будет. Бензин весь из бака сливать я не стал, оставил пару литров на всякий случай, но жуткой смеси литров двадцать сделаю, тем более что есть у меня старого масла машинного немного да деготь. Если за полчаса загасить не успеют – дотла все сгорит.

– Времени много понадобится?

– Часа через три готово будет. Только мешать будем в лесу, подальше и отсюда, и от деревни – больно уж запах суров будет, только совсем тупой не поймет, чего варят.

– Несколько бутылок прихвати.

– Неудобно с бутылками. У меня бочонок березовый двухведерный есть, проще из него поливать.

– Бутылки нужны, чтобы замаскироваться под использование армейских зажигательных смесей. Да, и масла постного прихвати граммов пятьдесят-сто.

– Как скажешь, командир.

– Все занялись работой. Кузьма за коктейль берется, Григорий доснаряжает и проверяет оружие, а я пока штык трофейный попробую наточить.

– А чего его точить? – удивленно спросил Жора.

Я молча вынул штык из ножен и протянул сержанту.

– Гля, и правда тупой как валенок. Брак, что ли?

– Нет, они так выпускаются и поступают в войска, так там и используются.

– Так им, если что, никого и не зарежешь.

– Как видишь, обходятся.

– Странные эти фашисты.

Кто же спорит, лично я даже не пытался. После возвращения нашего на все руки специалиста, теперь еще и химика, пришлось спускаться в небольшой овражек и там бодяжить свой коктейль. Не все оказалось так просто. В обычном состоянии смола и деготь ни в какую не хотели смешиваться с маслом и бензином. Пришлось греть, вот тут я и понял, что Кузьма говорил про запах. Так дело не пойдет. Если я этим пропахну, то к часовому не смогу и на десять метров приблизиться. Пришлось поделиться сомнениями с отрядом. Да, я стал уже воспринимать нас как отряд, а куда деваться. Решили примостить к этому делу Николая, естественно, при соблюдении строгих правил техники безопасности.

– После выполнения задания, боец Говоров, выдвигаешься в район родного дома, разводишь костер, разогреваешь деготь, смолу или еще какую вонючую ерунду и приступаешь к ремонту крыши. Задание понятно? – я строго посмотрел на Кольку, уловив при этом одобрительный взгляд его отца.

– Так у нас с крышей все нормально, – опешил молодой Говоров.

– А это не твое дело, солдат, – вмешался старший. – Получил команду – выполняй.

– Есть, товарищ командир.

– Вот это другое дело. Только не солдат, а боец, – как бы невзначай поправил я Кузьму.

На варку и правда ушло не более часа. Теперь мы были обладателями внушительного бочонка вонючей дряни, которая очень неплохо горела.

– Так какой план, командир? – спросил Кузьма, отправив Кольку создавать алиби своему могучему духу.

– План простой. Мы с сержантом выдвигаемся к мосту, дожидаемся смены караула, даем ему расслабиться часок, а затем берем в ножи.

– Не пойдет, – возразил наш, теперь уже, похоже, начштаба. – Опасно. К тому же ты не берешь меня в расчет по какой-то причине. Не доверяешь? Или думаешь, я ножом хуже вас сработать смогу?

– Не стоит тебе, Кузьма Евстратович, этой ночью дома отсутствовать. А ну кто два и два сложит?

– Кто нужно, и без этого сложит, а дома я каждую вторую ночь отсутствую. И нечего меня, командир, по отчеству величать, для тебя я боец Говоров.

– Я так понимаю, присягу вы не принимали, так что являетесь лицом гражданским.

– Присягу я в январе семнадцатого давал, а уж царю, России или СССР, значения не имеет. Я Родине присягнул, и ни я сам, ни кто другой освободить меня от нее не может.

– Хорошо, тогда меняем план, если честно, мне он тоже не очень нравился.

* * *

После смены караула прошло законных полчаса, и немцы совсем расслабились – один закурил, а второй лихо отплясывал, пытаясь согреться. Все шло, как и в прошлую ночь, надеюсь, сюрпризов в виде внеочередной проверки постов не произойдет.

– Выдвигаемся, – прошептал я своим подчиненным, посверкивающим белками глаз на фоне вымазанных смесью растительного масла и золы лиц. Сам я имел тот же вид. Ничего, отмоемся. – Даете мне полчаса и начинаете. Мост жечь в любом случае, что бы со мной ни случилось.

– Да поняли мы все, командир, ведь пятый раз повторяешь, – зашипел в ответ сержант.

Второй мой боец промолчал, да и правильно сделал, он, похоже, мандражировал гораздо меньше нас. Я подхватил пулемет и двинулся в сторону деревни, а две другие тени направились в обход моста. Григорию придется еще и через ручей перебираться. Ночь была темная, хотя на востоке начинало заметно светлеть. То, что надо для нас, – немцы будут поспокойнее, как-никак ночь, считай, прошла, и нам целиться попроще.

Село встретило меня тишиной, аукнутся кое-кому несчастные собачки. Нужный дом был третьим с краю, и теоретически можно было устроить позицию недалеко от околицы, но я решил, что бить в спину – это более рационально и, что не менее важно, гораздо безопаснее. Потому прошел до следующего строения и залег в неглубокой канаве, направив ствол пулемета на входную дверь. Стрелять, конечно, надо не сразу, а дать немцам выбраться всем под огонь, но мало ли. Ждать еще минут десять, а меня начала снова бить дрожь, то ли промерз, то ли опять адреналин прыгнул. Ничего, пулемет на сошках – это не винтовка с рук – такие огрехи он прощает. Выстрел! Второй! Работают «маузеры», но походи разбери чьи. Еще! А теперь спаренный. Похоже, все идет по плану, и немцы должны увериться, что пост кого-то обнаружил и теперь ведет обстрел, а спаренный выстрел обозначит, что караульные не понесли потерь. В окнах нужной мне избы вспыхнул свет. Ну как вспыхнул – скорее просто в керосиновой лампе вывернули до максимума фитиль. Неосторожно! Они тут вообще мух не ловят, их могут прямо в окна перестрелять. Но мы подождем. Что они там телятся? Ну, наконец-то, побежали. Похоже, один тащит что-то тяжелое, а бегут хорошо, кучно, и видно их на фоне улицы отлично. Это просто праздник какой-то! Пулемет толкнулся прикладом в плечо и прыгнул очередью патронов на десять, короткий реквием. Фигуры солдат полетели на дорогу, как городки после удачного попадания биты. Так не залегают, похоже, хоть по одной пуле досталось каждому. Подождем. Что-то не хочется мне к раненым приближаться, а ну как опять накроет. Стрельба около моста тоже прекратилась. Наверное, это хорошо. Один вообще не подает признаков жизни, из оставшихся двоих шевелящихся кто-то громко стонет. Пулемет еще два раза толкает меня в плечо. Затихли. Оба. Надо рисковать, подхожу ближе. Контроль желательно делать из пистолета, но не хочется оставлять лишних следов. И почему к пулемету штык не

приладить? Приходится приблизиться вплотную и, опасаясь попасть под Слияние, ткнуть в каждого штыком. Один дернулся, я тоже – не от страха, а от неожиданности, но пронесло. Похоже, Слияние накрывает, если с ним не бороться, а если заранее озаботиться, то можно и без него обойтись. Будем надеяться, что выводы мои правильные.

Пора потрошить гитлеровцев, конечно, не в прямом смысле, а на предмет наличия трофеев. Начнем с этой большой штуки. Надежды сбываются – пулемет. Только какой-то непонятный, похож на «МГ-34», но приклад не такой, да и еще странный магазин вместо ленты. Блин, это же тринадцатая модель, хоть я не суеверный. Впрочем, машинка нормальная, а то, что скорострельность у него невысокая, то нам только в плюс – патроны целее будут. Практически, что и мой ДП, короче, хорошее приобретение. Что тут еще? Два «маузера» «девятисто восьмых» – это понятно, а вот четыре «колотушки» – это хорошо – гранаты очень пригодятся. Патроны, часы, фонари, два коробчатых магазина – это к пулемету. Похоже, здесь все. Забираю один из фонариков и иду в дом. Тут копаться придется долго. Одних ранцев пять штук, но в них я не полезу, все потом. Еще одна винтовка, ну правильно – пулеметчик свою оставил. А что у нас под кроватями? Мешок. Тяжелый. Да тут патронов штук двести – это я удачно зашел. Еще один мешок. Консервы, галеты, хлеб в прозрачной бумаге. Нет, это не бумага, это целлофан. Такой хлеб может храниться месяцами. Еще какие-то пакеты и жестянки. Похоже, немцам сухой паек выдали, но они, не будь дураками, заставили местных себя кормить. Вроде закончил. Стаскиваю все добро в сени и осторожно выглядываю на улицу.

– Командир?

– Сержант, ты чего здесь делаешь?

– Я на помощь.

– Твою ж за ногу! Ты должен мост подготавливать. А если патруль? Кто прикрывать будет? Я же сказал: главная задача – мост. Вернемся, будешь вечным дежурным по кухне.

– Есть!

– Шерсть! Хватай ранцы, сколько сможешь унести, и рысью к мосту.

Здоровый бугай, похватал все ранцы, да еще и оба мешка на горб взвалил, как бы не надорвался. Мне осталось только оружие и то, что было на покойниках. Тоже вес немалый, включая и мой пулемет. Своя ноша. Хотя сержант и убежал раньше, до моста мы добрались вместе. Наш сапер как раз выбрался из-под него.

– Опоры обмазывал, – ответил он на незаданный вопрос. – Можно поджигать. Бутылки где бить?

– Поближе к дороге, чтобы точно заметили. Гильзы собрал?

– А как же.

– Держи, – я вытащил из кармана несколько гильз, подобранных мной в Захарниках. – Эти брось так, чтобы не слишком на виду, но обязательно нашли. Будем надеяться, что патологоанатома у них не будет.

– Не поможет. Мы с Жоркой их выстрелами в голову сняли. Навылет.

– Георгий, лошадь приведи.

– Так тучки она. Что я, больной, бочку полкилометра на себе тащить?

– Тогда быстро навьючивай ее. Я с пулеметом прикрываю.

Не прошло и четверти часа, как мы уже бодро вышагивали по лесу, оставив за спиной жадно пожираемый огнем мост. Адреналин еще кипел в крови. Мы с Кузьмой старались сдерживаться, а вот Георгий всю рассказывал мне, как он переправлялся через ручей и чуть не упал в него, лежал в десяти метрах от фашиста и ждал крика утки, как немец взмахнул руками и упал, как они с Евстратычем устроили пальбу... Балаболит без перерыва, понятно – мальчишка еще на самом деле, пусть выговорится.

Глава 4

Как ни плохо была устроена у нас караульная служба, но гостей мы заметили первыми. Произошло это, если правда, потому, что мы сидели, а они шли, случись наоборот, наоборот бы и случилось. С передвижением по лесу надо что-то решать. Гости были шестеро, все в форме Красной Армии и с оружием. Удачно все же, что на базе я немецкий прикид сбрасываю, а то и до стрельбы могло дойти, уж больно боевой народ пришел. Их сержант как окликнул, так тут же залегли и стволами оцетинились – не хотят в плен. Это они, конечно, правильно, но вот так кучей лежать, хоть бы рассредоточились. Когда Григорий им об этом сказал, да еще намекнул, что таких горе-воjak можно одной гранатой накрыть, обиделись и послали его по матери, за что в обратку получили в три этажа и сразу успокоились – немец так не умеет. На наше счастье, командиров и комиссаров в этой группе не было. Четверо рядовых, младший сержант и старшина. Все были из двадцать девятой моторизованной дивизии, попавшей в окружение в самом начале войны под Белостоком. Этим повезло, так как из котла их вышло больше пятидесяти человек, а дошли только они. Нет, вряд ли остальные погибли, хотя похоронили по дороге больше десятка, примерно столько же похоронить не смогли, кого-то оставили с ранениями на милость местным жителям. Короче, натерпелись, как в свое время и Константин, но боевого духа не утратили, хотя отошдали, обросли и обносились здорово. А уж ели, наверно, за всю роту. Со старшиной разговор вышел непростым. Когда его подчиненные сладко посапывали с набитыми животами, он сам подошел ко мне, предварительно перебросившись несколькими фразами с Георгием.

– Товарищ командир, – старшина явно не понимал, как себя со мной вести. – Разрешите обратиться?

– Обращайтесь, только представьтесь сначала, а то как-то неудобно только по званию.

– Старшина Кошка.

– А имя и отчество?

– Леонид Михайлович я.

– Шеин Константин Викторович, – я протянул старшине руку, которую тот крепко пожал. – Присаживайтесь, Леонид Михайлович. О чем разговор будет?

Видно, своим поведением я сбил у старшины настрой, и он на несколько секунд задумался и, решив использовать заданный мной тон, взял быка за рога.

– Не доведу я людей до наших. Так и сгинем все. Идем-идем, а конца нет.

Замолчал.

– А от меня вы что хотите? – решил я прийти ему на помощь.

– Хочу со своими бойцами принять ваше командование, – как в омут с головой бросился крепкий тридцатилетний мужик, которого жизнь не сломала, но, по всему видно, надломил.

– И как вы себе это представляете? Я не военный, звания у меня нет, как я могу вообще командовать вами?

– А как сержантом? Он же мне сказал, что тоже окруженец. Им, значит, можете, а нами – нет?

– С Георгием все сложно, он тут собирается «героизм» проявить, за счет чего кое-что в своей судьбе поправить. А с вами другой коленкор. Не окажется ли ваше нежелание выходить из окружения дезертирством?

– Я думаю, нет, мы же не к бабам под подол прятаться собираемся, мы тут воевать будем. Или у вас другие планы?

– Планов у меня пока никаких особых нет. Но как быть с командованием? Представьте, что завтра выйдет на нас какой лейтенант, а то и капитан, если вы не дезертиры, то должны ему подчиняться, вот он и скажет вам дальше идти. И?

– Не знаю.

– То-то и оно. И я не знаю. Нет у меня права вас себе подчинять. Было бы, я и маршала б послал. В общем, посоветуйся с бойцами, может, они не захотят оставаться. На миру, как говорится, и смерть красна. Если решите остаться, то руководство я над вами приму, есть одна мысль. Комсомольцы или коммунисты среди твоих есть?

– Да, двое в комсомоле состоят.

– Вот с ними особо и поговори. А сейчас выпись – на ногах же еле стоишь.

Кошка двинулся к своим бойцам, а ко мне тут же направился Георгий.

– Ну что, командир, чего старшина хотел?

– Ты лучше расскажи, чего про меня наболтал.

– Ничего я не болтал, – сделал вид, что обиделся, Жорка. – Все правду сказал, что отряд мы партизанский собираем, чтобы, значит, фашистов в хвост и в гриву. И что ты, командир, фашистов этих меньше, чем по три штуки зараз, бить зазорным считаешь, а потому на мелочи не размениваешься, и если тех один-два, то мне размяться разрешаешь.

– Балаболка.

– Ха, – ощерился тот. – Где я неправду-то сказал? Вот то-то же – хоть только и два раза, но по три штуки. Так что зря ты, командир.

– Ну-ну, доиграешься. Пока тебе задание – в немецких вещах я книгу видел, в коей те караульную службу свою протоколировали, так странички с их записями выдернешь и припрятать, а книгу и ручку с чернилами к вечеру приготовишь. Понял? Выполняй.

Хотя сержанту и было любопытно, что я задумал, но с вопросами он не полез – чуял, что палку перегнул, как бы, разгибаясь, по нему не врезала. Пусть помучается.

– Да, и ужин тоже на тебе. Помнишь, кто у нас вечный дежурный по кухне?

Со своими бойцами старшина побеседовал еще до ужина, и, похоже, к консенсусу они пришли, не без споров, конечно, похоже, и консенсусу слегка досталось, но, видно, решение было единогласным. По крайней мере оживление в их рядах было связано не только с предвкушением сытной еды. Понятно, устали люди от того, что они просто идут, а их просто убивают. Не чаяли, что дойдут, а тут вот – конец дороги и возможность послать обратку, отомстить за себя и за других.

– Ну что, Леонид Михайлович?

Расположились мы на старом месте, где давеча прервали разговор.

– Все согласны. Остаемся.

– Тогда собирайте комсомольское собрание. Секретарем сержант, я председательствовать буду, явка обязательна для всех.

Через два часа в лесу недалеко от деревни Жерносеки комсомольской ячейкой был образован партизанский отряд «Полоцкий мститель». Отряд на сто процентов состоял из комсомольцев, те из бойцов, кто до сегодняшнего дня комсомольцем не был, им стал. Вопросы будут с Кузьмой – в комсомол его будет сложно принять по возрасту, да и если не это, вряд ли он вообще согласится. Будем решать проблемы в порядке поступления. Комсомольский партизанский отряд – отмазка по сути слабая, но тут уж что смог, то и сделал. По крайней мере красноармейцы теперь подчиняются мне как секретарю комсомольской организации по партийной линии. Хотел обозвать себя каким-нибудь Генеральным или Первым, чисто для пользы дела, но против Устава не попрешь. Жорка придумал обозвать меня боевым секретарем – глупость, конечно, несусветная, но составители Устава не додумались ввести запреты на такие звания. Теперь я – единственный в мире боевой секретарь. Бред.

Кроме этого, естественно, должность командира отряда досталась тоже мне. Предложения по введению должностей заместителей отменил сразу, нечего тут бюрократию разводять, хотя позже, если расти будем, без этого не обойтись. Георгия из вредности назначил делопро-

изводителем, но за это снял с дежурства по кухне, с вечного, естественно, от очередного хрен отмажется. Вообще с кухней нас посетила удача, хотя... Впрочем, дело было так.

– Старшина, а бойцы твои кто по военно-учетным?

– Дык, хозяйственники мы, четверо водители, включая и меня, повар и слесарь. Слесарь и повар спецы без преувеличения хорошие, а водители так – нормальные.

– Прибедняешься, сам тоже просто нормальный?

– Сам ничего так, а остальные только с гражданки, дивизию-то нашу из стрелковой переформировывали, вот под это дело и призвали.

– Понятно, хозотделение у меня уже есть, теперь найти бы тех, кто воевать будет.

– Товарищ командир, вы не сомневайтесь, мы все так воевать будем, что тошно станет.

Я даже подозреваю кому. На шесть винтовок у новых членов отряда имелось аж двадцать патронов, количество прочего военного имущества стремилось к бесконечности, понятно, с каким знаком. Быстрый опрос личного состава выявил следующие достоинства: пятеро из шести, объяснять, кто этот шестой, думаю, не следует, были на стрельбище целых три раза, выпустив в общей сложности по три десятка патронов в белый свет. Как метать гранаты и стрелять из ручника, им тоже показали, но не разрешили, наверно, посчитали, что не заслуживают доверия. Еще много чего они знали о воинской службе, но не умели. Все просто здорово. Спихнул на старшину организацию караульной службы, а сам с сержантом сел составлять план боевой учебы. Ну да, два знатока придумывают нечто, о чем имеют смутное представление. Составили, а куда деваться. Первым делом ознакомили личный состав с «маузерами», и караульная пара заступила на пост с трофейным оружием.

По поводу трофеев Георгий меня здорово обрадовал – мы стали обладателями пяти винтовок, пулемета, семи гранат различных систем и больше четырех сотен патронов. Небольшая проблема была с «машингевером» – к нему был только один магазин на семьдесят пять патронов и два на двадцать пять, а с ленты он не питался. Для затяжного боя оба наших пулемета не годились, ну так и не будет причин ввязываться в подобную глупость. Основная наша тактика – сделал пакость, и в кусты, на большее и замахиваться не стоит.

Что за оживление в лагере? Дежурная смена куда-то сорвалась, небось зампотыл попался в капкан нашей организации постовой службы – стоит сейчас с поднятыми руками и удивляется, а туда ли он попал. Точно, ведут. Серьезные такие, до этого только их ловили, а теперь, гляди, сами круче крыши.

– Товарищ командир, задержанный доставлен, требовал встречи с вами. Докладывал старшина Кошка.

– Благодарю за службу, старшина!

– Служу трудовому народу!

– Знакомьтесь – наш начальник разведки товарищ Говоров, а это, товарищ Говоров, старшина Кошка.

Мужчины пожали друг другу руки, и дежурная смена подалась на место постоянной дислокации.

– И что это было?

– Много нового произошло за прошедший день, товарищ начальник разведки комсомольского партизанского отряда «Полоцкий мститель».

– Быстрые вы. С зампотылу меня понизили, гляжу?

– Ну извини – место хлебное, а у меня теперь есть целый старшина из хозроты. Кого, как не его?

Мы рассмеялись, после чего пришлось вводить Кузьму в курс дела. Оказалось, что не только по возрасту, но и по званию он у нас самый старший – еще перед Февральской успел закончить школу прапорщиков. Узнав о боевых качествах нашего нового пополнения, долго смеялся, правда, не так долго, как после прочтения учебного плана. Обещал переделать.

Может, до начштаба повесить, и пусть совмещает? Хорошая мысль, особенно в плане разгрузки себя, любимого. Откуда-то в голове всплыл вопрос: «Кого должен любить демон?» И ответ не заставил себя ждать.

– Что с восстановлением моста?

– Думаю, уже закончили. Задержка у них вышла, там такая прорва машин с обеих сторон собралась, пока жандармы все это дело разгребли, пока саперы пробились – полдня коту под хвост. Колонны в обход погнажи, наши Жерносеки, считай, стали оживленным местом. Дорога – в хлам, машин не меньше трех штук на борт опрокинули, это только что я в окрестностях видел. Сейчас уже спокойно.

– Вот и ладушки, пару дней отсидеться надо да пополнение в божеский вид привести. Мы тут среди трофеев денег взяли – сто пятьдесят шесть марок и более тысячи рублей. Есть мысль, как распорядиться?

– Марки я бы вообще светить не стал, а вот червонцы могут и пригодиться, только надо получше прикинуть, как и для чего. У тебя какие мысли?

– Как думаешь, наши до зимы вернутся?

– Ну ты хватил – если только к следующей.

– Вот и я так думаю, а зимой без теплых вещей и продуктов хана.

– Так это к гадалке не ходи.

– Как думаешь, что будет, если мы ревизиями начнем заниматься?

– Тож ходить далеко не надо – сдадут.

– Потому и покумекай, как нам и рыбку съесть, и костью не подавиться. Если нас будет десяток, то перебежеемся, а представь, что полсотни или поболее... Ну, и еще одно дело – неприятное. Надо тебе в Полоцк ехать, представиться новой власти на предмет занятия административной должности.

– Ты на что, командир, меня подписываешь?

– А кому сейчас легко? Ты от советской власти пострадавший? Пострадавший. Так что надо, Кузьма, надо! Мы перестрашуемся – я тебе приказ выпишу, или издам, не знаю, как правильно, но учти – приказ будет только в одном экземпляре, спрячь так, чтобы ни одна немецкая собака не сыскала. Если с отрядом что случится, не хочу никого подставлять.

– А если со мной что случится, так в глазах людей врагом и останусь?

– Если жив останусь, слово даю, сделаю, что могу, ну а если... не обессудь.

– Блин! Вот как увидел тебя, командир, в первый раз, так и понял – вот тебе и вестник на коне бледном.

– Ага, сейчас только косу достану. Отставить лирику. Еще что есть? Если нет, тогда к тебе еще дело – сам займись или Николая пришли, но мне нужно научить бойцов по лесу ходить, а то прямо стадо слонов какое-то. Да и сам такой же.

– Вот тут я тебя огорчу – ничего не получится, на твердой подошве в этом году никто из вас правильно не пойдет. Единственно, что могу предложить, – онучи из плотной кожи. Частично поможет, но если придется бежать – ноги посбиваешь враз. Кольку пришлю, но на чудо не надейся.

– Хорошо, на этом и остановимся. Да, чуть не забыл, как в город поедешь, самогонки возьми, да почище, и копченостей каких.

– Вот уж как власти подмазывать, ты, командир, меня не учи, все они одним миром мазаны.

* * *

Утро красит нежным светом... И правда, день начался хорошо – с громкого ора старшины. Ну а чего бы ему не орать – просыпается, значит, начальник караула, а рядом с ним

папан сидит, семечки лужгает да дровишки в костер подкидывает, чтобы служивые не замерзли, вдруг простудятся, а это урон боеспособности отряда. Считаем, что первый урок преподан, и теперь злой старшина ни с кого не слезет, пока не реабилитируется. Вот, уже онучи мотают. Положим, не слишком сложное занятие, особенно для тех, кто знаком с портянками и обмотками. А вот дальше пошло веселее. Я, конечно, понимаю, что пальцем по пеньку – это больно, но матом при ребенке ругаться совсем не дело. Ровно на три наряда потянуло, причем не за мат, а за нарушение режима тишины в условиях, приближенных к боевым. То ли еще будет. Скажу вам, в передвижении на обмотанных кожей ногах свои преимущества есть. Пока не наступишь на что-либо мокрое, острое или с размаху не врежешь по чему-либо не слишком мягкому. Но обучающий эффект от этого только улучшается. Коли научишься в онучах ходить так, что ноги не будешь уродовать, то и в сапогах или ботинках поступи, как у какого-нибудь Верной Руки, выработается. Тяжело в учении, но куда деваться. Николай, раз уж перешел в разряд инструкторов, поставил вопрос об официальном зачислении в отряд. В ответ на отговорку о недостатке оружия представил аргумент в виде «нагана», извлеченного из-за пазухи. Получил соответственно – по шее с конфискацией. Обиделся, да так и ходил с опущенным носом, пока не получил на руки приказ о зачислении с испытательным сроком. Кто сомневается в силе слова? То-то же. Надо где-то печать раздобыть. И знамя. По мне, лучше пару пулеметов и миллион патронов да взрывчатки тонну. Угу, мечтай!

В общем и целом день прошел хорошо. Вечер тоже неплохо. Кузьма принес еды, справку о назначении старостой и бутылку самогонки, литра на два, обмыть это дело. Обойдетесь, самогонку тоже конфисковал на нужды медсанбата. Ну и что, что медсанбата нет, нужды вполне могут появиться. Лучше бы, конечно, без них, но на такое даже надеяться не стоит. Заодно переговорил по перевязочным материалам и лекарствам. Тут тоже облом полный. Материал на бинты, конечно, найдется, но вот с лекарствами полная... выпуклая часть спины. Устроил разгон насчет ношения детьми оружия, заодно и потребовал патроны к конфиску. Колька опять получил по шее, но в этот раз почему-то не обиделся – может, я бью как-то не так, обидно слишком. Дальнейшие пытки главного разведчика на предмет наличия оружия, снаряжения и боеприпасов завершились невнятным: «Есть маленько, на днях бойцов дашь – сходим». Короче, день прошел не без пользы.

Следующее утро тоже ничего не предвещало, хотя задержка нового инструктора и сбила слегка план учебы, но особой тревоги не принесла. Примчался Колька с опозданием в два часа и в мыле, явно здорово спешил.

– Тащ кмдир, там немцы с нашими...

– Понял. А теперь переведи дух и спокойно доложи – наши с немцами что: дерутся или пьют?

Глаза у Николая сделались величиной с серебряный полтинник.

– Немцы наших пленных сторожат, – закашлялся, видно и правда здорово бежал. – А те работают, дорогу делают.

– Вот теперь совсем понятно. А теперь давай подробно: где, сколько и все прочее.

Оказалось, что наша диверсия имела далеко идущие последствия. Машины, пущенные в объезд сожженного моста, здорово покурочили грунтовку, шедшую через Жерносеки на Козьи Горки, где та выходила на мощенную гравием дорогу более приличного качества, используемую немцами как магистраль снабжения. Если же в Жерносеках и поблизости она была просто разбита, то в семи-восьми километрах далее, около хутора Худобки, дело этим не ограничилось, больно уж болото близко там подступало. Вот и сделали там в свое время нечто вроде гати, засыпанной сверху землей. Немцы об этом не знали, осторожности не проявляли, вот и получили полкилометра перемешанной с полусгнившими бревнами грязи и пяток ушедших в болото по самую крышу грузовиков. Повезло еще, что остальные успели повыдергивать. А

жаль. Сейчас на месте этого безобразия проходила целая спасательная операция. На это надо обязательно посмотреть. Может, что поиметь удастся.

Проводником, естественно, взял Кольку, хоть карта и есть, но плутать я с ней здорово умею. Хотел взять с собой еще и Георгия, но решил, пусть сержант тыловикив погоняет, а мне стоит старшину в деле посмотреть. Так втроем и отправились. Тяжелого оружия брать не стали, пару винтовок да короткостволы. Кошка с наганом оказался хорошо знаком. Идти было хоть и недалеко, но сухпайком новый зампотыл озаботился, мало ли сколько пробыть на месте придется. Быстро двигаться не стали, шум нам не нужен, так что два часа на дорогу вынь и положь.

Подход оказался не слишком удобным – дорога с началом болота прижималась к лесу так, что шла практически по восточной опушке забитого подлеском лесного языка. Если немцы выставили там пару секретов, попадем как кур в ошип. Не стоит оно того. Пришлось смотреть за суемой метров с четырехсот, да и видно было плохо. Судя по количеству техники, немцев было немало – десятка два или три, по пленным сказать еще труднее – их загнали в болото, и сколько их там, один аллах знает. Может, десяток, а может, и пять. Понаблюдав с часок, увидели, что одну машину спасателям вытащить все же удалось, задействовав при этом четыре то ли трактора, то ли транспортера. Техника явно не немецкая, трофеи скорее всего, а вот советские или европейские, так сразу не скажу. Две машины опознал Кошка, сказал, что это тягачи «Коминтерн», остальные не видел никогда. Чтобы увидеть происходящее с другой стороны гати, прошли лесом по широкой дуге, но ничего интересного там не обнаружили. Если шевеления нет, то и постов скорее всего не ставили, нечего тут охранять. Удалось подобраться к самой дороге. Да, как будто Мамай прошел. Так должна, наверно, выглядеть железная дорога, которую после путеразрушителя еще и разбомбили. Если немцам нужна эта дорога как рокада, то они здесь не на один день застрянут, а может, и не на одну неделю. Судя по технике, машины они до ночи повыдергают все, а вот будут ли гать восстанавливать, а если будут, то какими силами? Не думаю, что они будут задействовать свои инженерные войска на такой работе, либо пленным припадут, либо местных, а то и тех, и других. По крайней мере в Польше так и делали, судя по полученным мной воспоминаниям. Ну, как говорил знакомый людоед – пожужим, увидим. Полдень уже на дворе, нового вряд ли что углядим, пора и честь знать.

– Старшина, дорогу запомнил?

– Так точно, товарищ командир.

– Завтра возьмешь с собой бойца поглазастее, извини, бинокля нет, и оборудуешь наблюдательный пункт. Пусть он все внимательно запомнит, всех пересчитает, особенно обратит внимание на количество секретов в лесу. Места, где их выставят, он не заметит, но менять их должны, не оставят же сидеть на весь день.

– Так, может, с ночи залечь? Тогда точно все заметим.

– На твое усмотрение. Мне сведения нужны, а как, решай сам.

В лагере царила учебная атмосфера, то есть бардак продолжался.

– Сержант, доклад.

– Товарищ командир, отряд действует по учебному плану, представленному начальником разведки.

Быстро он. Хотя, судя по нескольким листочкам, протянутым мне Жоркой, план этот особой развернутостью не страдает.

– Где сам?

– Обещал быть к шестнадцати ноль-ноль. Сказал, нужно двух бойцов дать. С утра вернет.

Конечно, вернет, только они полдня отсыпаться будут. А еще двух старшине на наблюдательный пост надо. Двое здесь на карауле. Зашибись – остаются три, нет, с Кузьмой четыре, свободных, как вольный ветер командира. Все, точно надо еще подчиненных раздобыть, придется немцам делиться. Старшина чего-то хочет.

– Товарищ командир, беспорядок, что люди под открытым небом спят, ночью не так и жарко, а если дождь. Землянки бы вырыть, раз палаток нет. Шалаш он что, от дождя помеха плохая.

– А есть смысл, если на днях уходить отсюда будем.

– Почему?

– Наследили уже много, если еще и с новым дельцем все выгорит, только совсем тупой и ленивый не допрет, где мы прячемся, – треугольник получится, а мы почти в центре. А немцы – они и не глупые и не ленивые. Пригонят пару взводов или роту и нашинкуют нас. Не хочется мне героически погибнуть, дел еще много, и вообще я только жить начал.

Последнее было чистой правдой, старшина даже не догадывался насколько.

– Байстрюк, младший Говоров где?

– Здесь где-то, товарищ командир, маскировку с личным составом отрабатывает.

– Зови его срочно.

– Так не выйдет же.

– Это почему еще?

– Так это... короче, когда он первый раз спрятался, сказал, что раньше, чем через полчаса, его ни в жисть не найдут, хотя он будет и рядом, ну я и скомандовал: «Боец Говоров, ко мне». Он прибежал, а народ ржать. Обиделся, теперь пока не найдут, сам не выйдет.

– Детский сад, штаны на лямках. Сержант, слушай приказ – чтобы Говоров-младший был у меня через пять минут. Выполнять.

За пять минут не управились, но через десять представили, как есть, вместе с маскировочной накидкой. Сделана та была из крупноячеистой сетки с навязанными на нее пучками травы, тонких веток и прочего мусора.

– Старшина, у наших бойцов такие уже есть?

– Никак нет, но к утру будут.

– Хорошо. Теперь к тебе, Николай, вопрос – лошадь сможешь достать, а лучше двух?

– Смогу, но скорее только одну, нашу кобылу батя в ночь забирает, но дядька Опанас Зорьку без вопросов даст. Остальных упрашивать надо либо отдариваться. Жмоты.

– Вот так с бухты-барахты о людях не надо. Если надо, вместе пойдем, думаю, мне не откажут.

– Так точно, товарищ командир, главное – пулемет возьмите, тогда точно не откажут. А что делать надо?

– Мотоцикл к Худобкам перетащить.

– Далеко, одна Зорька по лесу точно тащить замучается.

– А почему лошадь как корову зовут?

– Какую корову?

– Я как-то в деревне жил, так у нас корову звали Зорькой.

– Да какая разница – животное она и есть животное, лишь бы на имя откликалась.

– Угу, а сетка почему у тебя в такую крупную ячейку, мелкая, наверно, поудобнее будет.

– Так я ее вчера за вечер связал, а у бати да – ячея помельче, но тут не в ячее дело, тут как скрадываться умеешь, а сетка дело второе.

– Лады, давай дуй в деревню, я через час подойду, сможешь меня хозяевам лошадей предъявить.

Колька умчался, а я быстро перекусил и, взяв у старшины бойца, переодетого уже в немецкую форму, отправился следом. Наш малолетний снабженец не подвел. Ждал около околицы с двумя лошадьми, упряжью и знакомым мне уже мужиком. Представился тот Борисом Борисовичем. На мое предложение вернуться в деревню ответил отказом – то ли помочь хотел, то ли опасался оставлять животинку без присмотра. Хоть и вчетвером с двумя лошадьми, но умаялись мы здорово и в лагерь вернулись уже затемно. Петр, боец, что меня сопровождал,

оказался заядлым любителем разной механики, а особенно мотоциклов. От его рассказов к концу опухла голова, но пару-тройку хороших советов я получил, и то хлеб. Борис Борисович всю дорогу хмуро молчал. Николай тоже, но по причине полной распахнутости ушей – очень его рассказы Петра захватили. Ну вот, еще один будущий автомеханик появился, если, конечно, не переболеет или чего хуже не случится. Тьфу- тьфу, чтобы не сглазить. Интересно, демоны суеверны.

Сил хватило лишь только на то, чтобы поесть, выслушать доклад старшины и отрубиться.

Очередное утро началось для меня с прибытия поисковой партии. Старшины в лагере уже не было – пошел выставлять наблюдателя. Кузьму и его помощников отправил отдыхать, а сам с Колькой и Георгием занялся разбором прибывшего добра. Было его не так уж и много. Что могут принести три человека да выючная лошадь, особенно если тащить это не километр, а два десятка? Ну, нам не до жиру. Арсенал наш пополнился еще пятью «мосинками», причем одна оказалась карабином, шестью гранатами, из которых две «лимонки», сотней патронов и двумя неисправными пулеметами. У ДП был вдребезги разбит приклад, а «максим» щеголял дырявым кожухом охлаждения. К «максиму» вместо щитка и станка прилагался ворох матерчатых лент – пустых, а к ДП не было даже дисков, их нам презентовали еще раньше. Да, был еще подарок – пять патронов к «нагану». Кроме оружия удалось получить три плащ-палатки, две шинели и сумку санинструктора – полупустую. Перед тем как отправиться спать, один из бойцов заверил, что приклад к пулемету сделает лучше штатного, а кожух тоже скорее всего запаяет, только инструмент нужен. Ну что ж, обрастаем потихоньку. Самым узким местом у нас оставались боеприпасы. Ну и что – тысяча штук патронов, это, если в бой не ввязываться, кажется много, а гранат так совсем кот наплакал.

Очередную неприятную новость принес старшина. Все машины, как и ожидалось, немцы вчера из болота вытянули и утащили. Кошка с наблюдателем заняли ту же позицию, что и вчера, почти с рассветом, а еще через два с половиной часа приехали немцы. Только с другой стороны. Пришлось по нашему вчерашнему примеру, делая опять большой круг, перемещаться на другую сторону гати. В общем и целом диспозицию прояснить удалось, но могут оказаться и нюансы, их прояснить будет сложнее. А имеем мы следующее. Советских пленных работает ровно три десятка. Привезли их на грузовике, кроме которого имеется еще один мотоцикл с коляской. Немцев в охране, судя по всему, пятеро, трое вооружены винтовками, один автоматом, пятый пулеметчик. Пленных загнали в болото, где они разбирают старые бревна. Четверо немцев находятся на северной стороне гати, а один, с автоматом, прогуливается по опушке. Секретов, похоже, нет, но точнее будет ясно вечером, так как не похоже, что с ночевкой приехали.

Лошадке надо дать отдохнуть, но вечером нам с ней, похоже, работа предстоит, опять мотоцикл тягать будем. Думал ли тот, кто этот мотоцикл делал, что предстоит тому не возить, а самому кататься? Судьба, однако.

За всеми делами прошла половина дня. Старшина снова двинулся менять наблюдателя, а мне с сержантом в караул идти. Знаю, что командиру не положено, но пару часиков придется, ибо нехватка личного состава в подчинении. Надеюсь, из еды не одни поджарки оставят. Гневить начальство не в их интересах. Смотри-ка, за час управились, вон как боец спешит, чуть не падает, как хочет командира сменить. Орел!

– Где разводящий?

– Так это... – боец засмутился, но тут же опомнился и вытянулся по стойке «смирно». – Тащ кмдир, разводящий сержант Байстриук несет службу на посту номер три. Докладывал красноармеец Давыдов.

Стоп. Какой еще пост номер три? У нас же их всего два. Или я чего-то не знаю? Интересно-то как.

Все оказалось просто. Ну, относительно, как объяснил мне Жорка, пост с первым порядковым номером выставляется около знамени части, а за неимением у нас одного и пост сей отсутствует. Зато у нас есть четвертый пост, это который у гати. Это ж надо? Решил с армейским рационализмом не бороться – оно мне же спокойней будет. Пусть бдят службу, как по уставу положено.

Старшина вернулся поздно и хмурый, как туча.

– Товарищ командир, смену поста произвел. Поговорить бы без лишних ушей.

Это что ж такое произошло, что старшина на полуустановной съехал? Отошли в сторону.

– Что произошло, Леонид Михайлович?

– Фашисты пленных постреляли.

– Как? Всех?

– Не всех – пятерых. Я как на пост пришел, гляжу – грузовика нет. Мне Егоршин и говорит: загрузились два фрица в кабину и уехали. Решил подождать, посмотреть, что будет. Вдруг пальба, фашист с автоматом, что лес патрулировал, очередями по лесу шарашит. Я сначала думал, наши напали, но оставшиеся двое не стреляют, только пленным что-то орут. Автоматчик рожок выпустил и тоже давай орать. Вы-гнали их на сушь и заставили построиться, я посчитал, а их двадцать девять, видно, один сбежал. Начали они наших по одному выдерживать, троих выдернули, а четвертый упирается, за соседей ухватился и ни в какую. Тут эта сволочь с автоматом прямо на месте в него очередь. Потом еще одного выдернули, отвели в сторону – там их из пулемета и положили. Егоршин с Полищуком давай затворы дергать, насили удержал, хотя самому хотелось гадов этих на месте... Если б еще кого потащили расстреливать, не выдержал бы.

– Понял, старшина, – решил свернуть на уставной я. – Что дальше?

– Потом, товарищ командир, вернулась машина. Из кузова вытащили баки, вроде даже термосы. Сначала фашисты пожрали, на наших убитых показывали и ржали. Потом пленных пустили к еде. Те, похоже, здорово оголодавшие, даже отталкивали друг друга, а фашисты что-то орали и опять ржали. Наверно, издевались, что пайка у наших теперь больше, за счет расстрелянных. Бойцов снова еле удержал. Ну а потом Егоршина забрал и ушел. Полищуку сказал, что, если хоть чем себя выдаст, своими руками удавлю. Командир, языка ведь будем из них брать? Мне его потом отдай, чего тебе мараться.

– Получишь.

Ну все, гады, хана вам. Сейчас Егоршин еще другим расскажет. Как бы мне без языка не остаться, порвут ведь. Ладно, Кузьму надо будить да про новое место под лагерь попытать.

* * *

– Просто там все. Поедешь на север, километра три, выедешь на шоссе, тут же его пересечешь, и сразу грунтовка в лес пойдет, по ней километров пять-шесть. Жаль, курвиметра нет, так что на глазок. Из леса выедешь, справа Залесье будет, после этого опять лесом, до лесопилки. Перед ней съезд будет, тебе туда. По просеке с километр и дальше по вырубке направо. Метров через двести начнется болото. Слева в кустах бревна лежат, штук шесть. Бросай их прямо в болото и по ним. Через полкилометра выберешься на остров, а там уж разберешься.

– Грузовик пройдет.

– Сейчас, по сухости, да. Если дожди пойдут или по осени, вряд ли.

Глава 5

На немцев я выскочил, как черт из табакерки, те аж за оружие от неожиданности схватились, хотя вроде мотор должны были слышать, но, рассмотрев форму, успокоились.

– Обершутце, – обратился я к тому, который держал в руках винтовку, напрочь игнорируя пулеметчика. – А где дорога?

– Дорога в неисправном состоянии, господин унтер-офицер.

– Вот же свинская страна, – я обескураженно почесал затылок.

Немцы тут же заулыбались – господин унтер-офицер изволил пошутить, значит, надо адекватно отреагировать, вдруг доложит начальству, что в него из пулемета целились, потом доказывай, что не верблюд.

– У меня на карте, правда на русской, здесь дорога обозначена. И как я теперь в эти Захаричи или Захарнички, вот же дурацкие названия, попаду? Здесь что, бомбежка была?

– Никак нет, господин унтер-офицер, это наши герои-снабженцы так дорогу изуродовали. Бандиты в тех самых Захарничках на днях мост сожгли. Вот наши умники-тыловики и поперли в обход, да так, что пять машин здесь утопили. Еле достали.

В лесу трижды прокричала кукушка.

– Вот ведь свинство, – я достал из кармана пачку сигарет, сунул одну в рот и тряхнул пачку так, что из нее показались еще две. – Угощайтесь, обершутце, и напарника не забудьте.

– Спасибо, господин унтер-офицер.

– Сейчас огоньку достану.

Я опять сунул руку в карман, а достал уже с пистолетом. Бац! Расстояние было меньше метра, поэтому я не боялся промазать, стреляя прямо от пояса. Пуля ударила пулеметчика в середину лба. В лесу грохнул винтовочный выстрел. Второго не последовало, значит, все в ажуре. Сигарета только начала выпадать из пальцев старшего солдата, когда ствол «люгера» устался ему между глаз.

– Руки, фашистская свинья!

Правильно, ручки в гору.

– На землю, руки на затылок!

Вот так и лежи, зато не увидишь, как у меня пистолет в руках ходуном ходит, а значит, в голову дурные мысли не полезут. Из леса выскочил Жорка и, дождавшись моего взмаха рукой, метнулся назад, откуда вместе с Петром Егоршиным выволок третьего охранника. Пленные оторопело смотрели, как какие-то люди, одетые частично в советскую, а частично немецкую форму, споро занимают оборону.

– Товарищ командир, я двоих с пулеметом отправляю метров за триста на север?

– Старшина, действуй по плану, не кипятись, все идет нормально.

– Так понимаю, командир, но это ж... Раньше ж они нас били и по лесу гоняли, а теперь мы... Вот так... Запросто... Раз, и нету...

– А раз понимаешь, то давай руководи обороной, а я пойду наших введу в курс дела. Фашиста спеленай получше, и учти – в течение ближайшего часа он нужен мне живой, но необязательно невредимый.

До грязных и измученных пленников идти было метров семьдесят, ровно столько, сколько гати они успели восстановить – немцы в грязь особо лезть не хотели и расположились, где посуше.

– Товарищи бывшие военнопленные, выбирайтесь-ка из этой лужи. На сегодня работы закончены. На виду не болтайте, постройтесь вон там, в лесочке. Инструмент не бросайте.

Когда вернулся, Петр, одетый в немецкую форму, уже переливал из канистры бензин в бак моего мотоцикла. Запасливые немцы оказались, канистра у них с бензином запасная.

- Егоршин, как тут дела с трофеями?
- Нормально, тащ кмдир, мотоцикл хороший, вот канистра с бензином, трос хороший есть, инструмент кое-какой.
- А куда пулемет уже уволокли?
- Старшина сказал – надо дополнительную позицию организовать. Ганса с собой утащил.
- Хорошо, я к нашим освобожденным узникам, а ты здесь покрутись, поизображай несение службы.
- Есть!

Наше новое, надеюсь, пополнение довольно ровной шеренгой стояло под прикрытием деревьев. Кошка тоже был уже здесь, молча прохаживаясь перед строем. При моем приближении протянул мне автомат и подсумки, принял винтовку и отступил за спину.

– Товарищи красноармейцы, плен ваш закончился. Времени у нас мало, поэтому буду краток. У вас есть три пути, если, конечно, не считать возможности вернуться обратно к немцам, – строй слегка загудел, выражая свое отрицательное отношение к этому предложению. – Вот и отлично. И так первый – разбежаться по окрестным деревьям и молить бога, чтобы вас не поймали, второй – идти на восток на соединение с Красной Армией. Минусы данного варианта в том, что если даже и дойдете, то как вас встретят без оружия и документов, предсказать не могу, даже если опустить факт нахождения в плену. И наконец третий – вступить в наш партизанский отряд. Нет нужды объяснять, почему оружие вы получите только при третьем варианте?

- Товарищ, разрешите обратиться?
- Представьтесь.
- Старший сержант Матвеев!
- Обращайтесь.
- Примерно через час еще немцы приедут, двое, на грузовике.
- Я знаю, и прямо сейчас отправлюсь решать эту проблему. По всем остальным вопросам обращайтесь к старшине.

* * *

Трехосный «Крупп» – машина с хорошей проходимостью, но даже он пасует перед русской грунтовкой, особенно если ее разбила перед этим пара сотен его собратьев. И все равно, натужно гудя, он упорно лез вперед. Конечно, когда у тебя в кузове сидят три десятка русских пленных, готовых в нужный момент вытащить машину на руках из любой канавы или ямы, чувствуешь себя спокойнее. Эти унтерменши под прицелом пулемета могут работать быстро, даже если их и не кормить, а за еду они готовы сделать что угодно. Водитель вел машину очень аккуратно, зная, что если застрянет, то придется километр идти за помощью да потом гнать этих грязных животных обратно столько же. Как только телеги местных крестьян, которых мобилизовали возить бревна на ремонт дороги, не вязнут в такой грязи? Ну вот, накаркал. Сразу за поворотом дорогу перегородил «семьсот пятидесятый» «цундапп». Мешал проезду он не просто так, а сам был заблокирован валявшейся на боку повозкой, с которой опрокинулось несколько бревен. Унтер-офицер, с закинутым за спину «тридцать восьмым» «машинпистолем», орал на перепуганного русского, а рядовой с винтовкой стоял в паре метров и нагло щерился, глядя на это. Оглянувшись на подъехавший автомобиль и высунувшегося из кабины шофера, унтер призывно махнул рукой.

– Рядовой, берите своего напарника и помогите этой русской свинье освободить дорогу, – после чего зло посмотрел на ухмыляющегося солдата. – Тебя, Ганс, это тоже касается, поставь винтовку и берись за бревно.

Работа не заняла и пяти минут. Бревна были оттащены в сторону, а телега поднята на колеса и тоже отогнана в сторону нахлестываемой русским лошадей. Когда же водитель со своим сопровождающим попытались вернуться в машину, они обнаружили, что находятся под прицелом двух стволов, один из которых был автоматическим.

– А теперь оба на землю мордой вниз и руки за спину. Или кто-нибудь хочет стать мертвым героем?

Появление из леса красноармейца с пулеметом окончательно все расставило по своим местам.

К гати мы возвращались уже на двух моторах. Я, впереди на мотоцикле, за мной «Крупп», ведомый Полищуком, и с Давыдовым, охранявшим в кузове двух бывших владельцев грузовика. Кузьма обходными тропами отправился домой, ему с телегой долгонько придется добираться. Настроение было радужным – пока все шло как по маслу. До отбытия на новое место дислокации есть несколько часов, во время которых нас вряд ли кто потревожит. По прибытии сразу подбежал старшина.

– Товарищ командир, разрешите доложить.

– Докладывайте, товарищ старшина.

– Во время вашего отсутствия происшествий не произошло. Из тридцати освобожденных военнослужащих трое изъявили желание отправиться на соединение с Красной Армией, остальные хотят вступить в отряд.

– Ну что ж, хороший результат.

– Только мне кажется, никуда они не пойдут, рожи больно хитрые, забьются к местным бабам под юбки.

– Да и черт с ними. Лучше, если они потом удерут, когда будут знать много об отряде?

– Так-то оно так...

– Старшина, не бери в голову, что ни делается, все к лучшему. В кузове еда, займись питанием личного состава. Ходоков тоже накорми, не жадничай.

– Есть!

– Секреты пусть питаются на месте. Снимешь их, только когда тронемся, прямо по дороге и подберем.

Первым после обеда ко мне подошел Матвеев, чего я, впрочем, и ждал.

– Товарищ командир отряда, разрешите обратиться?

– Обращайтесь, только давайте отойдем и присядем. Разговор, думаю, будет долгий. Курить будете?

– Так точно, буду. Не помню уже, сколько без табачку.

– Оставьте себе пачку, я не курю. Кстати, всем остальным тоже советую бросать. Знаю, что на войне не бросают, но очень советую. От этого может зависеть не только ваша жизнь, но и судьба отряда. Ладно, это лирика. О чем хотели поговорить?

– Дело тут такое. Красноармейцы решили остаться в отряде, но положение наше достаточно шаткое. Когда в плену были, понятно, но сейчас мы вроде как свободны, и если не пойдём к своим, то станем дезертирами. Дойти, как вы и сказали, шансов немного, а если и дойдем – особый отдел.

– Понимаю, сержант, хочется и рыбку съесть, и все прочее. Смотри сам – все вы попали в плен, раненых и контуженых среди вас незаметно... Не перебивай начальство, знаю, каждый расскажет душещипательную историю, как «до последнего патрона, невзирая, обстоятельства оказались превыше» и прочее бла-бла-бла, только следователь до вас таких историй уже наслушался, да еще от бойцов и командиров, вышедших с оружием и документами. Как ты думаешь, что он сделает? А уж если у него есть разнарядка по поимке предателей и шпионов, то ему вас сам бог послал.

– Да, безрадостную картину вы нарисовали.

– Не без того. Так что я ваш ангел-спаситель. В конце концов лучше от немецкой пули погибнуть, чем от своей, хоть пользу в два патрона принесешь. Единственный вариант к спасению как жизни, так и доброго имени для вас, это к моменту возвращения наших иметь в руках оружие, захваченное у врага, и кучу скальпов на поясе. Не делай такие глаза, насчет скальпов я фигурально, в наше просвещенное время их успешно зольдбухи заменяют. А приказ о зачислении вас в отряд будет составлен по всей форме: опись, протокол, сдал, принял, отпечатки пальцев! Как заведем начальника штаба, так и все полезные телодвижения будем приказами оформлять – украл у немцев ящик туалетной бумаги – поощрение, ею же. Шучу! Ладно, мне другое интересно, расскажи мне про лагерь, в котором вас содержали.

– Та чего рассказывать? Место даже на карте точно не покажу, но ехать отсюда минут тридцать-сорок, но к расстоянию это не привяжешь, так как последние минут двадцать сюда по разбитой колее, а до того по дороге и быстро.

– Положим, про место мне немцы сами с удовольствием расскажут, кстати, не похоже, что они из охраны лагеря.

– Эти нет, они нас из него утром забирали, а вечером опять сдавали. Таких групп, как наша, несколько. Попасть на работу за счастье, кормят здесь хоть и скудно, но из солдатского котла, а в лагере, почитай, совсем жрать не дают. Так иногда гнилье какое полувареное. Иногда местные чего перебросят через забор, что немцы для выкупа не возьмут, так из-за этого такие драки бывают.

– Что за выкуп?

– Ну, бабы местные приходят, приносят яйца, молоко, пирожки какие и выменивают пленных – говорят, сын или внук, немцы небось не верят, но отпускают, только требуют, чтобы те на учет вставали. Много не отпускают, два-три, максимум пять человек в день, им жратвы хватает.

– А что тут вчера было?

– Вы про расстрел? Так все просто – за побег одного расстреливают пятерых.

– В лагере немцы беспредел не начнут из-за вас? Не только побег же, но и охране каюк.

– Не знаю, там и так беспредел, что хотят, то и творят, могут просто так пристрелить. Не думайте, товарищ командир, если даже что и будет, вины вашей тут нет – кого не убьют, тот сам скоро от голода сдохнет. Я всего две недели в плену, а уже еле ноги таскаю. Лагерь считается пересылочным, если дальше кого отправят, тот, может, и выживет, но, поглядев на фашистские порядки, скажу, больше я в плен не дамся.

– Людей в лагере сколько? Охрана какая?

– Людей когда как, если долго пополнение не приходит, а фашист зверствует дюже, то человек сто пятьдесят остается, а в основном сотни под две. Охраны человек двадцать, четыре пулемета на вышке да два на входе. Половина с автоматами. Хрен дернешься.

– Строения какие?

– Да там всего пара домов – фрицы в них сидят, а мы под небом голубым да за тремя рядами колючки, вот и все наши укрытия. Хотели ямы какие вырыть, фашисты не дали. Дожди пойдут – будет большое кладбище.

– Из инструмента у вас здесь что есть?

– Лопат с десятков, ломов да кирок столько же, две пилы да кувалд четыре штуки. Вот и все.

– Это очень хорошо – в старый лагерь мы не возвращаемся, как приедем на новое место, надо будет срочно землянки рыть.

– Так мы не пехом? Ну вы, товарищ командир, рисковый.

– Я не девка, нечего меня комплиментами в краску вгонять.

* * *

Самое опасное место для нас – перекресток с шоссе. Хотя пополнение и утверждало, что поста там ни разу не было, но сведения, что на дороге встречались заставы фельджандармерии, меня здорово беспокоили. Двигаться решили с передовым охранением в виде цундаппа, меня, сержанта с пулеметом и Егоршина, которому я отдал пистолет в придачу к винтовке. Автомат мог стать весомым аргументом, потому сам сел сзади. «Крупп» двигался в ста метрах позади, а его подпирал «БМВ» с еще тремя бойцами – тут мудрить не стали, они так всегда путешествовали. Весь наш арсенал находился в кузове и мог быть применен в любой момент. Прорвемся мы практически в любом случае, если, конечно, не встретимся с каким-нибудь маршевым батальоном, да и тогда скорее всего удерем, правда, не все. Но очень не хочется след оставлять.

Подъехав к дороге, удивился малой интенсивности движения, по соседней трассе немцев сновало на порядок больше. Я имею в виду именно порядок десятичного числа, а не, как все мои знакомые, двоичного. Устал я с ними бороться, вроде люди с высшим, иногда не законченным, образованием, но хоть кол на голове теши. Один, помню, вообще заявил, типа цена чего-то там упала на порядок с тысячи рублей до девятисот пятидесяти. Нет, в чем-то он, конечно, прав, у меня даже аргументов не нашлось. Что странно – знакомых тела моего носителя я уже воспринимаю как своих. Боюсь представить, что дальше будет. Хорошо еще, с Зелински до того не доходит. Впрочем, это все опять же лирика, которая к нашей задаче по успешной ретираде отношения не имеет. Бросок через перекресток удался на все сто. Дальше было проще. Ввиду Залесья проследовали тихо, без шума и пыли, и через пять минут подкатили к лесопилке. Еще десять минут ушло на заготовку, укладку на обочину и уборку слег и лапника, зато место нашего съезда с дороги теперь разве что Дерсу Узала определит. Гать тоже особых проблем не принесла, и вот мы у врат Мадрида, в смысле, на острове Безымянный. Проскочили. Тот, кто утверждает, что ни один план не выдерживает столкновения с действительностью, либо не умел составлять нормальные планы, либо страдал лишними усложнениями планирования.

Рыть землянки было уже поздно, придется ночевать под открытым небом, благо что костры жечь можно относительно безопасно, правда, маленькие и неяркие. Пока суть да дело, решил выяснить, на что в общевойсковом смысле можем рассчитывать с новым пополнением, для чего устроил блиц-опрос оного. Ну что можно сказать? Как и ожидалось, больше половины составили подданные царицы полей, послушники бога войны, если зенитчика к ним тоже отнести, присутствовали в количестве трех штук – минометчик и наводчик ПТО. Остальные по мелочи – два кавалериста, санитар и водитель бронеповозки с номером двадцать шесть, после соответствующей буквы, относящей ту к гордой породе танков. В империалистическую был бы грозный агрегат, да и узкоглазых сынов Аматерасу мог впечатлить, а вот немецкие «пантеры» как-то не очень его жаловали. С этим водителем и случилась главная закавыка вечера. Началось с того, что кроме специализации своих новых бойцов интересовался и их званиями. Кроме Матвеева, нашлось еще два сержанта да один младший, вот тут бронеходчик и подошел. Какова была степень моего опупения, когда этот пацан заявил, что является лейтенантом, рассказывать не буду.

– И как вас угораздило?

– Выпуск в этом году был ускоренный, на место службы я прибыл девятнадцатого июня, представился в штабе двадцать второй танковой дивизии. Двадцатого принял взвод «Т-26». Двадцать третьего от взвода не осталось ни одного танка. Дальше отступление. Уже под Полоцком немцы обнаружили нашу группу в лесу и взяли в плен.

– А форму когда сменил и документы уничтожил?

– Там в лесу и поменялся с убитым красноармейцем. Но форму, документы и личный «ТТ» я спрятал. Патронов все равно не было.

Ну да, судя по заминке, патроны были, но светить пистолетом ему не хотелось, но я не судья – каждый выживает, как умеет. Как бы то ни было, проблему надо решать.

– Значит, так, товарищ красноармеец, лейтенанта я перед собой не вижу, а потому вопрос этот буду решать, когда увижу. Все ясно?

– Так точно, товарищ командир отряда.

– Свободны.

На лице этого еще не совсем лейтенанта заметил облегчение. Ага, он облегчился, а я должен теперь голову ломать, чего от него ждать. Ладно, это пока терпит.

– Командир, о чем думы тяжкие?

Жорка нарисовался, блин, не сотрешь.

– Есть у нас, сержант, теперь каждой твари минимум по паре, ну почти. Моряков с летчиками нет, но это к лучшему, но есть кое-кто, кого мне не хватает.

– И кого?

– А самого завалившего сержанта НКВД.

– Свят-свят! Сплюнь, командир! Нельзя такое поминать всуе, особенно на закате. Ты его помянешь, а он как заявится! Зачем тебе ужас этот?

– Видишь пополнение? Вот оно меня и беспокоит.

– Думаешь, фашист кого к нам подослал?

– Думаю – пока нет. Сложно слишком для нас, убогих, да и конвоиров я допросил. По крайней мере приказов кого-то конкретно не расстреливать у них не было. Но думаю, эти не последние, а методики допросов у меня нет. Я бы и на опера какого из угрозыска согласился. Нет на примете? Вот и у меня... Чего хотел-то?

– Мы со старшиной харч прикидывали. Если консервы все в ход пустить, утром людей кое-как накормим, а дальше – труба.

– Консервы не трогать, это НЗ. Придется слегка поголодать. Новичкам хоть что-то надо будет дать, а сами прямо с утра за продовольствием и двинем. Есть у меня мысль, и я ее думаю.

* * *

Формы немецкой у нас хоть и прибавилось, спасибо уопленникам, что сейчас, с легкой руки старшины, кормят всякую болотную живность под Худобками, но было не так уж и много, потому второй мотоцикл решил не брать. Полицаев изображали четверо парней из нового пополнения, не самые худые, остальных брать не решился, ну не полицейские у них рожи, да и куда мне столько. Залесье – село большое, домов восемьдесят, но все равно не батальоном же туда идти, да и гражданки только на четверых. Повязки сделали из простой белой тряпки, даже писать ничего на них не стали. Ну кем может быть вооруженный мужик рядом с солдатом Вермахта? Правильно – сволочью! Стереотипы рулят.

В село вкатились со злыми мордами, еще бы – жрать-то хочется. Здесь мы тоже не первые. Как догадался? Да все по тому же отсутствию залиvistого лая. Чего ж немчура так собачек не любит? Сбор жителей на площади занял не менее часа. Не очень-то они здесь запуганы, кое-кого пришлось даже прикладами подгонять. Этот трудный момент я с бойцами специально обговорил, научил нескольким самым ходовым немецким ругательствам, но строго приказал – будут ерепениться, пихать прикладом, только что не бить, если местные слабину почувствуют, весь план насмарку. Вроде бы все получилось – вон пара мужиков спину потирают да зубами скрипят. Эх, а все же хорошо, что пулеметы у нас, а не у них. Можно сказать, повезло. Пора речь толкать. Главное, чтобы «переводчик» мой не запутался, он хоть немецкий и знает, но до настоящего толмача ему как до Москвы задним ходом. Ничего, общую канву он выучил наизусть, а если что и напутает, даже при наличии местного знатока языков сойдет для сельской местности.

– ...и, наконец, господин унтер-офицер требует выдать бандитов, напавших на немецких солдат около хутора Худобки, а также выдать всех, им сочувствующих. Если этого не произойдет, то господин унтер-офицер прикажет расстрелять каждого пятого мужчину!

Какой бабы вой подняли, только бы парни мои выдержали. Нормально стоят, морды злые, желваками играют, держитесь, ребята, должна быть гнида, не может не быть на столько народа, да чтобы ни одной сволочи... Есть! Я этого хорька сразу приметил по взгляду бегающему. Мелкий, мордочка острая, глазки так и шмыгают, ну чистый хорек.

– Господин офицер, – как он из толпы быстро шмыгнул, будто боялся, что там, на месте, и убьют. – Господин офицер! Есть, есть сочувствующие! И бандиты они. В лес ходят, к бандитам. Вот этот, этот и этот.

Толмач мой что-то стал пытаться переводить, но я только отмахнулся – господин унтер-офицер не тупой, он и так все понял.

– Взять!

Трех мужиков быстро вытащили из толпы. Двое в летах, за сорок, один молодой, навскидку четвертак, не больше.

– Вот тот, Степан Глухов, господин офицер, бригадир колхозный, вот тот, Гришка Боровой, он в заготконторе главный, а этот, Герка, вообще комсомолец, подбивал в партизаны идти.

Я похлопал хорька по плечу и подтолкнул в сторону машины, где Жорка ненавязчиво взял его под наблюдение, махнул в сторону околицы, куда двое бойцов в немецкой форме погнались мужиков, а сам двинулся за ними.

– Разойдись!

Переводчик старается, командует, но половина народа остается на площади. Вот ведь блин, ничего не боятся. Ну, народ! Ладно, я с ними еще проведу политбеседу.

Дошли. Теперь надо в сторонку отойти, вот как раз тополь упавший, из деревни не видимый. Подошли, присел на ствол, достал пачку сигарет из кармана.

– Закуривайте, мужики. Разговор есть.

Крепкие селяне, однако. Или челюсти у них на скрытых подвязочках. Хорошо так отреагировали – сигареты взяли и ждут огонька. Хозяйственные, вот не поверю, что ни у одного спичек нет, ну ладно, мне бензина не жалко, да и кремень, чай, не сточится. Закурили. Молодой сразу закашлялся, гляди-ка – борец за здоровый образ жизни, молодец.

– Не буду ходить вокруг да около – мне нужны продукты, причем нужны вчера. Видите эти две фрицевские морды, знаете, почему такие злые? Потому что они с утра еще не жрамши и не знают, пожрут ли сегодня вообще. Короче, хотите, чтобы они были добрыми, – будьте добры. Да, еды мне нужно много и хорошей. Мы вчера тридцать душ из лагеря освободили, так их практически ветром качает. Им мясо нужно, ну и другие мои бойцы от него не откажутся.

Мужики переглянулись и задумались, а может, сделали вид, но я их не торопил. Через пару минут слово взял Боровой:

– Тут такое дело, нет ничего, склад заготконторы пустой, на совхозных тоже шаром покати – середина ж лета, только овощи какие поспели. Я прав, Степан?

– Прав. Огурцы там, да так чего еще по мелочи.

– Мужики, вы чего меня лечите? У вас здесь ведь центральная усадьба совхоза, там что, свинарник с коровником? Ну и где живность, по дворам растащили? Корма где, там же? Слушайте, хозяйственные вы мои, не злите. Я у вас лично вашего ничего не прошу, хотя другие отряду свое отдают. И бабы плачут – может, добро свое жалеют, а может, нас. Я им в душу не лезу, в карман причем тоже, все сами. Так что давайте мозги напрягите. И учтите – немцы с вами разговаривать не будут, выметут все под метелку. Хотите помочь доблестной германской армии?

– Ну нет, мы разве отказываемся, – опять вступил в разговор Степан. – Конечно, поможем. Нам бы только справку какую, отчитываться ж придется.

– Ох и ушлые вы. Перед кем отчитываться-то?

– Да хоть перед кем. Вот напишешь нам справку, что изъял совхозное стадо, мы, если что, ее хоть германцу, хоть советской власти покажем, с нас и спросу нет. А лучше две, одну германец отнимет, а мы вторую уже власти покажем, когда вернется.

– Видите, – обратился я к своим бойцам. – Он тоже считает, что наши вернутся, но на всякий случай готов их обьегорить.

– С чего это ты решил, что обмануть хочу? – взъерепенился Степан.

– А что, ты мне под эту справку все стадо отдашь?

– А тебе-то зачем, сразу его порежешь или пасти будешь? Тебе ж мясо нужно, и не один раз за ним придешь, иль ты залетный – отнимешь что и дальше побежишь?

– Не побегу. Пока. Там видно будет, но и на месте мне сидеть, сам понимаешь, нельзя – схомутают. У фашистов на нас уже зуб большой.

– Вот и я говорю – семь бед, один ответ. Справку пиши.

– Немцам на справку плевать, отберут что увидят.

– Чай не дурней паровоза, твои архаровцы много чего увидели? Может, стадо молочное где заприметили или хрюшек во дворе больше одной? Вот и оно. Ну заберут хавроний да курей, без этого никуда, если совсем ничего не дать, могут и пострелять, как собачек наших. Может, и с германца удастся справочку какую получить. Вот и окажемся мы со всех сторон ограблены, и взять с нас нечего.

– Ага, а потом найдется вот такая гнида, что сдала вас с потрохами, и болтаться вам на въезде в деревню, как особо хитрым.

– Так не без того – риск всегда есть. Вы с Петькой-то что делать будете?

– Это с хорьком этим? Да повесим, не пулю же на него тратить.

– Как-то это... – вступил в разговор молодой. – Нехорошо вроде... Вы его как-то вроде вынудили...

– Вынудили чего? Подлость совершить? Ну, ты даешь! Повеселил. Нехрен таким гадам землю топтать. Ты потом с бойцами, которых мы из плена вытянули, поговори. Они много тебе расскажут. Например, как такие же, вроде как свои, за пайку людей насмерть палками забивают. Не будет здесь пощады ни фашистам, ни такой сволочи! Как думаешь, знал он, что с тобой будет, когда пальцем тыкал? То-то же.

– Да, Герман, тут ты не прав, – это уже Степан вступил в разговор. – На смерть он нас отправил. Вот пусть сам и попробует, да и прочие поймут, что к чему.

– Герман, немец, что ли? – А это проявил рвение мой боец, и глаза его опасно сузились.

– Егоршин, отставить! Если даже и немец, национальность тут ни при чем. Вон мужики вопросом на вопрос отвечают – я же у них пейсы не ищу.

Шутка тут же разрядила атмосферу. Жорка аж фыркнул, ну одесситу не быть знакомым с такой манерой разговора невозможно.

– Нет, ты чего, – вступился за парня Глухов. – Наш он, только происхождение подкачал. Оба мужика заржали, как лошади, а Герман густо покраснел.

– Да пошли вы, жеребцы, сколько лет уже, а все не надоест.

– Из буржуев, что ли? – это уже влез Георгий.

– Да из каких буржуев, – вытирая слезы с глаз, ответил Степан. – Хотя в общем-то как посмотреть. Мать его перед революцией в услужении у местного помещика была. Красивая молодая девка, вот она ему и глянулась. Короче, понесла она. Помещик был уже вдовый, пилить его было некому. Вот и дал он младенцу свою фамилию, а заодно имечко придумал. И стал у Пелагеи Скибы сын Герман Фефер.

Мужики опять заржали, да и у меня с бойцами проступили улыбки на лицах. У мужиков явно отходняк идет, считай, костлявая мимо прошла.

– Никак помещик оперу любил? – спросил я и, похоже, попал в точку.

– Угу, – Герман тоже слегка улыбнулся, видно, к шуткам таким уже притерпелся. – «Пиковую даму», мать говорит, наизусть знал и ее заставлял арии разучивать, а потом вместе петь. Вообще, все говорят, что неплохой человек был.

– Но не заладилась у Пелагеи жизнь буржуйская, – продолжил Степан. – В восемнадцатом барин пропал, и пришлось ей сына растить одной. Замуж так и не вышла, а баба до сих пор красивая. Эх!

Было что-то у Степана с Германовой матерью или не было, но тому хотелось бы, тоска какая-то застарелая. Но не мое это дело.

– Разговоры разговаривать, конечно, хорошо, но у меня люди не кормлены. Придумали чего?

– Да придумали, – махнул рукой Боровой. – Чего там думать, пошли.

– Погоди, еще один момент, – тормознул я селян. – А этот ваш хорек, он один жил?

– Да нет, с женой, – насторожился Глухов. – Ее тоже вешать будешь?

Посмотрев на разом потемневшие лица собеседников, поспешил оправдаться:

– Что я вам, зверь лютей? И в мыслях не было. Но вот выселить ее из деревни придется.

– Куда же ее выселять?

– А вот это мне по аккордеону, но вблизи моего отряда чтобы ее не было. Что у нее, совсем родственников нет?

– Да как сказать, сирота она. Сына в прошлом году посадили за воровство, а дочь давно уехала, да ни разу не приезжала и писем не писала. Шалава. В общем, некуда ей идти.

– А вот жалобить меня не надо. Ты готов поручиться, да не своей жизнью, а своих родных? Вижу, не готов. Да не жмитесь вы, сам я ей скажу, чтобы вещи собирала, вы как бы и ни при чем. Герман, останься, а вы идите, конвой проводит, делайте пока вид, что за страх работаете.

Фефер озабоченным взглядом проводил ушедших и подозрительно глянул на меня, не нравилось ему наше уединение. Ну что ж, правильно не нравилось.

– Герман, у меня возник вопрос, а почему вы так безропотно пошли на расстрел?

– А что мы сделать могли?

– Вот смотрю, ты тоже вопросом на вопрос отвечаешь, но не еврей – тот такую глупость не спросил бы. Ты, ну если постараться правильно осветить вопрос, практически фольксдойче. Отчество у тебя какое?

– Ну, Генрихович.

– Ты не нукай, а головой подумай.

– А чего думать, не вижу, что ли, к чему клоните, но к немцам я работать не пойду, я белорус, а не немец, даже языка почти не знаю.

– Не проблема, главное – по метрике все нормально, расовый тест пройдешь, как и я, лучше девяти чистокровных немцев из десятка. Рост, цвет волос, глаз, телосложение, форма черепа – родись ты с такими данными в Рейхе, уже в СС на офицерской должности был бы.

– Угу, они как только узнают, что я в комсомоле состою, да еще секретарем организации, так сразу к стенке.

– Если будешь скрывать, то могут. Кстати, а печать где?

Мой собеседник сразу напрягся. Все еще не доверяет? Но ответил правду:

– Спрятал.

– Отлично. Устроим тебе отчисление за пронемецкую пропаганду, а также клязу на тебя в НКВД. Да не дергайся, своим приказом по партизанскому отряду все оформлю. Вас сколько человек в ячейке было и где они?

– Четверо, – Герман опять глянул на меня с подозрением. – Где, не знаю, двоих призвали, а Машка с отцом, он директор совхоза, с нашими ушли.

– Просто замечательно. Вот Машка твоя на тебя клязузу напишет и протокол составит. Твоя задача – срочно у нее дома все подчистить, чтобы ни листка с ее почерком не осталось. Лет ей сколько?

– Двадцать. Она техникум в этом году закончила.

– В Белоруссии?

– Нет, в России, она сама с Урала, отца ее к нам только два года назад прислали. Теперь она к нему приехала, на работу не успела даже устроиться, только на учет к нам встала.

– Все просто бесподобно. Теперь надо бы найти кого с хорошим почерком, чтоб на женский был похож. Весь архив организации мне срочно, всю совхозную и сельсоветовскую документацию тоже.

– Так ни в сельсовете, ни в конторе совхоза ничего нет уже.

– Молодцы, но никаких тайников, ясно? Все уничтожить. Это приказ! Так своим заговорщикам и передай. Они тоже пусть готовятся помогать Великой Германии. Так, что ей тошно станет, но я с ними еще поговорю.

Когда мы вернулись на площадь, погрузка шла полным ходом. Хорек чуть испуганно косился на распоряжающихся Степана и Григория, но, похоже, еще ничего не понимал. Я отошел в сторону толмача и быстро разъяснил его задачу. Через минуту тот уже объявлял жене предателя, что за ложный донос ее муж арестован, а сама она должна в течение часа, собрав не больше одного узла вещей, покинуть село, если же она появится обратно или каким-либо образом обратит на себя внимание новых властей, то будет повешена. Баба ударилась в вой, но после напоминания, что времени у нее мало, споро помчалась в хату, даже не обратив внимания на разом побелевшего лицом мужа.

– Господин офицер... – бросился ко мне хорек, но тут же был сбит с ног и отбуккан парой бойцов, после чего остался лежать, что-то жалобно бормоча и рыдая.

Не прошло и получаса, как один из «полицаев» доложил, что баба, собрав огромный узел добра, покинула село. Сначала хотела запрячь лошадь, но ей не дали, и она попылила так, причем не намного медленнее, чем могла бы на телеге.

Еще через час мы тоже покидали Залесье, забив кузов продовольствием. По большей части зерном и овощами, но и свиная туша украшала этот натюрморт. Заодно присвоили часть совхозного кухонного хозяйства, в основном то, чем побрезговали селяне, но нам было в самый раз, например котлами. Котлы были огромные, в бытность свою в них готовили на сотню и более человек сразу. Более мелкая посуда нам тоже досталась, но ее пришлось выцарапывать у местных где уговорами, а где и руганью. Лично я увозил с собой несколько печатей, в том числе и комсомольскую. В селе остались озабоченные моими указаниями активисты, труп повешенного за околицей предателя и ничего пока не понимающие селяне. Солнцу было еще долго подбираться к полудню, но, как бы ни сложилось дело дальше, понятно было, что и в этот день нам сопутствует удача. Тьфу, чтобы не сглазить.

Глава 6

Короткий перекус, и мы снова, оседлав моторы, отправляемся в путь. На этот раз я решил сменить тактику, забрав из строительной бригады, копающей землянки, двух бойцов и превратив их в пленных партизан. Пришлось их слегка измазать свиной кровью и нарисовать черникой синяки. Не театр Комиссаржевской, конечно, но для сельской местности сойдет. Снова проскочив Залесье, проехали село Горушка, деревню Абрамежки и сделали первую остановку в деревне Гавриленки. Тут разыграли старый спектакль, только без угроз расстрелов, а, продемонстрировав «ужасных партизан-бандитов», потребовали у местных содействия в выявлении сочувствующих. Нас послали. Молча так. Пришлось выдергивать мужиков по одному и беседовать с глазу на глаз. Беседовал переводчик, а я с надменным видом поигрывал пистолетом. Опять послали, теперь уже распинаясь в любви к новой власти, кто твердо, кто униженно, то бишь у кого какого таланта лицедейского хватило. Нет, не уважают, да и пес с ними! С бабами решил не связываться, чувствовал – бесполезная трата времени. В Абрамежках и Горушке результат был аналогичный. Блин, на полтысячи человек ни одной сволочи не нашлось. Ну и мирок попался. Даже грабить их рука не поднимается. Лады, потом по-другому поговорим. Вот только как бы они меня так же не послали, когда я в другой ипостаси заявлюсь, типа белый и пушистый. Вот теперь и думай, удачно вторая половина дня прошла или нет. Вроде ни одной паскуды не повесили, но не повесили не потому, что те сбежали, даже наверняка не потому, что не нашли, а просто нет их.

А вот теперь сиди и думай...

Ужин оказался на удивление хорош, а уж то, что строители нагрели воды, это вообще праздник. Теплой разведенной воды досталось каждому по ведру, а уж с мылом, подоброщенным нам главой заготконторы... Приятно почувствовать себя чистым, жаль, на стирку не хватило. Может, завтра, не загадывая. Из трех землянок одну успели даже перекрыть, значит, резко уменьшается возможность простудных заболеваний. Пять или шесть человек из нового пополнения неприятно покашливают, и наш санитар отпаивает их каким-то травяным отваром. Впрочем, не только их, даже в меня кружку влил. Не скажу, что сильно неприятное поило, но я бы вполне обошелся, а нельзя – пример подчиненным. Хоть вкус совсем и не похож, но сама ситуация напомнила обязательное питье рыбьего жира, введенное бабушкой Константина в их семье. Поголовное, причем сама она пила эту гадость с видимым удовольствием. Еще утром, наверное, любой в отряде не отказался бы от неограниченного количества такого лекарства.

Насладиться созерцанием округлившегося от обжорства пуза, конечно, не дали, на что, впрочем, я и не на-деялся. Наверно, старшины и существуют для того, чтобы карась не дремал.

– Товарищ командир, надо бы план на завтра составить.

– Слушаю рекомендации, – пусть сам теперь изворачивается, а я, по врожденной командирской привычке, буду замечания делать.

– Неплохо бы завтра закончить обустройство, а на послезавтра парко-хозяйственный день назначить.

– Согласен, а войну на следующий год отложим.

– Никак нет. Быт не должен мешать боевой подготовке и самим боевым действиям. Потому предлагаю разделить личный состав на две части, одна займется строительством, а другая – учебой, и менять их каждые два часа.

Хорошо выкручивается, мастер.

– Хороший план, старшина. Сколько у нас постов?

– Два. Один секрет с пулеметом на въезде на гать и пеший патруль по периметру острова.

– Организуйте еще один на трассе. Нужны данные по плотности потока, причем в обе стороны, а также номера автомобилей и тактические знаки частей на них. Особенно пусть контролируют передвижение патрулей фельджандармерии. Есть еще что-то?

– Так точно. Я тут в Залесье, через Глухова, с кузнецом связался, так он обещался «максим» в порядок привести. И кожух запаять, и станок сварганить, правда, без колес, а в виде треноги, как под станкового «дегтярева», только пониже.

– Почему пониже, – знать бы еще, что это за станковый «дегтярев» и как у него станок выглядит. Видишь ли, кузнец знает, а командир не в курсах.

– Конструкция окажется полегче, покрепче, да и менее заметна, а если из окопа стрелять, то можно и на бруствер выставить.

Надо соглашаться, особенно если все так хорошо, да и с бруствера можно...

– Отлично, товарищ старшина, действуйте. А со вторым ручником что?

– Некогда было, но завтра все будет готово.

– Тогда если у вас все, то на сегодня закончим.

Старшина ушел, а я попробовал по привычке почесать шрам. Не тут-то было, не то чтобы он совсем пропал, но нащупать его было совсем сложно. Чудны дела твои... Насколько я знаю человеческую физиологию, к моей она имеет отношение хоть и близкое, но не тождественна. Не зарастают такие шрамы за неделю, такие вообще не зарастают. Вот над этим вопросом надо серьезно подумать. А проведем мы эксперимент. Для этого понадобится чистая тряпка и дезинфектор. Тряпка есть, а самогон, оставшийся во фляге, тоже сойдет. Только надо подальше отойти, дабы не пугать бойцов неадекватным поведением командира. Теперь заворачиваем рукав и делаем небольшой надрез. Сначала прямой, всего пару сантиметров, а теперь немного волнистый, плеснем на него из фляги... Блин, щиплет! Заворачиваем руку в тряпку и ждем полчаса, для чистоты эксперимента.

Полчаса я прождать не смог – заглянул под повязку уже минут через пятнадцать. Ах ты ж, черт! Продолжаем эксперимент. Прошло еще пятнадцать минут, теперь повязку совсем можно снимать. Что имеем? Ну, так оно и есть – эксперимент прошел удачно. Шрам сначала, под действием моего мыслительного процесса, стал прямым, а еще через пятнадцать минут волнистым. Интересно. А без членовредительства? Попробуем, например, изменить рисунок папиллярных линий на ладони. Пятнадцать минут насмарку – нулевой результат. Придется опять штык доставать. Царапаю ладонь совсем немного, все равно больно, и самогоночкой ее, самогоночкой. Ох, унюхают бойцы – посчитают скрытым алкоголиком. Но наука требует жертв. Что ж, как и думал – результаты охренительные, а именно, я могу управлять тканями тела, но только вблизи мест механического поражения этих самых тканей. Возможно, не только механического, но, например, химического, температурного и, чем черт не шутит, радиационного поражения. Фантастика. Можно ехать на остров Форос и устроить соревнование с сыном Посейдона, кто круче. Прямо проект Протей-2. Все, спать – подумаю об этом завтра.

Завтра наступило ночью, когда весь отряд был поднят по тревоге. Патруль засек какое-то движение на болоте. Час просидели, ощетинившись стволами во все стороны, но ничего не произошло. Решил, что надо усилить посты и отправляться спать. Решил правильно, так как на нас никто за ночь так и не напал. Ну и фиг с ним. Надо будет потом проконсультироваться у Кузьмы, кто может ночью по болоту шастать, может, звери какие, лоси, например. Настроение утром было препаскудное, спали все плохо и, естественно, не выспались. Ничего, на том свете отоспимся.

Секрет на автодорогу решил вести сам – на местности надо получше ориентироваться, а карта здесь – плохой помощник, надо ногами потоптать, глазами позыркать да руками пощупать. От лагеря до дороги оказалось не близко, что, впрочем, скорее хорошо, чем плохо, как говорится: подальше положишь, подольше не найдут. Чтобы прихватить для наблюдения полнотью световой день, надо либо выходить очень рано, либо оставлять людей в ночь недалеко

от дороги. Что лучше, даже не знаю. Надо со старшиной посоветоваться. Эх, тяжела ты, шапка Мономаха, учиться мне еще и учиться! Нужен начштаба, нужен особист, даже комиссар, и тот нужен. Короче, нужно что-то делать. За этими невеселыми мыслями я с двумя бойцами и добрался до дороги. Ни хрена себе, почти три часа ушло на прогулку.

Близко к дороге пока не полезли – нашли место, где лес отходил от полотна метров на сто, там и затихарились. Вряд ли немцы это место заподозрят – что справа, что слева дорога шла прямо через лес, а значит, здесь у них место для минутного расслабона. Вот пусть и расслабляются. Интенсивность движения и правда была невысока – за час в обе стороны прошло три десятка машин. С учетом того, что поодиночке они почти не ходили, то интервал между прохождением иногда достигал пяти минут. Да, похоже, тут вам не там, при удаче можно и поохотиться. Но пока мне нужны данные о том, кто здесь больше всего катается, то есть под кого маскироваться будем. Но для этого придется подобраться поближе, где мне маскировочная сетка и пригодится.

К дороге удалось подобраться метров на десять, ближе не рискнул – ну его, и отсюда все прекрасно видно. Несколько прошедших машин несли на себе тактические знаки в виде трехлучевой звезды. Кто же это у нас такие? Что-то очень знакомое. Ба, да это же четвертая танковая! Не то чтобы сильно странно, ибо Быстроногий Гейнц здесь и наступает, но никак не рассчитывал, что снабжение одной из основных дивизий второй танковой группы пройдет по нашей глуши. Очень интересно, но для меня не слишком здорово. Под панцергренадеров, а тем более под танкистов, замаскироваться тяжеловато будет. Единственный вариант – форму саперов использовать, но тогда машину нужно перекрашивать – ищут-то именно саперов на данном «Круппе». Надо думать. Что-то я последнее время только и делаю, что думаю. Надо подумать, как сделать так, чтобы меньше думать. Ну вот, опять к начштабу все сводится.

Обратно вернулся только к обеду и затребовал у старшины раскладку по вооружению. Негусто. Четверо у нас совсем без оружия, невзирая на то, что второй ДП встал на службу. Патронов и гранат – тоже кошкины слезки. С саперов взяли только четыре винтовки, автомат и пулемет, хоть этот нормальный – «тридцать четвертый». Патронов, правда, было много, больше четырех сотен, но здесь сыграли свою роль четыре магазина к автомату и двухсотпатронная лента на «Страдивари». Поэты, блин, хотя «MG-34» и правда хороший инструмент. А вот гранаты в этот раз унесла розовая птица обломинго, все до одной, ни черта не оставила. Ведь саперы же, им сам фюрер велел иметь при себе тонну взрывчатки и коробку взрывателей. Стоп, а вот это мысль. Где они квартируют, я знаю, большое такое село Замошье, что сразу за ленинградской железкой. Стремное, конечно, место, но то, что там нас не ждут, это факт. Конечно, могут ждать еще кого, но не нас – это точно. Надо на разведку смотаться, авось что и выгорит. Заодно надо посмотреть, что немцы с железкой делают – на свою колею шьют или советским подвижным составом решили обойтись. Второй вариант при достаточном количестве паровозов и вагонов для них предпочтительнее, тем более что станции перевалки грузов авиации Красной Армии недоступны. Не то чтобы совсем, но вероятность такого события крайне мала. Железка крайне интересна в смысле организации на ней диверсионных мероприятий, но требует серьезного инженерного подхода. Как уже упоминалось, легкий подход, то есть взрывные мероприятия, нам недоступен, будем надеяться – только пока. На самом деле остается еще много возможностей, главные из которых это атаки на подвижной состав, паровозные котлы – хорошая мишень даже для одиночного стрелка, и нарушение целостности рельсового пути на перегонах. Инженерные сооружения, будем считать, нам пока не по зубам, хотя и здесь существуют варианты.

Еще нужна связь с подпольем, очень нужна. Выжить на подножном корму, в том числе и трофейном вооружении и технике, мы, может, и выживем, даже скорее всего, но вот пользы принесем с гулькин хрен – все усилия пойдут именно на выживание. Нужны выходы на ресурсы, как заныканные здесь, не верю, что мероприятий на этот счет советское руковод-

ство не проводило, так и неплохо бы присосаться к поставкам из-за линии фронта, уж эти должны быть обязательно. Если бы при этом удалось сохранить максимальную самостоятельность, было бы вообще хорошо, потому как руководить партизанским движением поставят либо военных, либо партийцев. Ни те ни другие в этом деле ни ухом, ни рылом. НКВД ничуть не предпочтительнее, эти хоть и брать штурмом Полоцк не отправят, но задолбают поисками врагов народа. Дурацких или просто невыполнимых приказов от них тоже можно дожидаться, только если при невыполнении таких команд от военных и партийцев можно и отболтаться, то от внутряков хрен, шансов погибнуть от немецкой пули тогда значительно меньше, чем от своей. Причем именно хоть стреляйся. Куда ни кинь – всюду клин. Не Сцилла, так Харибда. Ладно, об этом пока думать рано, буду решать проблемы по мере поступления.

Кстати, одна из проблем, а именно относительно приемлемое размещение личного состава, успешно решена – все три землянки готовы и замаскированы. С лежаками, правда, проблема – досок нет, а из бревен их делать не будешь, так что спать будем пока продолжать на лапнике. Мое предложение использовать тонкие стволы подлеска старшина отмел как неконструктивное, а предложил запустить лесопилку. Флаг ему в руки. Так и сказал. Он, что интересно, не обиделся, вот неугомонный человек. Сейчас руководит строительством землянки под кухню, сразу с печью, имеющей какой-то хитрый дымоотвод, позволяющей той работать чуть ли не круглосуточно, без опасности обнаружения. Поглядим, что получится. Кожух к «максиму» тоже уже запаляли, а вот станок будет только дня через два-три. Выяснился и вопрос с совхозным животноводством, оказывается, коров и свиней селяне отогнали в лес, где и держали пока, ожидая, чем все закончится. От дотошных немцев можно было и ревизионной комиссии дожидаться, вот для нее и оставили по домам минимум скота. Будем надеяться, к их и нашей пользе все срастется. Справку о конфискации Глухов получил. Для Германа протокол собрания и клязу в НКВД тоже сделали, но надо архив комсомольский потрясти – что-то уничтожить, что-то и оставить, а иначе эти две бумажки будут смотреться бледно. Прямо сегодня вечером и займусь, хотя на первый взгляд ничего серьезного немцы из него не почерпнут, только время потеряют. Да, еще получил указание завтра сдать одежду в прачечную, причем всю, включая нижнее белье. Мне что, голым задом сверкать? Непорядок, подрыв командирского авторитета. Оказалось, не все так плохо – взявшее над нами шефство Залесье снабдило толикой гражданской одежды. Правда, в основном из конфискованного у предателя добра. Добра у того было немало, старшина весь кузов забил, даже машинка швейная была – настоящий подольский «Зингер», а не какая-нибудь немецкая подделка. Я всегда знал, что экспроприация, а по-простому грабеж, значительно повышает ресурсную базу. Ни одно хорошее дело без нее не обходится. Нашу продуктовую безопасность это подворье тоже здорово поправило. Противно, конечно, но нам для дела. Но все равно противно.

С утра для поездки в деревню мне пытались оседлать лошадь. Посмотрел я на это чудо животностроения и понял – нафиг-нафиг. Но бензин надо экономить, на все наши три мотора осталось не более пятидесяти литров, а движки у военной техники уж больно прожорливые. Взял Жорку с двумя бойцами и пулеметом и отправился пехом. Форму отгладили насырую страшным огнедышащим монстром, питающимся углями, потому было зябковато. Скоро август, а у нас еще слон не валялся, надо сани готовить, пока лето не кончилось. На лесопилке работа уже кипела, в смысле пилить еще ничего не пилили, но котел локомотива попыхивал парком. Без местных запустить лесопилку было проблематично – хозяйственные мужики в рамках проекта «кукиш врагу» снимали какие-то ремни и клапаны. Это хорошо – доски не только на нары, и обшивку стен и полов в землянках сгодятся, корпуса для мин тоже нужны, но об этом рано – засовывать в эти корпуса пока нечего.

В деревню заходили открыто – в фельдграу мы или погулять вышли? Герман был дома, ждал моего прихода.

– Хайль, командир.

– И тебе не болеть, господин потенциальный враг народа.

Ну вот, обиделся. Зря. То ли еще будет. Что же я так хороших людей подставляю? Сначала Кузьма, теперь вот Гера. Ну, не мы такие, жизнь такая.

– Не обижайся, не так называть еще будут, привыкай. И спину береги – обидно, если свои в нее свинцовый желудь загонят.

– А может, не стоит, товарищ командир. Может, я к вам с оружием в руках...

– А вот хрен. Хочешь, чтобы сюда какую сволочь прислали, которая тут хозяйничать будет? А раз нет, то сам сволочь будешь изображать и под немца прогибаться тоже будешь. Держи свой архив и собирайся. Не забудь там намекнуть, что в селе есть еще верные люди, готовые послужить Рейху.

– Мне же мужики нос набок свернут.

– Учись бегать, всегда пригодится. Езжай, а с мужиками я сам поговорю, пусть на меня катят бочку. У меня видишь, какие мордovorоты – в обиду не дадут.

– Тут дело еще такое... Извините, что сразу не сказали, но сначала непонятно все было, а потом как-то завертелось...

– А ближе к теме можно?

– Ну, да... В общем, мы тут кое-что в лесу спрятали, то, что от наших осталось. Сражений тут почти не было, но бомбили фашисты отступающих здорово. Ну и танковый бой тут был тоже. Вот мы, что могли, подобрали...

– Почти все понятно, а конкретнее.

– Пушку нашли, только она без одного колеса, то есть колесо есть, но оторвано, ну и затвор с нее сняли и прицел.

– Здорово. Пушка без колеса, замка и прицела. Наверно, и без снарядов? Что за пушка-то хоть, большая?

– Да, снарядов при ней не было, а пушка маленькая, Корней Борисович, кузнец наш, сказал сорокапятка, но колесо он пообещал починить. Затвор к ней тоже есть, и не один. Я ж говорил, что тут бой был танковый. Так после боя немцы свои танки подбитые утащили, а наши бросили. Два, правда, совсем сгорели, ну внутри все выгорело, и снаряды повзрывались, а один просто подбит. Танкисты из него пулемет только забрали. Мы же снаряды вытащили – сорок две штуки, три диска к пулемету, но не такие, как у пехотных, зато с патронами и затвор. Со сгоревших тоже затворы и пулеметы сняли. Корней Борисович сказал, что затворы нормальные, а из пулеметов хорошо, если один собрать получится. Винтовки еще есть, автоматические, девять штук. Красноармейцы, что мимо шли, говорили, плохие они, трехлинейка лучше. Мы эти винтовки вдоль дороги насобирали. Мины еще минометные, маленькие, вот только миномета нет, а мин четыре ящика, их в разбитой полуторке бросили. А из трех полуторок Борисыч обещал одну точно сделать, только ему помощь нужна.

– Все?

– Пока вроде все. Тут недалеко еще одно место есть, где бой был, но там немцы засели, хотя сейчас, может, их и нет уже. Димка туда со своими «тимуровцами» шастал.

– И как найти этого Димку?

– А чего его искать, небось на улице уже ошивается.

– Зови.

Обратно в избу Герман вернулся буквально через минуту в сопровождении невысокого парнишки цыганистого вида. На первый взгляд было тому лет десять, но, приглядевшись, понял, что ошибся минимум года на три.

– Зови меня товарищ Леший, – вот и псевдоним себе придумал с ходу.

– Дмитрий, – представился паренек и пожал протянутую руку. Ничего так пожал, крепкий пацан.

– А расскажи-ка мне, Дмитрий, что интересного кругом творится, и не забудь о том, как ты с дружками шастал, по словам товарища Германа, по местам боев. Ну и чего надыбали?

– Ничего мы не нашли, – начал с самого главного Димка.

Именно такого ответа я от него и ждал. Поборемся.

– Слушай сюда, товарищ Дмитрий, – ага, зацепил я его на «товарища», ишь, аж грудь колесом. – Если ты еще в игрушки не наигрался, то можешь идти дальше играть. Когда повзрослеешь, придешь.

Я с равнодушным видом отвернулся от мальчишки.

– Что же ты, товарищ Герман, я ведь просил свести с серьезными людьми, а ты... Эх, знаешь ведь, насколько тяжелое у нас положение с ближней разведкой и с оружием, а особенно с боеприпасами. А ты? Кто говорил: нормальные парни, положиться на них можно? Видно, плохо ты еще в людях разбираешься, если не понимаешь, за кого стоит ручаться, а за кого – нет.

Лицо паренька хорошо было видно в зеркало, что висело буквально в метре. Все, спекся, сейчас разрыдается. Не перестарался ли? Нет, в самую точку.

– Товарищ Леший, мы ведь и вправду ничего особенного не нашли. Там, где бой был, – немцы. Сразу стреляют. Илью чуть не убили. Только то и подобрали, что наши бросили, когда оттуда отступали, честное пионерское.

– Вот это уже мужской разговор. Что сможете передать отряду?

– Восемь винтовок – две «СВТ» и шесть магазинов, девяносто патронов и пять гранат. Больше ничего нет, честное пионерское. А вы нас в отряд возьмете? Мы одну тайну знаем.

– В отряд я вас не возьму. Губы не надувай! Для вас будет такая работа, которую вы сможете сделать лучше, чем мои бойцы. Разведка, это то, без чего не может существовать ни одна армия. Ты и твои «тимуровцы» для этой службы подходите идеально. Но учти – пока вы ничего не умеете. Сначала будете учиться, и учеба эта будет тяжелой, зато враг потом сильно пожалеет, что с нами связался. Поэтому слушай приказ: ни у одного из вас не должно быть при себе никакого оружия. Понял?

– Но как же так, товарищ Леший, а если враг за нами погонится, мы же должны отстреливаться.

– Во-первых, если враг погонится, нужно быстро убежать, а оружие вам будет только мешать, ну а во-вторых, нужно учиться вести себя так, чтобы враг даже не допустил мысли, что вы – разведчики. Вот, скажем, – ты в разведке, наблюдаешь за вражеской частью, мимо проходит немец и пинает тебя пониже спины. Что будешь делать?

– Да я ему...

– Ты должен заплакать и убежать, желательно, так неуклюже, чтобы этого немца смех разобрал. Вот тогда он ни за что тебя не заподозрит. А убьешь ты его потом, когда приказ на это получишь. И убивать его будешь не лицом к лицу, чтобы он перед смертью понял, кого он вчера обидел, а в спину, дабы не оставить ему ни одного шанса смерти избежать. Понял? Вижу, что нет. Будешь учиться – поймешь и выживешь, не будешь – умрешь под гогот врагов, доставив им своей смертью удовольствие. Подумай об этом. А теперь – что у тебя там за тайна?

– Я знаю, куда немцы свозят оружие, которое собирают.

– Оба-на, а вот с этого места поподробнее.

– За Козьими Горками двор МТС, технику оттуда всю эвакуировали, а здание конторы и три больших сарая, ну где всякие запчасти были, остались. Двор там мощеный и частью под навесами. Вот туда они все и стаскивают.

– Охрана большая?

– Точно не знаю, но завтра...

– Стоп. Ни шагу туда, даже близко чтобы не подходили. Да не обижайся ты, я вам доверяю, но если немцы заметят оживление, получим мы от дохлого осла уши.

Достаю карту и раскладываю на столе. Ага, а вот и Козьи Горки. Недалеко. Километров двенадцать, это если по прямой.

– Это МТС? – указываю на карте. Оба собеседника кивают в унисон.

Что мы имеем? К МТС подходят две дороги, одна идет на юг через село и выходит на трассу, а вторая – на север через болота к селу с названием Большие Жарцы. На карте даже церковь и какие-то длинные строения. Интересно, церковь действующая?

– Это что за бараки?

– Консервный завод, – Герман отвечает вроде спокойно, но голос слегка подрагивает. Вот, и этого на подвиги потянуло. Обойдешься.

– Так, Дмитрий, пехом туда часа три хода? Если сторожко?

– Да не менее, – моего нового разведчика пробивает на великовозрастную медлительность в разговоре. Цену набивает. Пусть считает, что сумел набить, поощрим.

– За три часа до заката, вот тут, на опушке, встретишь моих разведчиков и проведешь самими заповедными тропками, чтобы ни одна мышь немцам не нашептала.

Специально не переспрашиваю, понял ли, а тот важно кивает головой.

– Дома скажешь, что задание важное, но не опасное, не вздумай перед родителями хвост распушать, да и перед друзьями тоже. Если все скажешь как надо – тебя отпустят. Если не отпустят, мне такой разведчик не нужен, коли не может уговорить близких людей. Да, и не вздумай от них скрыть, что у тебя задание, просто не уточняй какое – тайна. Тот, кто своих обманывает, мне тоже не нужен – ненадежный человек. А теперь беги готовиться – учти, скрываться на виду у врага придется не менее суток, вот и подумай, что взять, это тебе еще один экзамен. Возьмешь много, не сможешь нормально передвигаться, возьмешь мало – оголодаешь, замерзнешь и заболеешь. Большой боец – это не просто минус один воин, за ним еще и уход требуется, а значит, он ослабляет отряд еще больше. Свободен.

Фу, убежал вроде довольный.

– Как вы, товарищ командир, с ним. Это ж чистая бестия, мать с ним сладу не имеет, только отцовского ремня боялся, а как того мобилизовали, совсем от рук отбил.

Гиперактивный пацан, тяжело с ним будет. Ну да ничего, на старшину свалю – тот хоть и кричит, но пока тащит. Дисциплину в малолеток надо вбить, иначе погибнут ни за грош. Даже если их оттолкнуть, все равно погибнут, при этом как бы не быстрее, чем если принять.

Дальше пошли дела хозяйственные, а именно, Степан собрал хозактив, причем не только местный, но и соседей пригласил из четырех рядом стоящих деревень. Разговор зашел об урожае. Рожь и ячмень, которых в общем-то было немного, практически собрали, а значит, нужно готовить справку – типа бабайка унес. Хозяйственные соседи тоже не прочь были приобрести подобные справочки за долю малую. За совсем малую у них, конечно, не вышло, но думаю, что мое умение торговаться впечатление на мужиков не произвело. Это ничего, коготок увяз – всей птичке пропасть. Куда они теперь с подводной лодки денутся? Скоро картошечка пойдет, основная местная культура, вот тогда и поговорим серьезно, а пока пусть радуются. Попросил сдавать в отряд вооружение и прочую военную амуницию. Покивали согласно головой, но, похоже, фигу в кармане сложили, а ведь им еще хранилища в лесу рыть. Затем посетил местного кузнеца. Мужчина основательный. Поинтересовался у него насчет изготовления пружин, мысль интересная в голове болталась. Корней Борисович заявил, что дело не хитрое из проволоки стальной навить да закалить, только проволоки той нема, а тянуть ее, конечно, можно, но канительно, сам рассмеявшись получившемуся каламбуру. Посмотрел на почти готовый трехногий станок под пулемет. Ничего так, впечатляет, как с завода. Пушкой и пулеметами он пока заниматься не начал, ну и я не стал наседать, чай, у человека своих дел хватает. Пошлет сгоряча, потом самому на попятную идти неудобно будет, так и с ерунды дело не сделается. Курочка по зернышку клюет, а я за сегодня хорошо наклевал. Последней добычей на сегодня

для меня были две банки краски, белой и черной, и несколько плакатов из плотной бумаги – под трафареты в самый раз.

Глава 7

– Докладывай.

Сержант Байстрюк развернул на столе лист бумаги с набросанным от руки планом.

– Двор МТС представляет собой частично мощенную площадку со сторонами в сто двадцать на сто восемьдесят метров, примерно. Периметр огражден забором из простого штакетника, с севера калитка, запертая на висячий замок. С южной стороны въезд, перекрытый деревянными распашными воротами, достаточными для проезда техники. Ворота охраняются парным постом с пулеметом. Пулемет «максим» стоит открыто – ни окопа, ни бруствера из мешков. Внутри четыре строения. Малое – это бывшая контора – находится около въезда, три крупных в восточной части ранее, вероятно, служили складами для горюче-смазочных материалов, запчастей и прочих ценностей. Также есть шесть длинных навесов – бывшая стоянка техники. Охрана, как я уже говорил, состоит из парного поста у ворот и сменяемого раз в два часа. В ночное время внутри периметра каждые полчаса, хоть часы сверяй, проходит парный патруль с электрофонарями. Есть также стационарное освещение, запитанное от генератора, но немцы включают его редко и ненадолго, после заката заваливаются спать. Кроме охраны, естественно. Уличное освещение состоит из шести электролампочек, также подключены контора и один из сараев. В этом сарае у них, похоже, мастерская, причем даже со станками.

– С чего взял?

– Немцы включают генератор, из сарая шум работы механизмов слышен. Когда полчаса, когда час. Потом в сарае все стихает, и генератор тоже прекращает молотить.

– И насколько же близко ты туда подбирался? Только не ври.

– Метров на тридцать. Только опасности никакой. Это место ниоткуда не просматривается.

– Ладно, продолжай.

– Немцев на объекте ровно тринадцать штук. Восемь охранников, четыре ремонтника и какой-то важный унтер, наверно, начальник. Еще есть четверо наших пленных, их в основном на погрузке используют. Интересный момент – питание у них не местное. Три раза в день приходит машина с термосами, прямо как к тем саперам. Немцы сначала сами едят, потом двое часовых меняют, те уже вдвоем трапезничают, а объедки уже нашим бросают. Машина приходит с севера, вероятно из Больших Жариц. В селе немцы консервный цех восстанавливают, их там до взвода и кухня.

– А это как узнал?

– Димка бегал в церковь свечку поставить за папкино здравие, ну и с местными поболтал. Клянется, что к немцам даже не приближался. Командир, надо бы проверить, откуда к фрицам может помощь быстро подойти и какими силами.

– Согласен, прав. Дальше.

– Машины приходят по одной. В каждой от двух до четырех человек, кроме продуктовой, в ней всегда один водитель, по крайней мере при нас больше не было.

– Что есть на складе и как много?

– Вот это трудно сказать. Что в сараях, вообще не ясно. Под навесами в основном ящики и мешки. Под одним винтовки сложены навалом, под другим сорокапятки стоят, две штуки и вроде миномет. Один навес, рядом с сараями фрицы используют под открытую мастерскую – в сараях без освещения темно, потому они в основном там что-то делают. Под тем же навесом столовая.

– Есть план, как это экспроприировать будем?

– Даже много, но основных два. Первый – тихонько ночью всех порезать.

– Как думаешь, почему мы на мосту никого не резали?

– Так мало нас было.

– Нас было трое против двоих, но только Кузьма мог тихо подойти, а сейчас у нас даже Кузьмы нет. И плана здания у нас нет. Можем найти того, кто там бывал, но и он не скажет, где сколько немцев, кто спит, а кто совсем даже наоборот. Если бы их было с пяток, то еще куда ни шло, но чертова дюжина... Как бы это число для нас не стало несчастливым. Какой второй план?

– Второй тоже простой. Приезжаем днем на машине парой отделений, ты командир, машешь у них перед носом бумажками, типа забрать что-то должен, и кладем их всех.

– Где кладем, из чего кладем, как кладем? Они чего, все на улицу вылезают, когда машина приходит?

– Не все, но двое часовых сразу под раздачу попадут, их можно прямо из кузова положить, начальник склада выйдет – еще минус один, и четверо ремонтников. Значит, останется всего пятеро. Этих быстро покроем.

– Поваром бы тебе быть – окрошку делал бы мастерски. Если немцы еще на посту не прочухают, а чего это толпа такая привалила, то, может, пропустят. Ну хорошо, положим, покрошили, а дальше? С подмогой из Жариц воевать? Нам не бой нужен, а конкретное ограбление, мокруха только по причине, что за так не отдадут. Нам нужно несколько спокойных часов для вывоза хабара. По объему сколько там?

– Без сараев, машин на восемь-десять.

– Блин, столько ходок мы не сделаем – наглости не хватит. Надо с местными насчет гужевого транспорта говорить. А нужно его будет до хрена, лошадка по бездорожью много не утянет. А что ты говорил насчет продуктовой машины?

– Хотите ее тоже прибрать? Можно вполне, но как бы немцы в Жарицах не спохватились.

– Да, тоже верно, но они и так при стрельбе спохватятся.

– Ну, это как стрелять.

– Так, чего опять в рукаве спрятал?

– Дело в том, что ремонтники время от времени оружие проверяют. Выйдут за ворота и давай палить. Если из винтовок, то терпимо, а могут и пулемет проверять, так что и в Жарицах, и в Горках небось привыкли.

– Дам я тебе когда-нибудь по шее, да так, что руку отобью. Значит, половина проблемы решена – надо сделать так, чтобы перестрелка была короткой, а лучше вообще ее не допустить. Привычка привычкой, но залповая стрельба от проверочной сильно отличается. Теперь бы придумать, как фуражирную машину прибрать.

– А может, ну ее.

– Да не от жадности я, ее просто нельзя будет выпустить, иначе весь план идет насмарку.

– Так, может, ей колесо прострелить, шофер позвонит, скажет, что задержится. Если подгадать под ужин, то вся ночь свободная.

– Так у них что, связь есть?

– Точно не знаю, но столбы с проводами в Жарцы идут. Да и Димка сказал, что телефон вроде работает.

– Из тебя информацию надо клещами тянуть? Опять думать надо. То, что шофер может позвонить, это хорошо, а вот то, что со складом могут в любой момент связаться, это плохо.

– Так повалим потом столб, на ночь глядя восстанавливать не будут.

– Слишком много случайностей, но мысль здравая, надо только творчески доработать. Значит, так – готовишь пять групп. Первая – четыре стрелка, хороших, вторая – два пулеметчика с ДП, можно без вторых номеров, третья и четвертая по пять бойцов, одной придашь «максим», другой – два трофейных пулемета. Пятую возглавишь сам, подбери трех бойцов с немецкими мордами, и пусть зубрят десяток ходовых фраз на вражеской мове, проверю. Мухой выполнять! Да, старшину ко мне.

Старшина будет ругаться – опять свалю на него все хозработы, а самому мне в путь-дорогу за тачанками, хоть бы десятка два найти.

* * *

«БМВ» без коляски довольно резв, хотя грунтовку держит гораздо хуже трехколесного цундаппа, особенно такую, раздолбанную сельхозтехникой. Поворот к МТС вообще аховый – колеса чуть ли в колее не скрываются, во время дождя сушее болото будет, как будто природных в округе мало. До ворот метров сто пятьдесят осталось. Очень хотелось повертеть головой – попробовать засечь лежки. Не стал. Все равно не увижу, а немцы могут и заволноваться. Ребятам небось не сладко, с ночи еще лежат, задеревенели, наверно. Все, парни, готовьтесь, недолго осталось. Пулеметчикам проще, они на позицию всего час назад выбрались, траектория их движения со двора просматривалась плохо, потому они мучений избежали. Вот и пост. Часовые ничуть не взволновались, с чего бы – приехал одинокий унтер на мотоцикле, значит, дела у него.

– Часовой, начальство складское на месте?

– Так точно, господин унтер-офицер, господин фельдфебель ужинает, за воротами направо, там увидите. Проедете?

– Нет, я быстро, мотоцикл здесь оставлю.

Все точно, как на Жоркиной схеме. Вот и навес, под которым едят немцы. Раз, два... точно, все одиннадцать. Продуктовый грузовик стоит от навеса метрах в двадцати, водитель сидит на подножке и тоже что-то жует. Ну, приятного всем аппетита. Фельдфебель увидел меня и стал приподниматься из-за стола. А вот этого нам не надо. Поправляю пилотку и тут же слышу одиночный выстрел. Это пока в небо, просто наблюдатель сигнал подал. Сразу же раздаются еще два громких выстрела. Громкие они, во-первых, потому что ближе, а во-вторых, их на самом деле четыре, просто выстрелы первых и вторых номеров стрелковых пар сливаются – не зря полдня отработывали. Немцы еще ничего не поняли, привыкли, что со стороны ворот часто стреляют. Охрана считает, что это дело рук ремонтников, не подумав сразу, что те сидят рядом с ними за столом. Ремонтники небось тоже удивлены – кто это там стреляет, когда они все здесь? Часовые скорее всего уже ничего не думают, тем более что больше выстрелов с той стороны не слышно. Да и вряд ли услышишь, потому как все забивает грохот пулеметной очереди, огненной струей перечеркнувшей жизни сидящих за столом. Этакий терминатор, отделяющий в данный момент живых от мертвых, хотя скорее наоборот – мертвых от живых. Сто метров – жалкая дистанция для пулемета, даже для ручного. Тонкие перекладыны штaketника – еще более жалкая защита. Пули буквально разметали их в щепки и, ни на йоту не утратив своей смертоносности, вонзились в спины сидящих за столом солдат. Энергия винтовочной пули такова, что преграда из мяса и костей также не является для нее критической, поэтому, повалив первый ряд человеческих кеглей, посланники смерти легко пронзили тела и ударили по второму ряду, где жертвы встретили их лицом. Здесь поверхность стола уже не являлась препятствием, а потому второй ряд фигур был брошен неумолимой рукой на землю. Сил в этой руке было еще очень много, а потому и разброс был широкий. Что знаменательно, и это препятствие не оказалось непреодолимым для убийственных частиц металла, и те еще ударили в стену рядом стоящего сарая и скрылись за ней. Дальнейшая их судьба была уже неинтересна – мавр сделал свое дело, мавр имеет полное право отдохнуть...

За работой смертельной косы я наблюдал уже лежа на земле, рикошеты, знаете ли, еще никто не отменял. Пулеметчик даже не стал использовать всю емкость диска. Навскидку очередь была патронов на двадцать – двадцать пять, но и этого хватило, чтобы закончить смертельный кегельбан одним ударом. Нет, убиты были не все, довольно значительное количество разбросанных по столу и земле людей еще подавали признаки жизни, но для подавляющего

большинства это была агония. Только один из попавших под огонь солдат сидел на земле, обхватив здоровой рукой плечо второй, а из-под пальцев сочилась красная струйка крови. Когда я встретился глазами с его взглядом, то меня впечатлила та тоска и то удивление, которое я увидел в нем. Похоже, он не только ни разу до этого не получал ранений, но и не попадал под огонь, привык к тыловой жизни и к тому, что опасность всегда где-то там, далеко. Ну что же, все бывает в первый раз, а для тебя, похоже, и в последний.

– Сюда. Быстро. Бегом.

Пусть побудет рядом пока, добить всегда успею. А как там поживает водитель? Да, этот тоже спекся. Хотя в него никто не стрелял, но вид у него был... и краше в гроб кладут: глаза, как у совы, рот раскрыт, а из него выпадают какие-то непрожеванные куски. Внутрь не полезло, и похоже, что пролезло раньше, сейчас задний ход даст. Точно. Это ж он мне сейчас всю машину заблюет. А что наши, которые пленные? Реакция похожа, но не совсем – трое также в шоке, а один очень даже и нет, подобрал какую-то железяку и тишком так направляется в мою сторону. Это ты, парень, погорячился. Вытаскиваю из кобуры пистолет и делаю стволом знак «ни-ни», покачав им из стороны в сторону. Понял, железячку бросил, а сам присел на корточки, но взгляд злой, спиной к нему поворачиваться не стоит.

Подранок еле плетется, тоже мне: быстро и бегом. Блеветника тоже надо в чувство приводить, нужен он мне еще, главное, чтобы писать со страху не разучился. Придется вставать и отвешивать оплеухи.

– Встать! Смирно! перевязочные средства есть? Срочно окажи гефрайтеру первую помощь.

Смотри-ка, подействовало, полез в кабину. А что там наши? Быстро и неуклонно перемещаются к дыре в заборе, даже металлист бросил гнилую затею и улепетывает впереди всех. Молодец, два раза подряд быстрее всех сориентировался, толк будет. Пускай пока побегают, их там пулеметчики перехватят. А вот и водила вылезает обратно, бинт – это хорошо, а вот винтовка тебе не нужна, дай поддержку. Отдал без вопросов, хорошо в дойчей субординация вбита. Давай, давай перевязывай, видишь, человеку взбледнулось, до чего нехорошо. А со стороны дыры уже шестеро возвращаются, причем впереди, вместе с одним из пулеметчиков, опять тот же парень, и опять с железкой, правда, на этот раз с другой – длинней и толще. Вот ведь настырный. Махнул своим рукой, хорошо, оба немца друг другом заняты и по сторонам не смотрят. Мои парни потащили бывших пленников в сторону. Настырный пытался упираться, но ему что-то шепнули на ухо, и он на глазах обмяк. Расслабуха – это отсроченный шок, понял парень, что все закончилось, и из него как будто скелет вытащили, а до этого держался просто отлично, толк точно будет. А вот и с тыла пополнение прибыло – ну чисто кикиморы, мохнатые, лохматые и морды зеленые. Не видел бы раньше, точно испугался. А вот и водила их заметил, мне только желтой крови не хватало.

– Продолжай перевязку, для тебя война закончилась.

Теперь главное, чтобы немец не перепугался до полного обалдения, иначе толку от него никакого. Если станет считать, что есть шанс выжить, то и глупости делать не будет. Другой вариант – запугать его до смерти, тогда тоже можно будет веревки вить, но первый план предпочтительнее.

– Старшина, – один из кикимор отделился от группы и отправился в мою сторону. – Бойца на мотоцикл и за транспортом. Второго в лес к телегам. Проверить наличие связи и привести в негодность. И начинай здесь шерстить. Время! Цигель!

Теперь водилу за шиворот и тащим вот к тому свободному верстаку.

– Отвечать. Быстро. Должность, имя, фамилия.

– Крафтфарер, Карл Зигель.

– Кто старший офицер в Больших Жарицах?

– Лейтенант Вебер.

- Непосредственный начальник?
 - Унтер-офицер Келер.
 - Что ты должен сделать, если здесь испортится автомобиль?
 - Позвонить по телефону и сообщить унтер-офицеру Келеру.
 - А если нет связи?
- Вошел в ступор. Ну да, как может не быть связи там, где она есть?
- Если связь нарушена, твои действия.
 - Доложить фельдфебелю Коху.
 - Его действия?
 - Отправит посыльного.
 - Пешком?
 - Если нет транспорта, да.
 - Такие случаи уже были?
 - Нет.

– Старшина, найди испорченный складской бланк или что-то вроде этого, посмотри в кабинете у фельдфебеля. Посмотри, чем он заполнял бланки, и тащи сюда.

Через пару минут я был обладателем смятого листка, заполненного с одной стороны типографским текстом на немецком, часть надписей была выполнена авторучкой, но лист был перечеркнут наискось карандашом. Старшина держал в руке еще пачку бумаг, авторучку и несколько карандашей разных цветов.

– Тут у них по-разному, – старшина показал бланки. – Где чернила, где карандаш. В основном либо синий, либо красный.

Переворачиваю испорченную ведомость чистой стороной вверх и кладу на верстак, сую Зигелю синий карандаш.

– Пиши. Господин унтер-офицер, попал в аварию, врезался в столб, повредил радиатор и телефонные провода, чиню автомобиль. Крафтфарер Карл Зигель. Давай сюда.

Так, вроде все правильно. До заката еще полчаса, до темноты не меньше часа. Успеваю.

– Старшина, этого под охрану ко второму. Я встречать транспорт. Действуем по плану, пока все идет тип-топ.

Когда дошел до развилки, понял, что в план вклялись изменения. Вместо одного грузовика ко мне подъехали два.

– Сержант Байстрюк, доклад.

– Товарищ командир, как вы и приказали, расположились на обочине, изобразив поломку. Вдруг подъезжает это чудо, – он показал на брата-близнеца нашего «Круппа». – И оттуда выбираются два фрица и о чем-то нас спрашивают. Я думаю, хотели помочь. Ну, мы им быстро в табло, скрутили и в кузов. А тут и Егоршин подъехал. Вот мы здесь.

– Быстро старшего машины.

– Есть.

Немец был здорово помят и испуган.

– Звание, имя, должность.

– Обергефрайтер Фриц Кальб.

– Цель поездки.

– Доставка груза на консервный завод.

– Какой груз?

– Соль, жечь, топливо.

– Сержант, что в кузове?

– Мешки, похоже с солью, две огромные шпули из металла и бочки с бензином.

– Хорошо, этого обратно, и в темпе вальса на склад. Егоршин, слась с самоката.

До Больших Жариц километра три, это нам раз плюнуть.

На въезде в село поста не было, пришлось прошвырнуться до завода. Не назвал бы это заводом, конечно, не знаю, что внутри, но снаружи эти два обшарпанных барака впечатления не производят. Здесь наконец-то был пост.

– Часовой, вызови разводящего.

– Сейчас, господин унтер-офицер.

Через пару минут тот уже был на месте.

– Гефрайтер Кольбе.

– Унтер-офицер Зелински, фельдфебель Кох просил передать вот эту записку унтер-офицеру Келеру. Есть у вас такой?

– Так точно, господин унтер-офицер.

– Отлично. Еще фельдфебель просил передать от себя, чтобы Зигель сдох на чистке сортира.

– Извините, если не секрет, что он опять натворил?

– Сшиб телеграфный столб, да так удачно, что я еле проехал. Там еще один грузовик стоит, и обергефрайтер склоняет вашего Зигеля по матушке. Похоже, они все заночуют на болоте.

– Если это Кальб, то Зигелю не придется ночевать, тот его просто утопит в этом болоте.

– Ну, это уже проблемы комаров и пиявок. Счастливо оставаться, мне надо до темноты попасть в Смоляги, и так пришлось петлю делать.

– Успеете, господин унтер-офицер, здесь километров пять, но дорога на удивление приличная.

Дорога была и вправду приличная, только проехал я по ней не больше километра, а дальше пришлось опять сворачивать на гать. Тут не разгонишься, мигом в гости к кровососущим червякам отправишься. Темнеет быстро, а фару включать пока рано, как бы от Жариц не заметили. Через пять минут все равно пришлось прибегнуть к искусственному освещению, но тут дорога пошла вообще по низине, даже лужи стали встречаться.

Все, вроде выбрался, вон уже и МТС, и первая груженная машина пошла к лесу. Похоже, все по плану. Трижды нажал кнопку сигнала, а то еще пальнут сослепу, и вкатился в ворота.

– Байстрюк, где старшина?

– Хабар перетряхивает, товарищ командир. Счастлив, как кот, нашедший крынку сметаны. Думает, как все утащить, только, боюсь, не справимся мы. Телег только тридцать штук. Может, попробовать две ходки машинами по дороге сделать?

– Стремно. Не ездят немцы по ночам, нарваться можем. Новую тактику на машины нанесли?

– На продуктовую уже, и номера переписали, она сейчас под загрузкой, жаль, что только двухосная – берет мало, а на последнюю вон Полищук рисует. Старшина сказал, что разгружать ее не будем, двумя справимся, больно мороки много. Догрузим к утру, и все.

Тут уж Кошка пусть сам разбирается, я не логистик. То, что разгружать третью машину не стали, может, и правильно – наемся еще за ночь. А вот и старшина, глаза и правда блестят в темноте, чисто тотемный предок вселился.

– Как наше ничего?

– Даже не знаю, что сказать. И хорошо и плохо. С чего начать?

– С хорошего, конечно.

– Хорошее следующее – есть несколько пулеметов, очень много винтовок, минометы, противотанковые пушки, гранаты, даже взрывчатка...

– Продолжайте, старшина, что в этом плохого?

– Почти нет патронов, минометы без прицелов и почти без мин, пушки без прицелов и замков, естественно, снарядов мизер, к гранатам нет запалов, а к взрывчатке – взрывателей.

– Весело. Что, совсем плохо?

– Не совсем, но придется выкручиваться. Сорокапятки и пятидесятимиллиметровые минометы снабдим из Германовых находок. Пара «максимов» без лент не останутся. Есть четыре ДТ, те тоже вполне подойдут, только сошки какие-то под них надо сделать. Даже ДШК есть, но на четыре ленты только тридцать патронов, даже не представляю, где под него припас брать. А бросать такую вещь... Вот часть винтовок придется бросить, их тут, если я правильно понял, три с половиной тысячи штук.

Старшина открыл амбарного вида книгу и стал тыкать пальцем. Он что, правда в такой темноте что-то видит? Нет, я тоже, конечно, вижу, но у меня причина есть, а вот он с чего?

– Давайте пройдем в помещение, я понимаю, что у вас ночная охота, это фамильное, но не все же произошли от львов и пантер.

– Да, конечно. Вообще там нужно хорошенько осмотреться, не удивлюсь, если фельдфебель хранил что-либо ценное у себя.

Я тоже не удивлюсь, я даже не удивлюсь, если ты, старшина, все его заначки вмиг раскопал. Вы, кладовщики, одним миром мазаны и друг друга насквозь видите.

В конторе порылись неплохо, в смысле нарыли неплохой улов. Особенно порадовала караулка, она же оружейка. В придачу к тому «максиму», что стоял у ворот, мы получили два ДП и две здоровые пачки дисков – одна снаряженная, другая – нет. Видно, немцы тоже периодически переснаряжали их. Всего дисков было восемнадцать, не считая тех, что на пулеметах. Только это давало нам разом полтысячи патронов. Но это было не все, «максим» тоже был укомплектован десятком полных лент. Интересно, от кого они здесь собирались обороняться, или хомячество есть интернациональный признак? Вполне возможно, потому как еще два цинка патронов – это явный перебор для четырех СВТ, найденных здесь же. Вот машинки для набивки лент и зарядки дисков – это пригодится. Маузеровские карабины и хороший запас патронов к ним, это уже было просто приятное дополнение. Как и пара ракетниц с более чем приличным количеством сигнальных и осветительных ракет. В «казарме» отыскались еще по паре «наганов» и «ТТ», а вот патронов к ним было немного, в общей сложности меньше сотни на все. Зато порадовали запасные комплекты вермахтовской формы и масса хозяйственных мелочей, даже электроутюг, вот ведь умеют устраиваться, черти.

На улице был полный аврал. Вторая машина уже ушла, и сейчас опять загружали наш первый автотрофей. Егоршин стоял у пассажирской двери и курил в кулак. Так как в погрузке он не участвовал, но вид имел запыхавшийся, значит, потаскать тяжести ему все же пришлось.

– Егоршин.

– Я.

– Ты с разгрузки?

– Так точно.

– Как там?

– Все, как вы приказали. Мужики нарезали лапника и подогнали по нему телеги к самой дороге, ну и площадку разворотную тоже устелили поверх досок. Как все уберут, только Виннету какой, что найти сможет, ну и собаки, конечно. А как креозотом покроем потом все, то и собачкам жизнь медом не покажется.

Эх, не уверен я насчет креозота, но Боровой уверил, что бочку с этой субстанцией собаки за версту обходят. Ну да ладно, надеюсь, хуже не будет. Следующим местом моего паломничества была мастерская. Бойцы запалили в сарае несколько найденных здесь же керосиновых фонарей и с помощью лома и сопутствующих выражений выковыривали станки. Судя по фундаментам и анкерным болтам, станки эти достались немцам вместе со всей станцией, а вот большая часть инструмента, по утверждениям бойцов, была немецкой. Как и бензиновый генератор, установленный здесь же, даже отверстие в стене под выхлоп было свежее. Кроме этого, в мастерской нашлось несколько стеллажей разобранного оружия. Не менее ценной находкой были три ящика, один большой и два поменьше. В здоровом было навалено полно мусора. Ну,

для кого мусор, а для нас так клад целый. Внавал лежали патроны, как в основном винтовочные, так и редкие пистолетные и револьверные, обоймы, куски брезентовых лент, запалы от гранат, в основном мятые, также рассмотрел циркуль и еще массу непонятных железок. Два других ящика были некой производной от первого. В одном лежали мятые и частично деформированные винтовочные патроны, а в другом они же, но целые. И патронов было много, на взгляд больше двух тысяч, только отсортированных.

Станочный парк достался неплохой по количественному и хреноватый по качественному составу. То есть вроде есть все, что надо – точильно-шлифовальный, фрезерный, токарный и сверлильный станки, но их внешний вид, даже на мой непредвзятый взгляд, не внушал оптимизма. Полищук же, уже завершивший малярные работы, уверил, что не все так страшно. Больше его интересовал вопрос – грузить ли кузнечный инструмент, и если грузить, то какой, ибо с наковальней и переносным горном здесь минимум на пару телег, а транспортный парк у нас не каучуковый. Решили грузить – весь склад все одно не увезти, но есть к чему стремиться. Когда вышел на улицу, старшина распорядился уже там. Машины опять поменялись, теперь под погрузкой стоял двухосник, а бойцы пока еще достаточно резво продолжали закидывать в него добро.

– Старшина, а что там было про мизер снарядов?

– Сорок пять миллиметров около пятидесяти штук, в основном картечь, немного осколочных, есть двенадцать семьдесят шестых, но все осветительные, зато есть восемь фугасов сто двадцать два миллиметра. Стрелять ими, конечно, не из чего, но применение найти можно. Есть шесть ракет калибра восемьдесят два миллиметра, но без пусковой. Три пятидесятимиллиметровых и один восьмидесятидвухмиллиметровый минометы, без прицелов. К мелким двадцать мин, но у нас есть еще тридцать, к большому только девять. Есть даже такая экзотика, как ампуломет, с восемью ампулами, но без метательных зарядов, хотя это не проблема, сойдут охотничьи патроны двенадцатого калибра.

– Это что за зверь?

– Да вон стоит. Труба сто двадцать пять миллиметров, капсула жестяная с самовоспламеняющимся составом и метательный патрон – все удовольствие. Было бы много капсул – был бы смысл, а так... Весу не много, килограммов двадцать пять все вместе, с собой заберем, а там поглядим.

– С орудиями что?

– Две сорокапятки без замков и прицелов, как я и говорил, в остальном они в норме.

– А что про взрывчатку говорил?

– Есть маленько, вон там лежит, вместе со снарядами, – Кошка указал на самый дальний сарай, где сейчас загрузалась машина. – Там двенадцать ящиков мелинита, считай, по двадцать пять килограммов в каждом, и четыре бухты детонирующего шнура по сто метров. Еще есть две бухты огнепроводного шнура, одна наполовину использована, но детонаторов пока не нашли, ни обычных, ни электрических. Машинок подрывных тоже нет.

– А у нас вообще подрывники есть?

– Ну, дело знакомое. Я, конечно, не профессионал и заряд правильно рассчитать не смогу, но просто подорвать – это без проблем. У меня вопрос – винтовок сколько брать будем?

– Думаю, сначала надо штук двести загрузить, а остальное, что влезет в последнюю очередь, а вот штыки ремни и затворы снять со всех.

– Я примерно так же подумал. Остальное сожжем?

– Не хотелось бы демаскироваться раньше времени. Если народ не сильно замучается, отвезем до болота и утопим.

– А что с автоматическими? Их тут почти сотня.

– А что не так?

– Да не любит их народ.

- Странно, мне Байстрюк говорил, что это от рук, которые не оттуда растут.
- Ага, а сам «маузер» таскал, пока Димка мелкий две «СВТ» не приволок, он тут же одну и оприходовал.
- Не понял. Есть разница?
- Ну да, почему на складе почти нет самозарядок, только те, что охрана себе урвала? Потому как токаревская самозарядка – оружие отличное, а вот автоматы, что токаревские, что симоновские, как бы это сказать, не ахти.
- Угу, а если из них очередями не стрелять?
- Все одно клинят.
- Твое как мнение?
- В болото.
- Ну и... Только все ценное снимите.
- Это как водится. Я бы щиты и станки от разбитых пулеметов лучше бы забрал. Еще здесь дегтярь станковый есть, вот от него станок забрать, а самого туда же.
- Пулемет жалко.
- Такой не жалко.
- Места вряд ли много займет, пусть будет.
- Ты командир, как скажешь, но оглоблю эту в опасное место я бы ставить не стал, может боком выйти.
- А что насчет гранат, вроде я слышал, их много.
- Ну, да. Тридцать третьих ящичков пять, только в основном рукоятки да корпуса, рубашки еще, а запалов и на треть не наберется. Лишние ручки я вообще приказал выбросить, хоть так вес сэкономим. А вот фугасных всего полтора десятка, но с запалами.
- Это все?
- Из оружия, считай, все, но есть масса нужных вещей, которые выбрасывать просто жалко.
- И что там?
- Да все не перечислишь. Шинелей почти сотня, плащ-палаток почти столько же, противогазы, ремни, масленки, сумки, сидоры, каски, ботинки – этих тысячи, даже сапог десятка три, фланели две штуки, сукна шесть, из них одна командирского.
- Ну так это все объем большой имеет, а вес не очень, может, на телеги, где тяжести, погрузить внавал?
- Командир, не учи отца... и баста. Так и распорядился, но все не увезем однозначно. Да и мужики против будут, не захотят кобылок надрывать.
- Скажи, что поделимся, на себе попрут.
- Эх, видно, так и придется сделать. Тут вот еще какое дело. Телефоны полевые и провод бросать?
- Ну ты что, старшина, провод нужен. А телефоны, разве ж они много места займут?
- Много, может, и не займут, но, значит, что-то другое бросать придется. Со следующей машиной в лес к мужикам проеду, может, уговорю минометные повозки в прицеп взять. Их тут три штуки. Пообещаю сам с лошадьёю впрячься. Жалко лопатки саперные бросать и минометы-лопаты тоже, хотя толку от них...
- Так, погодь, что за минометы?
- Да обычная помесь бульдога с носорогом – саперная лопатка, к которой пришпандорили ствол в тридцать семь миллиметров. Мин у нас к ним все равно нет. Нет, наверно, надо тоже будет утопить.
- Их много?
- Десятка два.
- Возьми пяток, вдруг на что сгодятся, хоть на картечницы.

– Хорошо. Машина уходит. Побегу.

* * *

Нас утро встречает прохладой. Блин, скоро уже середина августа, и правда на рассвете что-то зябко. Тележный наш обоз уже где-то вовсю пробирается к родным пенатам, да и нам пора. Только что прибежал северный дозор, а южный снимем по дороге. Не так уж и много мы оставляем добра – хорошо подмели, за часть добычи мужики решили сами осликами подрабывать, даже матрасы из казармы вытащили, не говорю уж о койках походных. На мой вопрос, как они немцам будут объяснять, когда те койки найдут, ответили, что хрен найдут. Ну, это их дело, я предупредил, причем дважды. Второй раз, когда пообещал сам отнять, если на глаза попадутся. Только пощерились.

Итак, что мы имеем? Вполне организованная колонна из почти однотипных грузовиков и мотоцикл со мной, любимым. Тактические знаки одинаковые, но не свежие, а так – будто месяц как подновлялись. Номера, слава аллаху, не одинаковые, но сразу видно, что из одной части. На прицепах две сорокапятки под брезентом и генератор. Вроде ничего особенного, должны проскочить. Двинули.

Дозор приняли на ходу. Пять человек вбить в плотно набитые кузова оказалось не просто. Ничего, потерпят. Хорошо, брезент наш груз скрывает, но рессоры просели знатно. Своя ноша не тянет. Козьи Горки проскочили с ходу, теперь через километр нехороший перекресток. Не в смысле плохо проходимый, просто наше шоссе там пересекается не с какой-нибудь грунтовой, а с такой же равнозначной трассой, а значит, там вполне может стоять пост. Фронт ушел достаточно далеко, но фельджандармерия никуда не делась, странно это. Непонятно также, кто несет охрану в нашем районе. Если честно, то такое ощущение, что тут несколько ведомств дудят в свои дудки и внимания на других не обращают. А у меня, как назло, сил нет всех их пощипать и средств. Вот как закончу организационный период... так и они его закончат, и будет у меня вечный пат. Знаю, что нет такого, у меня, похоже, так и будет.

Перекресток проскочили тоже без проблем. Долго нам везет, не к добру. Кстати, сейчас справа будет дорога к лагерю. Надо планировать, как туда наведаться, а я еще к саперам не съездил. Ждут небось, обижаются. Придется по дороге цветов купить, тем более что деньги есть. Фельдфебель оказался дюже богатым, из его железного ящика вытащили больше десяти тысяч рублей, да и подчиненные его не бедовали. Как оценить ювелирные изделия, даже не знаю, но на вес набралось граммов двести. Слава Кришне, не нашлось ни одной зубной коронки, иначе путешествие к Кали трех водил не было бы таким легким. А вот ремонтника решили пока оставить в живых. Объяснил, что в случае попытки побега он штыком в сердце и болотом не отделается, ну вроде понял. Счастливчик, однако, это надо же, отделаться сквозным ранением руки, когда остальные получили минимум смертельные ранения. Может, и правда доживет.

Вот ведь... накаркал. Жандармы. Ну что ты, козел, рукой машешь, жить надоело? Ну извини, сам напросился – на дороге пусто, а вас всего двое. А вот что у меня кобура застегнута, это хреново, придется из автомата валить. Как же не хочется шуметь, в любой момент может еще какая колонна показаться. А вот то, что я ремень автомата через голову не стал перебрасывать, это я молодец, хоть и ездить так с ним неудобно, приходится локтем к боку прижимать, да и ремень короткий делать, а вот незаметно снять с предохранителя запросто. Ну а уж без патрона в стволе я не хожу. Даю отмашку колонне и подкатываю на нейтралке к жандарму. Ух ты, какой большой чин, целый штабс-фельдфебель! И оружие у нас не просто так – настоящий «двадцать восьмой» «шмайсер» на плече и здоровая деревянная кобура на боку, но не от «маузера». Этот «шмайсер» штука приметная – магазин примыкается горизонтально, а кожух ствола вообще трудно с чем-то спутать. Короче, круче только яйца.

Водитель, что стоит около такого же, как и у меня, «BMW», попроще – рядовой с винтовкой, и вид у него какой-то пришибленный. Наверно, господин фельдфебель перед нашим появлением тренировался на нем, чисто для затравки. Ничего, парень, сейчас все кончится. Документы у меня на Зелински, а мы с ним мордами лица здорово не схожи, да и не служил он никогда в четвертой танковой. Хотя чего я парюсь, зубра этого все одно валить надо, он и пушки, и генератор уже срисовал, как только пройдет информация по гоп-стопу на складе, он столько примет на нас выложит, что с хазы нос не высунешь.

Ну вот мы и нос к носу. Молча, с пренебрежением, чтобы окончательно озлобить жандарма, протягиваю ему пачку документов и делаю наглуемую морду. Ух ты, какой синьор-помидор, как бы он от апоплексического удара раньше не помер.

– Унтер-офицер, смирно! Представьтесь!

Второй аж голову втянул со страха. Медленно, с лентой перекидываю ногу через седло и встаю в стойку, слишком отдаленно напоминающую требуемую.

– Унтер-офицер Цигель. Четвертая танковая.

– Да я вас...

Не успеешь, короткая очередь из двух патронов бьет жандарма снизу вверх в район диафрагмы. Если бы ты мне в морду слюнями не брызгал с ненавистью, то заметил бы, как ствол переместился в район твоего пуза. А вот напарник твой забитый, который должен тебя страховать, а не бояться, вообще не мог видеть мои манипуляции. Поздно теперь винтовку с плеча тащить, расслабились вы в своих Франциях да Голландиях. Тут вам не там. Поэтому получай свою пару. Готов.

– Байстрюк, этих в кузов. Водителя на мотоцикл и в хвост колонны. Делаем быстро, но не суетимся. На мотоцикл двоих, одного мне за спину, а то некуда будет трупы положить. И кровь присыпьте. У нас минута.

Оказывается, минута – это много. Уложились с запасом. А вот и наш поворот. Теперь, чтобы нарваться, нужно совсем с удачей рассориться. Еще полчаса, и мы дома. Дом, милый дом.

Что обидно, опять ни одного бинокля. Нет, вам чего, жалко, хотя бы театрального? У меня же на этой почве скоро фобия начнется или еще какое расстройство кишечника. В «мусорном» ящике, кроме циркуля, нашлась масса ценных вещей, к которым только начальника штаба не хватает. Потому как всякие карандаши-линейки и прочие курвиметры теперь в достатке – садись и разрабатывай фронтную операцию. А вот обычному ротному разведчику не во что за противником поподсматривать, разве только через разбитое пенсне. Вот сделаю себе монокль на цепочке и в немецкий генштаб – чай, за своего примут.

– Товарищ командир, разрешите?

– Заходи, сержант. О, кто к нам пожаловал, сам Кузьма Евстратович, собственной, так сказать, персоной.

Странно, но я рад был его видеть. Как будто встретился со старым другом. Кузьма даже слегка ошалел, когда я полез обниматься, – явно не ждал таких нежностей.

– Ты один или с охраной?

– В смысле?

– В смысле – где твои полицаи? Или ты еще указивку по созданию вспомогательной полиции не получил, а, господин бургомистр?

– А, ты об этом. Получил разнарядку набрать десять человек, «относящихся с ненавистью к еврейскому большевизму». Хожу теперь, уговариваю. И до бургомистра мне еще служить и служить, но шансы есть.

– Ага. Если не провалишь первое же задание. Потому у меня есть к тебе предложение. Съезди в комендатуру и попроси разрешение на вербовку военнопленных из лагеря у Ребятинского озера. Вчера туда прибыла очередная колонна пленных.

- Хочешь лагерь хапнуть, как склад хапнул?
 - Есть такое намерение.
 - А не слишком? Что ты смотришь, как солдат на вошь. Не думай, не испугаюсь, но после этого мне уходить придется. Они же меня одного туда не пустят, сопровождение дадут. А если сопровождающего валить, то как я объясню, что сам жив остался?
 - Давай решать вопросы по мере поступления. Кстати, откуда про склад знаешь?
 - Ты других тупей себя не держи. Забыл, кто у тебя начальником разведки по совместительству?
 - Понял. Да, а скажи мне как начальник разведки, кто чуть не каждую ночь по болоту шарится, спать не дает, но близко не подходит.
 - Как бы тебе сказать... Считай, что никто, а трогать его не будешь, то никакой беды не будет, а только польза.
 - А конкретней? Водяной или призрак Льва Троцкого?
 - Второе вряд ли.
 - А первое вполне?
 - Может, и он, но тоже скорее сказки это.
 - То есть не скажешь или сам не знаешь?
 - Считай, что и не знаю, но худого не будет, коли сами не нарветесь.
 - Лады, замнем для ясности. Как у вас там с урожаем?
 - А что надо?
 - Нам пока особенного ничего, не голодаем, но если с лагерем выгорит, много чего надо будет. А пока надо конфискационные акты выписать. Короче, байда такая – ты говоришь, что у тебя из излишков, получаешь бумагу о конфискации, а продукты прячешь.
 - А тебе с этого выгода какая?
 - Много разной. Во-первых, ты поделишься, во-вторых, немцы продукты не получают, в-третьих, если такие акты разойдутся по большой территории, то немцы не сообразят, где меня искать. Главное, чтобы лагерь в середине этой территории не оказался. Есть еще в-четвертых, пятых и так далее.
 - Ну пиши...
 - Не барское это дело – руки в чернилах пачкать. Старшина напишет. С другими сможешь поговорить?
 - За долю?
 - Сочтемся. Расскажи лучше, как дела дома.
 - Да нормально все. Митька к тебе просится, но пока справляюсь. Опанас фашистским прихвостнем обзывается, а сам подмигивает. Думаю, начальником полиции его поставить, в отместку. Дорогу немцы починили, можешь теперь спокойно в гости ездить. Живем.
 - Что с движением через Захарнички и по железке?
 - По шоссе плотное, по железной дороге точно сказать не могу, но уже ездят.
 - Где можно средства взрывания раздобыть? В основном детонаторы и машинки. Взрывчатки мы немного раздобыли, а вот детонаторов только шесть штук, из них четыре электрические.
 - Чего нема, того извини. В городе надо такие дела искать, а там у меня связей нет. Подполье там должно быть, но как на него выйти...
 - Сам голову ломаю. Ну, давай к старшине, если чего вспомнишь, узнаешь или нужда какая – жду.
 - Пока, командир.
- Есть еще у меня один шанс, но больно хлипкий. Эх, знал бы, что мечты исполняются, мечтал бы конкретнее. Ведь чего хотел – самого завалищего сержанта НКВД? Получите и распишитесь в получении. Тот юркий парень на складе таки оказался младшим сержантом НКВД.

Из шестидесятого полка. Кто не в теме – это охрана железнодорожных сооружений. Мне нужна была ищейка, а дали кобеля цепного. Вот ведь – бойтесь своих желаний, они могут и исполниться.

- Байстрюк, ты здесь?
- Так точно, товарищ командир.
- Позови энкавэдэшника.

Пристроить я его к делу, конечно, пристрою, караульная служба у нас хромает на все четыре лапы, но хотелось большего. Сейчас вот еще чего намечтаю, держите меня четверо.

- Товарищ командир, младший сержант Ермолов по вашему приказанию прибыл.

Вот именно: не младший сержант НКВД, а просто младший сержант.

- Проходи, сержант. Присаживайся. Расскажи мне о себе.

– Родился в Краснодаре в тысяча девятьсот восемнадцатом, из рабочих, закончил семилетку, работал на судоремонтном заводе, по комсомольскому призыву попал в пограничные войска, откуда был в ноябре тридцать девятого переведен в создаваемый шестидесятый полк девятой дивизии войск НКВД. Служил в Барановичах. В бой вступил двадцать второго июня, в плен попал девятнадцатого июля – кончились патроны, даже для себя не оставил. Готов испить кровью.

- Форму поменял?
- Да, гимнастерку стрелка взял. Не из трусости, думал, смогу бежать и сражаться.
- Думы к делу не пришьешь. Каковы были твои должность и обязанности?
- Командир отделения, охрана железнодорожных сооружений.
- Представление об оперативной работе имеешь?
- Никак нет.

Ну вот. Вопрос можно закрыть.

– Направляешься в распоряжение старшины. Твоя непосредственная задача – наладить караульную службу. Исполнять.

- Есть.

Вроде пока все дела поделал. Надо бы разобраться с трофеями, что от полицейского фельдфебеля достались. Итак, что мы имеем? А имеем мы пистолет-пулемет господина Шмайсера в нестандартной комплектации со странной надписью N Pieper. С надписями ладно, но патрон от «ТТ» – это что? Понимаю, конечно, что это не советский патрон, а маузеровский, с которого наш и был содран, но, убей бог, не знал, чтобы под него иностранные автоматы делали. У немцев он вроде и остался как эксклюзив для «девятисто шестого» «маузера», являющегося неотъемлемой частью образа революционного комиссара, наряду с кожанкой. Что интересно: кожанки американские, «маузеры» немецкие, а комиссары советские – интернационализм, однако. Что-то я отвлекся. Так, а что у нас в документах? Ага, Пауль Классен, штабс-фельдфебель, отдельный отряд фельджандармерии при полоцкой комендатуре. Так, теперь понятно, откуда здесь жандармы и почему с армией не уехали. А что у нас по оружию? Последняя запись от шестнадцатого мая, комендатура Монс. Пистолет-пулемет «Шмайсер» MP.28,II и пистолет «Браунинг» GP-35. Похоже, все становится ясно – бельгийские трофеи. Жаль, конечно, что «шмайсер» не под ходовой патрон, зато «браунинг» не подкачал. Хороша дура, на тринадцать стандартных девятимиллиметровых, плюс две обоймы. К автомату почти сто тридцать патронов, а если раздеть «ТТ», чего не хотелось бы, еще полсотни наскребем. Это с учетом «мусорного» ящика.

Плохо, что коротких автоматов у нас только два, что-то немцы не спешат нас снабжать этим видом вооружений, и на складе ни одного ППД. Забастовка у них, что ли. «Браунинг» на короткой дистанции хорош, хотя и на средней, если кобуру пристегнуть, не подкачает, а вот остальной короткоствол имеет слишком ограниченный боезапас. «Наганы» после отстрела хоть совсем бросай, перезаряжать их в условиях боя будет только самоубийца. Остаются еще

два «люгера», спасибо немецкому начсклада за «подарок», и два «ТТ». Ну не так, чтобы совсем плохо, особенно если совместить это с гранатами. Два здания в лагере зачистить можно, вот только как туда столько народа протащить? Проблема. Пойду-ка я покурю на свежую голову.

Все-таки я провидец, почти Мессинг. Матвеев был в курилке, вместе с отделением. Вот ведь народ – что бы ни делать, лишь бы ничего не делать.

– Товарищ старший сержант, все более серьезные, чем отравление личного состава, дела уже сделаны? Могу найти место, где яму выкопать, а потом засыпать.

– Никак нет, товарищ командир, через две минуты занятия по скрытому передвижению на местности.

Нечего мне пальцем на маскировочные сетки показывать, и онучи я тоже вижу. Но еж – птица гордая, вот и пинаю по мере сил.

– Передайте командование заместителю, найдите начальника разведки, старшину... ну и Байстрюка тоже, и ко мне в землянку.

– Есть.

В землянку я не пойду, темновато там, документы у двери почитать еще можно, а вот с картой работать уже никак. Тем более что маскировочных сетей мы со склада достаточно уволокли, вот под сеточкой на свежесколоченной скамеечке, рядом с таким же, благоухающим смолой столом и устроюсь. Вот уже и штаб «партизанского соединения» пылит.

– Присаживайтесь, товарищи. Старшина, дела по конфискации утрясли?

– Так точно, к обоюдному согласию.

– Отлично. Позвал я вас по той причине, что голова у меня сильно пухнет. А пухнет она от того, что не могу я составить толковый план, потому мы будем отрабатывать сейчас метод, который я назвал «мозговой штурм». Надеюсь, всем достаточно непонятно?

– Э-э-э...

– Правильно, старшина. Об этом я и говорю. Метод не в том, чтобы мозгами на штурм идти, а в том, что я сейчас обрисую задачу, а вы будете предлагать ее решения. Любые. Даже бредовые. Теперь ясно?

Вижу не совсем, но это придет...

– Итак, задача: освободить наших пленных из лагеря около Ребятинского озера. Начали.

И тишина. Надеюсь, думают. Кузьма уже частично в курсе, но тоже... размышляет вроде. И долго они молчать будут? Могут, конечно, долго, я сам уже несколько дней думаю, а почти ничего не придумал.

– Так, давайте-ка сузим задачу. А для этого немного поразмышляем. Для того, чтобы освободить пленных, мы имеем два пути. Путь первый – освободить людей за пределами лагеря, и путь второй, захватить лагерь и проводить освобождение, так сказать, на месте. Предлагайте варианты.

– Ну, тут, это... – Байстрюк, как всегда, впереди на боевом коне, даже если еще и не придумал, чего сказать. – Короче, за территорией лагеря мы всех освободить не сможем, если, правда, не заставить немцев вывести всех с территории.

Есть, сработало. Ведь правильно начал думать, я-то грешным делом считал, что сейчас начнется спор, как лагерь захватить, а тут сразу – заставить вывести. Лично у меня даже мысль такая не проскочила. То есть я, конечно, думал, как отбить пленными частями, но вот додуматься до мысли, что можно всех, но за территорией, да еще использовать немцев для организованной эвакуации. Это скоро меня так на вторые роли отфутболят. Даже не знаю, как к такой новости отнестись. Подумаю об этом завтра. А народ оживился. Нет, ну газовая атака – это слишком на поверхности, правильно отмели этот вариант – и нечем, и пленные больше пострадают. А вот передача приказа о передислокации, это интересно, ну конечно, не поверят, пока не проверят, но мысль умная, в правильном, так сказать, направлении. Все вроде обсо-

сали и отбросили идею, как практически нереализуемую. И что важно, я почти не участвовал, так, реплики бросал, в основном работал свежееобразующийся штаб. Дело на мази.

– Ну что, мастера, не выходит каменный цветок? Давайте все же начнем «от печки». Матвеев, а нарисуй-ка нам схему лагеря и заодно прикинь его на местность. То есть сколько отсюда до какого леса или канавы там, например. Давай с максимальными подробностями, мало ли чего может понадобиться.

На схему пожертвовал тылы очередного плаката. Этот, кажется, с Керзоном. Вроде умер мужик давно, но в памяти народной остался, ну пусть послужит и нам теперь.

Сержант взял карандаш и стал набрасывать план быстрыми и точными движениями, одновременно комментируя. Художник, что ли? Надо будет потом спросить.

– Здесь два здания, довольно длинные и узкие, ну, по отношению к длине, конечно. Внутреннего расположения не знаю, в гости немцы не приглашали. Расположены так, что въезд внутрь лагеря находится между ними. В правом, оно побольше, вероятно, казарма, караулка и кухня. Левое скорее административное, по крайней мере начальник лагеря в основном там сидит. Сразу за зданиями нечто вроде плаца, куда выводят отобранных на работы. Оттуда или отправляют под конвоем пешком, или сажают на автомашины. За плацем сразу начинается проволока, которая опоясывает весь лагерь. Проволока в два ряда, внутри колючая, снаружи гладкая. Между рядами проход метра два, по которому периодически, днем раз в час, ночью раз в полчаса, проходит парный патруль с собакой. По углам ограждения четыре вышки, смена каждые два часа. Электрического освещения нет. Внешний периметр, похоже, минирован. Постов всего шесть – четыре одиночных на вышках, одиночный на въезде в лагерь и парный на выходе из огражденной зоны на плац. На вышках ручные пулеметы, у парного поста, станковый, похож на наш «максим», но с гладким кожухом охлаждения. У часовых на вышках еще винтовки, а у патруля, часового на въезде и одного из часовых около станкача – автоматы. Всего немцев человек двадцать пять – тридцать, точно не считал, не думал, что понадобится.

– В первом приближении понятно. Что по окрестностям?

– Дорога подходит с севера, обычная грунтовка. Здесь до леса метров четыреста, с юга и запада до опушки чуть меньше, но похоже – там болото. С востока до леса тоже метров триста. Здесь немцы кладбище устроили, ну и расстреливают тут же, специально – из лагеря хорошо видно. Скрытно метров на сто, если в темноте и с хорошей маскировкой, можно подобраться, но потом стремно будет – хоть часовые с вышек в основном внутрь глядят, но...

Присутствующие с интересом склонились над схемой. Пусть думают. Лично у меня думалка уже отваливается. Что хорошо – ни у кого не появилось мысли брать лагерь штурмом. Либо понимают, что я такую затею не одобрю, либо тактика диверсионной борьбы крепко пустила корни в головы. Похоже, не совсем, а иначе зачем обсуждать план по въезду внутрь полного народом грузовика с пулеметами. Тоньше надо быть.

– Стоп. Притормозили слегка, а то пошли предложения, неплохо смотрящиеся в произведениях товарищей Беляева и Толстого, но к нашим реалиям как-то не очень подходящие. У нас с Кузьмой Евстратовичем есть уже предложение, как проникнуть в лагерь. А именно, он попытается получить разрешение полицкого коменданта на рекрутирование пленных на службу в полиции. Так как в этом заинтересованы сами немцы, то они, вероятно, ухватятся за это предложение всеми хватательными конечностями. Но ни о каких въездах грузовиков не может быть речи – максимум мотоцикл с господином старостой и двумя чинами фельджандармерии. Теперь вопрос, в какое время лучше проводить операцию? Байстриук, предложения.

– Если хотим освободить как можно больше людей, это либо ночь, либо раннее утро или поздний вечер, потому как на работах никого не будет. Интересно было бы произвести захват в момент вывоза или ввоза людей на работы – могли бы машины и еще чего прихватить, но тут две опасности: первая – можем просто не справиться, немцев и так много, а тут еще понаедут,

и вторая – могут быть большие потери как с нашей стороны, так и среди пленных. Такой бардак будет...

– Так, твое мнение понятно. Матвеев.

– Если удастся ввести внутрь лагеря группу, то ночь отпадает, потому как если даже и пустят, то как-то это подозрительно – что старосте ночью там делать? Поэтому остается либо утро, либо вечер. Что тоже не очень удобно по той же причине. Нет смысла приезжать ни свет ни заря или, наоборот, под ночь. Я думаю, придется пожертвовать численностью ради успеха операции и проводить ее днем. Мне тоже хочется спасти как можно больше наших, но лучше спасти хоть сколько-то, чем никого, да и погибнуть самим.

– Понятно. Старшина.

– Я, в общем, согласен со старшим сержантом, но, может, попробуем найти способ выручить всех. Я вот думаю, что лучшее время – это утро, но не раннее, а значит, нужно сделать так, чтобы развода на работы не было. Старший сержант, в каком случае развод не проводится?

– Я таких случаев, товарищ старшина, не знаю, за все время, что я был в лагере, выходных не было. Может, каким-нибудь образом сорвать приезд конвоев. Вот только как, обстрелять их по дороге?

– Обстрел – это не вариант, – это уже Кузьма принял участие. – А вот заминировать дорогу, да так, чтобы немцы не один час провозились, тем более эта дорога не основная, пуп рвать для быстрого восстановления движения они вряд ли будут.

Пора и мне вступить:

– Это нам мало что дает. Представьте – ежедневно машины приходят как по часам, а сегодня их нет, но прикатывает какой-то мутный староста. Могут заподозрить. Хотя бы попытаются документы проверить. Тут и спалимся.

– А что, если... – Матвеев задумался. – Если сегодня машины опоздают, а водители скажут, что на дорогах мины нашли...

Байстрюк хлопнул себя руками по ляжкам.

– Точно. Тогда если машины не придут и на следующий день, то немцы не заволнуются.

– Ага, а то, что мы с Кузьмой приехали на мотоцикле, это их не удивит?

– А это смотря где минировать.

– Ну, давай прикинем.

Я развернул карту.

– Первый раз ставим мины здесь и здесь, – Байстрюк ткнул пальцем в дорогу восточнее и западнее лагеря. – Причем ставим мины попарно, так, чтобы на одной машина подорвалась, а другую саперы извлекли.

Кошка покосился на сержанта.

– Это еще зачем, у нас и так этого добра не чересчур?

– Затем, что раз сняли одну, значит, могут быть и другие.

– Правильно, – поддержал я своего любимчика, – типа, опять проверять надо. Пока все не вынюхают, движение не разрешат. А почему именно здесь?

– Потому что тогда дорога с Худобков будет не перекрыта. Кто по ней до лагеря поедет, даже не будет знать, что движение перекрыто. А на следующий день ставим мины еще чуть дальше от лагеря да роем ложные ямки, вроде как замаскированные, но заметные.

– Интересно, – почесал щеку Кузьма. – Получается, что даже, если в лагере начнется стрельба, с дороги никто не услышит, так как там никого не будет. Может сработать. Но как лагерь-то будем брать?

– Ну тут методика частично отработана, – я решил тоже поучаствовать в разговоре. – Нехорошо, конечно, повторять постоянно старые ходы, но вроде свидетелей мы пока не оставляли. Вечерне план складывается такой: в ночь вытягиваем несколько стрелковых пар, не меньше пяти, которые должны будут снять часовых с вышек и на въезде. На опушке около

дороги ставим пару «Максимов» – их задача прижать немцев в более крупном здании. Я с Кузьмой Евстратовичем и Георгием прямиком въезжаем на территорию, оставляем водителя с мотоциклом на дворе и идем с начальником лагеря в контору.

Матвеев поднял руку, прямо как в школе.

– Слушаю.

– Скорее всего переводчик еще увяжется, а иначе кто переводить будет?

– Правильно. Значит, нас, вероятно, будет двое на двое. Думаю, справимся, на нашей стороне внезапность. Неплохо было бы убрать этих без шума. Потом мы начинаем зачистку меньшего здания. Вот тут без шума не обойдется, поэтому стрельба и взрывы – это сигнал к началу. Вот тут у нас затык – это немцы во дворе и большом здании. Георгий, хоть и тезка героического святого, один их не перебьет.

– А если взорвать их, – влез героический тезка. – Загрузить в коляску ящик мелинита, подогнать мотоцикл к стене и рвануть.

Все задумались. Сержант отводил глаза, не желая встречаться взглядом со старшиной, коему явно не понравилась мысль об уничтожении отрядного имущества. Ладно, спросим нашего главного взрывника.

– Что скажешь, старшина?

– Теоретически, как любишь говорить, командир, можно попробовать, а вот практически... Во-первых, делать это придется чуть ли не под огнем, а гарантировать при этом правильную позицию заряда очень сложно, а его желательно буквально притереть к стене. Положим, это даже получится. Вот тут и возникнет во-вторых – куда этот шустрик потом деваться будет? Матвеев, там окопы есть?

– Не видел. Мешки с песком на въезде и у входа в зону лагеря, но добежать до них под огнем будет сложно.

– Похоже, с большим бабахом облом, – констатировал я. – Другие предложения? Мы, кстати, не решили, что делать с той парой, что вход охраняет с пулеметом.

– Если в коляску пулемет поставить, я их мигом на ноль помножу.

– Не будет тебе пулемета, – злорадно посмотрел старшина на Байстриюка, видно, не простил покушение на мотоцикл. – Жандармы с пулеметами не ездят.

– Ну, тогда автомат.

– С автоматом тоже проблема, – притормозил Георгия уже я. – Автомат мне нужен, а у нас их всего два, причем второй очень приметный. Если к немцам в лагерь попадет информация, что пропали два жандарма со «шмайсером», то как только они увидят опять же двух жандармов со «шмайсером»... Ну, дальше понятно.

– А что, его обязательно показывать? Пусть в коляске лежит, когда надо вытащу, так даже лучше, не придется на предохранитель ставить.

Вот ведь я баран, а все стандартность мышления – раз пулемет нельзя, ибо не спрячешь, значит, и автомат нельзя, а то, что его можно спрятать, мозг уже в расчет не берет. Так, что я еще автоматически отшел? Взрыв! Мы отказались от большого взрыва, который ломает здание, но почему мы не думаем о маленьких, коим не надо здание сносить, а надо убить или оглушить тех, кто внутри. Опять инертность – ведь я решил, что можно работать с гранатами внутри, и потому отказываю в возможности снаружи внутрь.

– Матвеев, а сможешь вспомнить, как окна расположены?

– Попробую, но только то, что видно со стороны проволоки. В маленьком здесь, здесь и здесь, а дверь здесь. А в большом по фасаду четыре или пять окон, одно с торца, а дверь выходит на другую сторону.

Похоже, может получиться.

– Георгий, смотри сюда. Как нас высадишь, отъедешь к большому строению и встанешь. Начнется стрельба, вытягиваешь «шмайсер» и кладешь пару у пулемета. А дальше делаешь

следующее: в коляске будет лежать сидор с гранатами, выхватываешь его и бежишь к торцу казармы. Там всего одно окно, вот туда и кидаешь одну гранату...

– Товарищ командир...

– Да, старшина?

– Лучше связку. Я ему из трех штук в рубашках сделаю, мы их в финскую применяли, если такую в амбразуру забросить, считай, стрелять оттуда уже не будут. Только связка тяжелая, а размахнуться нужно хорошо, а то взрыватель на боевой взвод не встанет.

– А его не зацепит?

– Если не будет ворон ловить, то жив останется.

– Хорошо, тогда бросаешь туда связку и тут же за угол в сторону проволоки. Там у тебя будет мертвая зона. Пулеметы будут обрабатывать другой фасад, а ты попробуй в окна, которые Матвеев изобразил, по гранате забросить. Но только ползком – дополз до окна, забросил, пополз дальше. Понял?

– Так точно, я им устрою кузькину мать.

– Григорий, слушай сюда. В мире всегда есть место подвигу. Уяснил?

– Так точно.

– Не перебивай, я не договорил. Так вот – ты должен найти это место и научиться держаться от него как можно дальше. Теперь понял?

Вот – картина Репина «Ловите челюсть». Товарищи красноармейцы в шоке, один Кузьма чуть ли не ржет.

– Кузьма Евстратович, объясните товарищам смысл высказанной мной крамолы. Только не сейчас и не здесь. Мне надо еще подумать. Все свободны.

Глава 8

– Товарищ командир, немцы обход закончили.

– Понял, Полищук. Давай на пост. Ну что, товарищи диверсанты, делаем морду кирпичом и поехали.

Кузьма поудобнее устраивает на коленях корзинку с вызывающе торчащим горлышком четвертьведерной бутылки, наполненной мутноватым раствором, не оставляющим двоякого толкования о его предназначении. А уж кусок сала, выглядывающий из тряпицы розоватым боком, вообще убедит заядлого скептика, что тот не ошибся. Сидеть ему не слишком удобно – мешают автомат и мешок с гранатами, ничего страшного, проехать надо всего с полкилометра. Сержант благоухает самогонным духом так, что, сидя за его спиной, хочется закусить. Как бы не переборщить с этим делом, много хорошо – тоже нехорошо. Надо все же выяснить у Кузьмы, как он умудрился организовать перегар без пьянки. Вроде не нужное никому умение, а смотри-ка, пригодились.

Вчерашняя диверсия удалась на славу. Подорвались две машины – пятидесятимиллиметровые мины с доработанными взрывателями показали себя с лучшей стороны. Мои подчиненные взрывоманы пытались чуть ли не двадцатидвухмиллиметровые фугасы заложить. Пришлось пресечь, шkodить, пока в нормальную силу не войдем, надо по-мелкому. А вот когда сила будет, тогда мы медленно спустимся в долину... Короче, позже будем отрываться. Вторые заряды немецкие саперы сняли без проблем – экспериментировать с ликвидаторами тоже запретил. Рано. Сегодня ночью мы поставили более плотную завесу, даже не с расчетом на подрыв, а просто занять немчуру тупой и опасной работой. Закладки ставили в схеме недостаточной маскировки, типа – вроде спрятано, но заметно. На три десятка закладок поставили шесть самодельных мин, в остальные ямки покидали металлолома. Пусть ищут, а мы пока делом займемся.

В этот раз ворот на въезде не было – был шлагбаум. Часовой тоже был спокойный. Это хорошо.

– Рядовой, позови разводящего. Господин обер-лейтенант должен быть предупрежден о нашем приезде.

Часовой сразу открыл шлагбаум, не пытаясь проверить документы. По-моему, его больше интересовало содержимое корзины. Совсем нюх потеряли. Хотя нет, он у них просто видоизменился. Байстрюк поставил мотоцикл аккуратно в то место, о котором мы договорились, когда дверь, назовем это здание штабом, отворилась и из нее вышел немецкий офицер и направился к нам. Вот это лишнее. Я соскочил с седла и быстро сократил расстояние.

– Господин обер-лейтенант, унтер-офицер Цигель, сопровождаю местного бургомистра. Вас должны были предупредить из комендатуры.

– Да, унтер-офицер, мне звонил адъютант фон Никиша. Это бургомистр Гофороф?

– Так точно. Папире! – это уже Кузьме. Но тот, любовно пристроив около ноги корзинку, на которую внимательно поглядывал офицер, уже протягивал свой документ, низко при этом кланяясь.

Как раз в это время к нам подошел быстрой походкой обершутце, перехвативший бумаги Кузьмы.

– Да, господин обер-лейтенант, тот самый бургомистр.

– Тогда пройдемте в кабинет.

– Извините, господин обер-лейтенант, я на минуту задержусь.

Получив утвердительный кивок головой, под любопытными взглядами офицера и переводчика я быстро подошел к мотоциклу, вполголоса обругал водителя и махнул рукой в сторону казармы. Байстрюк утвердительно кивнул головой и тронул мотоцикл в указанном

направлении, получив напоследок тычок в ребра. Прделано это было так, будто я хотел скрыть это действие, но все заинтересованные лица это заметили.

– Что-то произошло, унтер-офицер? – поинтересовался обер-лейтенант, когда я вернулся.

– Вчера было уже поздно ехать к вам, и мы заночевали у бургомистра, чтобы быть в лагере с самого утра. Так эта свинья нажрался местного шнапса до того, что пришлось вылить на него два ведра ледяной воды, пока проснулся. Вернемся в город, спишу на фронт.

– Можем отправить его за проволоку, – засмеялся офицер. – Русские обрадуются.

– Слишком легко отделается.

Офицер пошел к двери штаба, мы с Кузьмой за ним, а переводчик замыкал шествие. Домик оказался и правда небольшим. Сразу за прихожей находилась комната примерно на двадцать квадратных метров, в которой сидел пожилой, лет за сорок, солдат, закопавшийся в каких-то бумагах. При нашем появлении он вскочил, но, видя, что на него не обращают внимания, тут же сел обратно. В дальней стене было еще две двери. Мы направились в правую. Судя по всему, это и был кабинет обер-лейтенанта. Даже портрет Бешеного Адика присутствовал на видном месте. Что интересно, телефона не было, в приемной тоже, а провода к дому шли, значит, в соседней комнате что-то типа узла связи. Вопрос – там только телефоны или радиостанция тоже есть? Ох, как не хочется туда гранату бросать! А ведь где-то должна быть и спальня, не в кабинете же офицер спит. Здесь больше дверей нет.

– Присаживайтесь, господа.

Смотри-ка, демократ. Я бы лучше постоял, так маневр пошире, но не отказываться же. Сам начальник устроился за массивным, но обшарпанным столом, нам же достались места у противоположной стены.

– Итак, вы, господин бургомистр, хотите получить военнопленных для организации из них вспомогательной полиции, меня правильно информировали?

Дождавшись перевода, Кузьма вскочил, замахал головой и вдруг, схватив корзинку и переместившись к столу обер-лейтенанта, потянул на свет свою чудовищную бутылку. Надо было видеть ошалевшие глаза немца, когда он осознал реальные размеры скрывавшейся ранее тары.

И тут все пошло наперекосяк.

С улицы раздалась короткая автоматная очередь, за ней сразу вторая – длинная. Похоже, наш план накрылся. Кто там говорил про плохих организаторов? Ну, получи.

Штык доставать уже некогда, поэтому снимаю автомат с предохранителя и вскакиваю.

– Побег!

Это я ору. Естественно, по-немецки. Вторая очередь закончилась, и на секунду становится тихо. Немцы начинают соображать, но явно поздно. Стреляю в переводчика, и этот выстрел как будто спускает курок. На улице начинается полный тарарам. Оживают как минимум два пулемета на вышках и, заглушая все остальное, заходятся длинными очередями. Похоже, «максимы» тоже подключились к веселью, а вот стрельбу винтовок я не слышу. Это, конечно, ничего не значит, в этом грохоте одиночные выстрелы просто не прослеживаются, но ощущение, что все пошло кувырком, не из приятных. Кузьме оружие, спрятанное на дне корзины, доставать некогда, поэтому он просто бьет зажатой в руке бутылкой офицера в голову. С замахом снизу вверх удар приходится в область левого виска, и немца буквально выметает из-за стола. Теперь справится. Дергаю ручку двери и выскакиваю в другую комнату. Находящийся здесь солдат, похоже, еще не врубился в ситуацию и тупо на меня смотрит, не пытаясь даже схватиться за стоящий у стола карабин. Уже и не схватится. Очередь, и он опрокидывается на стол, заливая бумаги кровью. Разворачиваюсь в сторону левой двери, за которой у нас то ли узел связи, то ли спальня, и слышу за спиной два выстрела, а через пару секунд еще один. Это, похоже, Кузьма контроль переводчику сделал.

Бабах!

Аж стекла вынесло. Жив Жорка, только его связка могла так рвануть. Старшина сделал ее все же не из трех, а из четырех гранат, оставив осколочную рубашку только на одной. По весу, считай, вышло то же самое, но приход гораздо круче. Блин, гранаты все в корзинке, я сейчас с одним автоматом, получается.

– Кузьма, гранаты!

– Да, несущ...

А на улице стало потише. Немецкие пулеметы заткнулись, только «максимы» бьют короткими очередями, то попеременно, а то в паре. Хороший дуэт.

Бах! Это уже одиночная граната. Сержант продолжает зачистку, а мы тут застряли. Непорядок. Что это у меня с ремнем? А, господин бургомистр мне за него гранаты пихает. Теперь и нам пора. Кузьма держит в одной руке «браунинг», а в другой гранату с выдернутым кольцом. Даю очередь в дверь на уровне пояса и, дергая ручку, приседаю. Подарок летит над моей головой, захопываю дверь, так и не рассмотрев, есть ли кто за ней, и откатываюсь в сторону, беря на прицел выход на улицу. Вдруг кого нечистая принесет, а мы тут спины подставили.

Бах! Бух! Бух!

Это не наша, это на улице.

Бабах!

А это – наша. Ушам-то больно как. Дверь распахнуло взрывной волной. Кузьма сейчас должен заскочить в зачищаемое помещение, но меня беспокоят взрывы на улице. Штурмовой группе рано еще, даже на мотоциклах. Ох, как мне все это не нравится!

– Чисто.

Раз не стрелял, значит, зря гранату потратили, да и для здоровья это, похоже, не слишком полезно – кричит во все горло, а я почти не слышу. Рот надо во время взрыва открывать – говорил старшина, а я забыл, забегался.

– Выходим!

Говоров кивнул, но, вместо того чтобы пойти к двери, вскинул пистолет и выстрелил в подстреленного мной старослужащего. По мне, так явная перестраховка, но ни в жизнь не скажу. Дальше мой напарник сделал еще одно действие, о котором я позабыл, – поменял обойму. Причем получилось у него это очень ловко – нажал на кнопку на рукоятке, перехватив на лету, единым движением убрал початую обойму в карман и тут же дослал следующую. У меня в магазине еще больше двадцати, но тоже лучше перезарядиться.

Слух начал возвращаться. Стрельба на улице продолжается, но еще какой-то звук на периферии мешает.

– Это что, сирена?

Получаю в ответ удивленный взгляд.

– Собака воет.

Вот ведь... Точно. Ладно, надо идти.

Бух! Бух!

Да что там такое?

Пинком дверь нараспашку... Куда он меня отгалкивает и что за тряпка? Блин, да что со мной – это же отличительный знак, чтобы в мой фельдграу кто ненароком не прицелился. Кузьма выкатывается вперед, за ним я, повязав через плечо кусок белой материи. На плацу лежит человек в немецкой форме, к торцу казармы привалился другой. Второй – Жорка! Убит, ранен? Шевелится, значит, жив... Бегом к нему. Пытается перетянуть ногу ниже колена самодельным жгутом из автоматного ремня.

– Seriously?

– Херня... Кровит... Еще спина...

Кузьма уже накладывает пакет прямо поверх пропитавшейся кровью штанины.

Бух!

Да что это такое?

– Гранаты бросают... в окна... вслепую...

– Понял, молчи, береги силы.

Крови на губах нет, значит, то, что попало в спину, до легких не добралось. Где же подмога? Ага, вот они, голуби шизокрылые, летят. Им еще метров сто, но на въезде придется останавливаться, мотоцикл не тот предмет, которым можно шлагбаумы таранить. Опасно.

– Я дорогу освободить...

Пригибаюсь и бегу навстречу двум нашим мотоциклам, на которых штурмовая группа спешит на помощь. Набились они здорово. Восемь человек на два мотика, один из которых без коляски. Шпроты какие-то. Пулеметчики заметили мой бросок и начали шить по казарме еще интенсивнее, не давая немцам возможности прицельно обстрелять ни меня, ни штурмгруппу. Гранату же сюда не добросить никак. Успеваю вовремя, наваливаюсь на короткий конец бруса, и оба мотоцикла проскакивают, не снижая скорости, в мертвую зону. Три четверти дела сделано. И мне пора обратно, а то как бы чего не прилетело.

Отдаленный взрыв. Где-то с другой стороны лагеря. Похоже, пленные решили под шумок сдернуть и нарвались на мины. Вот же ж... Что им не сидится?

Штурмовики уже работают. Даже не спросили ничего у главного командира, обидно.

Граната влетает в торцевое окно. Вряд ли там кто есть после Жоркиной связки, но страховка – великое дело.

Бах!

Первый пошел! Второй, третий, четвертый... Очередь из «дегтяря»... Тому в общем-то и внешние стены, сложенные из нетолстого бруса, не помеха, а уж внутренние перегородки... По крайней мере «максимы» прошивали здание насквозь.

Бах! Бах!

Бух!

А вот это опять немецкая, живы еще, похоже, гады, и главное – наши гранаты тратят. Непорядок. А это еще что? Какое-то шевеление в лагерной зоне. Ползут – голубчики. К пулемету ползут.

– Эй, там за проволокой, замерли.

Услышали. Один обратно пополз.

С Георгия уже сняли китель и бинтовали спину.

– Как он?

– В спине два осколка по касательной, один в ребре застрял, – санитар отвечал, не переставая заматывать сержанта. Как бы в мумию не превратил. – Ничего не сломано. В ноге сквозное, похоже, пулевое, кость тоже вроде не задета. Евстратовичьей самогонки бы в него влить, а то может шок...

– Кузьма, не всю на обер-лейтенанта извел?

– Не, бутылка крепкая, выдержала.

Бах! Бах! Очередь. Еще одна. Еще... А теперь пошли одиночные – это уже контроль.

– Матвеев, входит уже можно?

Голос специально могу не повышать, и так ору, но и Матвеев сейчас относится к отряду глухариных.

– Даже через дверь.

Намусорили-то как. Чего это меня так мутит? Пойду обратно на воздух. Фу, здесь полегче, вот и старший сержант поспешил покинуть этот филиал бойни.

– Языка взяли или всех порешили?

– Есть два подранка, сейчас притащат.

– Мы без потерь?

– Якименко зацепило осколком. В мягкие ткани нижней части спины, сидеть пока не сможет. С Байстрюком что?

– Серьезнее, но, похоже, не смертельно.

– Мы, как могли, спешили, командир...

– Видел. Все правильно. Уж вашей вины тут точно нет. Что-то не так пошло.

Вон и остальная «кавалерия из-за холмов» рысит. Старшина со своими хозяйственниками спешит заняться учетом и контролем. Вот пусть в кишках и покопаются. Где там наша самогоночка, мне она сейчас тоже будет в самый раз. Но ведь фиг – сейчас по плану общение с народом. Вон он за колючкой собирается. К тому же там уже кого-то бьют, нет, уже не бьют, уже ногами месят.

– Отставить.

Ну да, так они меня и послушали. И что мне делать – как в плохом кино в воздух стрелять? Вот еще, раз бьют, значит, за дело, а патронов лишних у нас нема. А вот и еще нескольких тащат.

– Внимание! Командиры, наведите порядок. Если не прекратится самосуд и через минуту весь личный состав не будет построен, я соберу своих людей и уйду. Сможете здесь передавать друг друга.

Похоже, подействовало. И командиры вроде есть, а Матвеев говорил, что лагерь для рядовых и сержантов. Хотя последнее время сюда новых понагнали, возможно, не успели отсортировать.

За минуту, конечно, не уложились, но в три вполне. За это время Матвеев доложил, что у нас все же есть потери – еще один убитый и один раненый. Один из бойцов стрелковой двойки, несмотря на инструктаж, полез к проволоке. Второй пытался его остановить и оказался вблизи во время взрыва мины. Похоже, этот взрыв я и слышал. Что его туда понесло? Может, и узнаю, если раненый скажет, а возможно, так и останется тайной. Пока старший сержант докладывал, его кто-то узнал, и по шеренгам пошел шепоток. Сержанту приказал остаться, ему организацию эвакуации и передам. Наконец роение закончилось, и от строя отделился командир со шпалой и пушечками в уцелевшей петлице.

– Товарищ...

– Командир партизанского отряда товарищ Леший, – подсказал я ему.

– Товарищ командир партизанского отряда, сводный отряд бывших военнопленных по вашему приказанию построен. Докладывал капитан Нефедов.

– Вольно, капитан. Товарищи, освобождение лагеря произведено комсомольским партизанским отрядом «Полоцкий мститель». Прямо сейчас вы все должны определиться, чего вы хотите. У вас есть несколько путей. Можете остаться здесь, кому понравилось... Смирно! Похоже, никому не понравилось. Прекратить разговоры, потом поговорите, когда я закончу. Вольно. Можете идти на все четыре стороны. Можете присоединиться к нам. В последнем случае легкой жизни не обещаю, а те, кто забыли уже, что такое дисциплина и строгое выполнение приказов, вполне смогут оказаться у стенки. Хотя это вряд ли – патронов мало, потому просто повесим. И не говорите потом, что я вас не предупредил, – Гуляй-Поля не будет. Кто уходит самостоятельно, два шага вперед.

Как я и думал, такие нашлись, меньше десятка. Наверно, и еще бы вышли, но боятся – а ну как лоб зеленой намажут.

– Отлично. Свободны. Матвеев, сопровождающего им, по полбуханке хлеба, и пусть валят. Только одновременно со всеми, не дай бог, сразу на немцев напорются, тогда можем влипнуть. Остальные поступают в распоряжение старшего сержанта Матвеева. Через полчаса нас здесь не должно быть. Кстати, эти полчаса на раздумье для тех, кто колеблется. Если надумаете – скатертью дорога. Да, еще, саперам срочно собраться у шлагбаума. Капитан, за мной. Старший сержант, командуите.

Мы с капитаном отошли на десять шагов от начавшего руководить Матвеева.

– Предателей били?

– Да, товарищ командир отряда.

– Сократим просто до командира.

– Есть.

– Дайте команду, чтобы их быстро придавили, без зверств, и возвращайтесь.

– Есть.

В сторону шлагбаума потянулись два тонких ручейка – дезертиры и саперы. На саперов у меня были планы. Старшина должен организовать снятие возможно большего количества мин с периметра, при этом он получил строгий приказ, что жертв быть не должно. Пусть лучше останемся без мин, чем без людей. Эх, было бы время! Может, оно и есть, и даже скорее всего, на крайний случай засада на дороге его может дать достаточно, но что-то не хочется мне здесь задерживаться.

– Товарищ командир...

– Извините, капитан, задумался. Что у вас?

– Да вот... Команду я отдал, но по-правильному трибунал нужен.

– А адвокат не нужен?

Веревки перебрасывали прямо через верхнюю балку ворот. Вдруг один, из почти десятка лежащих людей вскочил и с криком: «Товарищи! Простите!», побежал в нашу сторону.

Дах!

Бегущий рухнул как подкошенный, а Матвеев, повесив винтовку на плечо, продолжил отдавать распоряжения:

– Сколько всего человек в лагере и сколько командиров?

– Чуть меньше трехсот, командиров тринадцать.

– Не слишком счастливое число, но мне как раз, я мартовский.

Нефедов непонимающе посмотрел на меня.

– Нумерологией не интересовались? Видно. Для зодиакального знака Рыбы число тринадцать является удачным. Это так, к слову. Поговорить я с вами хотел по следующему вопросу: в отряде уже есть сложившаяся система командования, к тому же, если вы заметили, отряд является комсомольским. Понятно, к чему я клоню?

– Да. Вы не собираетесь передавать командование старшему по званию.

– Не только это. Я сам собираюсь расставлять командиров на должности, поэтому даже капитан может попасть под командование сержанта. Скорее всего командиры, которые смогут доказать свою полезность, займут достойные места, но само наличие звания для нас ничего не значит. Пока будем выдвигаться во временный лагерь, поговорите с людьми. Тому, кто откажется, поможем с выходом к линии фронта. Оружие скорее всего не дадим, сами не жируем, но минимальным количеством продовольствия снабдим. Если нет вопросов, можете идти.

– Есть вопрос? Какова моя роль на данный момент?

– На время марша вы назначаетесь старшим над бывшими пленными, мои люди вам не подчиняются. Они будут только проводниками, но вам лучше слушаться их советов. Назначьте командиров еще пяти отрядов, уходить придется по отдельности. Оружия будет всего по несколько единиц на отряд. Дадите его тем, кто останется задерживать немцев, если отряд догонят, других вариантов его применения не должно быть. Ваша главная задача – дойти. Да, еще – если кто попытается сбежать, естественно без оружия, не препятствуйте, нам они не нужны.

– Разрешите идти?

– Идите.

Матвеев уже отобрал самых крепких и наименее истощенных и отправил к старшине. Будут белорусскими кули – ну нет у нас китайцев, а груз таскать надо. Подойти к строю дове-

лось как раз в тот момент, когда начали вешать хиви. Один что-то бормотал и пытался упасть на колени. Зрелище до крайности неприятное, но не увидел ни одного сочувствующего взгляда. Значит, и приказ отдал правильный, «кровавые мальчики в глазах» пусть обломаются. Чай, не цари мы, перетерпим.

– Сержант, что по людям? – спросил я Матвеева, отведя в сторону.

– Без отказников на данный момент двести шестьдесят два человека, но думаю, еще сбегут.

– Да и хрен с ними, волкам тоже надо кушать.

– Вроде нет здесь волков.

– Тогда ежикам. Не отвлекайся, сколько неходячих и ограниченно ходячих?

– Совсем – пятеро, их должны были расстрелять после развода на работы, а вот просто слабых, которые и километра не пройдут, много – человек тридцать.

– Значит, понесут. Что с нашим вторым раненым?

– Трудно сказать, проникающие в брюшную полость и грудь. Но на излете. На «лягушку» нарвались.

– Тогда его и Байстрюка – в коляски, и я уезжаю. Эвакуация на вас со старшиной. Капитан Нефедов в теме, бодаться не будет, так что с остальными командирами через него.

– Понял.

Старшина самозабвенно руководил процессом хомячества. Из казармы и конторы один за другим, как на конвейере, выбирались нагруженные, будто трудолюбивые муравьи, люди.

– Как чистка, старшина?

– В графике. Они тут много добра успели накопить.

– Все утащишь?

– А то!

– Саперы справятся?

– Вроде должны, мы тут несколько щупов обнаружили. Один ефрейтор, кажись, неплохо разбирается, остальные на подхвате. Мин десятка два мы, кстати, и здесь нашли.

– Не зарывайся. Я уезжаю с мотоциклами и ранеными.

– Добро, командир.

– А Кузьма где?

– Убег уже. Добро свое собрал и к телеге помчался. Говорит, как бы его вторую, настоящую, корзинку не растащили засадники.

Поехали!

* * *

– Ну что, сержант, сколько еще народу сбежало?

– Двадцать два человека.

– Оружие наше хоть не унесли?

– Кто ж им даст. Налегке ушли, только с тем, что в животе было.

– Как командиры себя ведут?

– В общем нормально. Двое пытались права качать и меня строить, но капитан предложил им двойной паек и пинка под зад. Вроде успокоились.

– Ладно, показывай, как вы здесь обустраиваетесь.

– Лучше пусть инженер покажет, этим тут он распоряжается. Вон он, кстати.

Пройти пришлось метров пятьдесят, прежде чем окунулись в суету человеческого муравейника. Размах работ впечатлял. Все что-то копали, носили, пилили... Главного распорядителя работ можно было заметить сразу – высокий, под два метра роста, худой, чем-то напоминающий цаплю, в не по росту короткой солдатской гимнастерке молодой парень. Я

вдруг подумал, что примерно так выглядел будущий Петр Великий в юности, где-нибудь при осаде Азова, особенно если сам предварительно поносил бревна и истрепал голландский камзольчик. Заметив меня, «прораб» смешно оправил, точнее, попытался оправить, гимнастерку и, изобразив строевой шаг, от чего еще больше став похож на болотную птицу, направился в нашу сторону.

– Товарищ командир партизанского отряда, сводная рота занимается фортификационными работами согласно утвержденному плану. Докладывал воентехник первого ранга Цаплин.

Чуть не хрюкнул от неожиданности. Это ж надо так в фамилию вжиться. Похоже, для него и позывной придумывать не придется.

– Введите меня коротко в курс дела, товарищ воентехник.

– В связи с пожеланием не сосредоточивать весь личный состав в одном месте, было принято решение создать три лагеря, одновременно являющиеся опорными центрами обороны. Лагеря расположены треугольником.

– Равносторонним?

– Нет, конечно, даже не равнобедренным. Упор сделан на использование естественных заграждений. Мы используем два оврага и ручей, вот он как раз протекает. Овраги, конечно, лучше, но есть мысли, как и это место сделать менее проходимым и усилить устойчивость обороны. Теоретически, при прочих условиях, таких, как насыщенность оружием, боеприпасами и минными заграждениями, мы сможем выдержать атаку пехотного батальона. Опять же при условии, что у него не будет поддержки тяжелой артиллерии и атаковать любой опорный пункт будут не более двух рот одновременно.

Мне осталось только хмыкнуть.

– И сколько раз вы давали такие обещания, а главное, сколько раз они сбылись?

– Практически ни одна позиция, строительством которых я руководил, не была захвачена противником.

– Это как?

– Все были оставлены без воздействия войск врага, путем отхода, – Цаплин слегка смутился. – Правда, атаковали нас только один раз, но тогда немцы обломали зубы, а во всех остальных случаях бросали позиции, чтобы не попасть в окружение.

– Ну сейчас нам это не грозит, мы и так в окружении. А вот насчет насыщенности... Старший сержант, что у нас с ней?

– Передали все вооружение под наш патрон и все патроны. Немного гранат.

– Вооружение точно все? – спросил, покосившись на винтовку, висящую на плече сержанта.

– «Светки» себе оставили, но отдали часть немецких с патронами. Сами теперь в основном на трофеях.

– Ладно, товарищ воентехник, стройте свою линию Маннергейма, только людей не ухайдакайте, а то некому будет защищать, да и не для кого. Кстати, как с питанием?

– Отлично.

– Ну да, после лагеря почти любая нормальная еда будет отличной.

– Вот если бы еще белков добавить, те, кто долго находился в лагере, без белковой пищи не скоро оклемаются. Мясо капитан приказал только им давать, но ведь и остальным тоже надо. И шанцевого инструмента не хватает, пил тоже.

– Делаем, что можем. Я не волшебник, еще учиться и учиться. Свободны.

– Сержант, капитан где?

– Должен быть во втором лагере.

– Веди.

Отойдя от места грандиозного строительства, продолжили обсуждения животрепещущей темы. Причем это не преувеличение, тема жизни именно трепетала на кончиках пальцев.

– Командир, так что с продовольствием делать будем? Уже сейчас нехорошо, а зимой совсем загнемся.

– Ты думаешь, у меня есть ответы на все вопросы? Вот ты только сегодня задумался, а я, как считаешь, когда, позавчера? У меня этот вопрос в печенках с того самого дня, когда Кузьма мне Жорку на шею подвесил, и растет он в геометрической прогрессии. Знаешь, что это? Вижу, образованный. Сначала думал, как прокормить двоих, потом восьмерых, потом нас стало тридцать пять, а теперь больше двух с половиной сотен. А что через месяц будет? Ты об этом подумал? А я уже прикидываю, чем зимой тысячу ртов кормить, вот такая прогрессия. Вот пока я об этом размышляю, вы со старшиной решайте, как накормить тех, что есть. Он уже с утра Фефера трясет.

– Может, опять мозговой штурм устроим?

– Что, понравилось? Устроим. Еще не единожды и на многие темы. Проблем у нас будет завались. То, что есть, еще цветочки, ягодки осенью пойдут. Пока мы в тепличных условиях, считай.

– Какие же это тепличные?

– Хочешь пример? Их есть у меня. Сколько раз за нами немцы гонялись?

– Да вроде ни разу.

– А почему? Вот тебе варианты ответов: они нас всерьез не принимают или за нами некому охотиться.

– Ну... подумать надо, взвесить...

– Ответ – оба варианта. А теперь прикинь, что будет, когда нас примут и найдут батальон. Мы что будем делать? Геройски защищаться в треугольнике?

– Так что делать?

– Ты еще задай второй исконный вопрос. Ждать не буду, а сразу отвечу – виноват я. Легче стало? Вариантов у нас особых нет – драться будем.

* * *

– Здравия желаю, товарищ командир!

– Здравствуй, капитан! Как дошли, как обустроились?

– Дошли нормально, по дороге дезертировали двадцать два человека. Как вы и приказали, препятствий не чинили.

Не нравятся Нефедову такие приказы, сразу видно. Сейчас не понимает, позже поймет.

– Размещаться продолжаем – работы еще много. Минимум на неделю, а больных и истощенных половина состава. Им бы мяса и витаминов.

– Все, что могли, кроме консервов, отдали. Сам с утра пустой пшенкой завтракал. Уже после обеда будет дополнительное продовольствие. Вы подготовили списки личного состава по званиям и военно-учетным специальностям?

– Не успел. Точнее, списки есть, но они по отрядам и не отсортированы.

– Время до вечера. Да, пусть уточнят по знанию немецкого языка. Очень нужны люди с языком, ну вы поняли.

– Понял. Будет сделано.

– Что с оружием?

– Вооружено более девяноста процентов личного состава. Практически всем ходячим оружия хватило, но вот с патронами и гранатами плохо. Если раздать стрелкам патроны по норме, то останемся без поддержки пулеметов. Патроны нужны.

– Капитан, а чего вам не надо? Ну чего у вас в достатке?

- Даже так сразу и не отвечу.
- Вот именно. У нас всего не хватает. Еды, оружия, боеприпасов, инструмента, что смешно, людей тоже не хватает. Вот скажите – людей достаточно?
- Если бы все смогли работать и воевать в полную силу...
- Ну, что замолчали? И если бы еще батальончик с артиллерией, танками и авиацией, да? Вы бы немцам задали.
- Не совсем так, но...
- Так вот, капитан, ничего этого не будет. Вы, наверно, уже начали учиться воевать в условиях цейтнота, теперь у нас цейтнот не только по времени, но и по любому другому ресурсу. Вы чем командовали?
- Дивизионом полковых семидесятишестимиллиметровых пушек.
- О чем вы в основном думали тогда?
- Как выполнить боевую задачу.
- Это хорошо. Теперь вы будете думать не только, как ее выполнить, но и чем, где и когда. А боевую задачу я ставлю вам прямо сейчас – победить в войне. Сложная задача? Сложная, но вы ее получили, вот и думайте. Все остальное – частности. Вас старший сержант ввел в обстановку?
- Нет, времени не было, пока размещаемся только.
- Товарищ старший сержант, введите товарища капитана в обстановку. В тактическую, оперативную, стратегическую... Расскажите ему все, что он захочет знать, и особенно то, чего он знать не хочет. Пусть впрягается по полной.
- А вы, товарищ капитан, начинайте действовать, а не плыть по течению, только, пожалуйста, первое время, при действиях во внешней среде, советуйтесь предварительно со старшим сержантом. Партизанство дело тонкое, здесь недостаточно военного профессионализма. Во многом это политика, хотя я и ненавижу это дело, но придется измазаться всем.
- Нефедов стоял слегка обалдевший, но возражать, похоже, не собирался.
- Немцев пленных довели или кончили где по дороге?
- Как можно. Даже покормили.
- Хорошо. Есть время или отрываю от важных дел?
- Время есть.
- Тогда пойдете с пленными поговорим.
- Немцы сидели под сосной со связанными руками и ногами, заодно привязанные к этому же дереву. Оба были рядовые, ну да и ладно.
- Ты, фамилия, должность.
- Шутце Клоц, охранник.
- Ты?
- Шутце Нотбек, повар.
- В каком лагере вы несли службу? Почему такая большая охрана и инженерное обеспечение?
- Штатлаг номер триста четыре, создан как транзитный лагерь для крупных партий плен-ных.
- Куда дальше отправляют пленных и каким порядком?
- Куда, не знаем, а отправляют либо пешими колоннами, либо автотранспортом, но к нам вообще поступало мало контингента.
- Когда должна прибыть следующая партия?
- Я не знаю.
- А повар? Должны же производиться поставки продовольствия.
- Я тоже не знаю, еду для пленных привозили без расписания.
- Бесполезно, капитан, они ничего не знают. Можете отправлять их в расход.

– Но так не положено... Это не значит, что я оспариваю ваш приказ...

– Вот и не оспаривайте. Можете подать на меня рапорт, хоть сейчас, хоть после войны. Да, патроны берегите. Жду вас через час у себя.

Мало он, видать, в лагере посидел. Чистоплюйствует. Это пройдет. Хреново, конечно, таким образом человека ломать, может в последующем сказаться, но без этого как бы не оказаться без последующего.

Дорога до основного лагеря, хотя это теперь спорно – какой из лагерей считать основным, заняла почти час. Напрямую было бы меньше, но болото надежно прикрывало нам фланги, ну и тыл с фронтом, конечно, так что пришлось месить кругалю. Зато, пока идешь по лесу, можно и подумать. Думы были не то чтобы радостные, но явно и не заупокойные – жизнь-то налаживается. Новому пополнению, конечно, еще отъедаться надо, да и учебу для действий в незнакомой обстановке устраивать, ну так и старое у меня не жирное и не ученое нормально. Можно, конечно, и откормить, и подготовкой замордовать, только тогда война, боюсь, без нас кончится, чисто естественным ходом событий. Короче, пора выходить на Большую Дорогу. Немцы не дураки и давно должны догадываться, что кто-то им тут гадит, а после лагеря у них точно сомнения отпали. Так что скрываться теперь только темп терять. Информация какая по расположению оккупантов у меня есть, и ничего страшнее комендантской роты в Полоцке я пока не вижу. Могут, конечно, какую проходящую часть тормознуть и на нас бросить, но это небось кучу согласований требует. Значит, что? Значит, скоро в окрестные деревни зачестят подпольщики и окруженцы, мечтающие влиться в ряды, и все такое. Блин, надо еще один лагерь построить, что ли? Нужен чекист, очень нужен. Ау, чекист! Нет ответа. Да пошло оно все... Будем решать проблемы по мере их поступления. Так, а это что за шум? Никак лесопилка опять заработала? Точно, она, вон и Степан распоряжается. Достал манок на утку, Степаном же и презентованный, и дважды крикнул. Глухов глянул в мою сторону и крикнул в ответ, что примечательно, без манка, а фиг отличишь. Можно выходить.

– Здорово, Леший.

– И тебе не болеть!

Пожал протянутую руку, заодно угостив собеседника трофейной сигаретой.

– Окурок только не забудь изничтожить. Вас что, опять старшина припахал?

– Не совсем. Немцы. За каждый куб обрезной доски десять марок дают. Много это или мало?

– Вообще-то много, но с вами скорее всего рублями по курсу десять к одному будут рассчитываться.

– Сотка за куб это очень прилично.

– Дело в том, что рубль цену здорово потеряет. За червонец до войны почти пять рейхс-марок давали. Вот и считай.

– То есть реально двадцадку получим. Ну да ладно. Зато у нас твердая отмазка будет – работаем на немца, все сдаем. Заодно и вам чего подкинем, теперь вам оно здорово нужно будет.

– Да, народу слегка добавилось. Рабочая сила нужна.

– Тут сами справимся, да и мало ли кто понаедет, а вот схроны под продукты в лесу понадобятся. Подсобишь?

– А куда я денусь?

– Ну и лады, тогда я старшине говорю, что ты добро дал.

– А он что у вас?

– В деревню пошел. Фельдфебельские погоны ему к лицу, – хохотнул Степан, растирая в пыль окурок. – Как увижу, чего передать?

– Пусть в лагерь возвращается. Хозяйство, видишь, у нас теперь выросло, даже не знаю, когда теперь разберемся. Видно, немцу отдых вышел.

– Это правильно, после такой бучи затихариться надо бы.

– Лады, прощевай.

Почему слил дезу Степану, сам не понял. Похоже, прогрессирует профессиональная болезнь шпионов и подпольщиков, да и преступников тоже. Скоро всем врать начну и всех подозревать.

В старом лагере, ого – он теперь уже старый, стоял шорох, только тихий, по сравнению с новостройкой. На огромном куске брезента, даже не знаю откуда именно это уперли, были разложены последние трофеи – пулеметы, автоматы, винтовки. Что-то было уже раскидано по частям и проходило процесс чистки, что-то лежало целым – либо ждало своей очереди, либо уже отдыхало после процедуры. Четверо бойцов усиленно надраивали средства производства.

– Полищук, ты здесь старший?

– Да, тащ командир.

– Как обновки?

– Отлично. Немцы за оружием уход блюдут. Нагара вообще нигде нет, даже на станкаче, хотя он вообще древний, не с империалистической, конечно, но не сильно моложе.

– Хорошо, Вальтер где?

– На перевязку отправил. Мы же с ноль восьмым дела раньше не имели, вот он пока его потягал, рана и закровила.

– Понял. Пойду Байстрюка проведаю, заодно и посмотрю, как там дела.

Немецкий оружейник, похоже, прижился, кое-кто косо еще поглядывает, но пристукнуть вроде не пытаются. Если мозгов у того хватит, а я ему конкретно объяснил, что первая попытка побега автоматически станет неудачной и последней, то сможет еще и домой вернуться.

Отдельной землянки под лазарет сначала не было, в связи с отсутствием как больных, так и собственно тех, кто лечит. Санитара я, конечно, назначил «доктором», хотя это и профанация. Первым же нашим больным оказался Вальтер, вот для него и построили, как я его назвал про себя, тюремно-больничный блок. Охрана больнички легла на плечи часового, сторожившего наш арсенал, типа чтобы не распылять ресурсы. Теперь лазарет пополнился еще двумя жителями. Рядом с землянкой наш «доктор» как раз стирал бинты, трудности у нас с перевязочным материалом.

– Павленко, как раненые?

– Немец ничего, – санитар понизил голос и продолжил, – а наши плохо. У сержанта жар, я раны, как мог, почистил, но тут хирург нужен. Станчук же совсем плохой – из шести картечин я только четыре удалил, две в брюшной полости мне не достать. Боюсь, что не выживет.

– Хреново. Ладно, пойду проведаю.

В землянке уже успел настояться неприятный больничный дух. На мой взгляд, больнич- ный дух бывает двух видов – обычный, когда пахнет какими-то лекарствами, карболкой и хлор- кой, и плохой, когда к этим запахам примешивается запах страданий и смерти. Вот сейчас здесь стоял именно второй. В таком даже не сильно больным людям не стоит долго находиться, ущемляет он желание выздороветь, это я прямо шкурой чувствую.

– Привет выздоравливающим. Извините, без гостинцев. Рассказывайте, как дела.

Внутри было темновато, несмотря на открытую дверь. Станчук лежал в глубине, сержант же с немцем устроились недалеко от входа. Байстрюк лежал на нарах, а Вальтер сидел у него в ногах.

– О чем секретничаете, никак господин Мельер агитирует за вступление в НСДАП?

– Никак нет, товарищ боевой секретарь. – Вид у Жорки был так себе – бледный с мокрым от пота лицом, он лежал на боку, морщился, но продолжал шутить. – Вальтер меня немецкому обучает. Выполняет, так сказать, комсомольское поручение.

– И как успехи?

– Скажем так – есть, и главное будут.

– Хорошо, продолжайте, я пока с Борисом поговорю.

Тот самый неприятный дух шел как раз из глубины землянки. Ранения в живот вообще пахнут отвратительно, и никакие запахи лекарств и антисептиков перебить это не могут. С учетом того, что Станчук лежит здесь менее суток, миазмы еще не набрали своей тошнотворной плотности, но процесс интерполяции давал неутешительные прогнозы.

– Ну, ты как, Боря? – Присев на край нар, я взял мокрую тряпку, что лежала рядом, и обтер пот с его лица. – Гляжу, не стонешь, проявлять сочувствия не требуешь, то есть держишься молодцом.

– Не надо, товарищ командир, я же понимаю все – с такими ранами меня и на Большой земле хрен выходили бы. Гаврилов, бля, дурак и сволочь. Если бы не этот осел...

– Боря, сожалеть о том, что случилось, контрпродуктивно. Придется принять как данность.

– Да понимаю я, но обидно ведь. До смерти. А до нее уже недолго осталось. Вот только успокаивать меня не надо и рассказывать, как я поправлюсь, тоже – кишки мне порвало, а «доктор» наш, назначенный по комсомольскому призыву, тут совершенно, как вы говорите, некопенгаген. Поэтому дайте мне слово, что письмо мое попадет к родителям, пусть они знают, что их сын погиб не в немецком лагере, а сражаясь с фашистами. Только не говорите, что смерть моя была нелепа и совершить я ничего не успел. И Катька, сестра младшая, пусть гордится...

На глазах у бойца выступили слезы. Тяжело умирать, когда тебе нет и двадцати лет, когда тебя выдергивают из лап смерти, дают надежду, но старуха опять находит тебя. Дрожащей рукой парень протянул мне свернутый треугольником лист бумаги с адресом.

– Хорошо, Боря, уйдет на Большую землю с первой же надежной оказией, только ты заранее не сдавайся. Что от меня потребуется, чтобы письмо дошло, сделаю, но шанс, что вернешься сам, есть всегда. Знаешь такое изречение: пока живу – надеюсь? Вот и ты надейся, не раскисай. Может, тебе помочь чем, переложить поудобнее, принести чего?

– Не надо, командир, Пашка все сделает.

– Ну, не прощаюсь...

– Спасибо.

Надо срочно отойти в сторону, потому как слезы на глазах командира не вселяют оптимизм в подчиненных.

– Вальтер, иди на улице посиди, мне надо с сержантом поговорить.

Немец вскочил, отдал честь и выметнулся.

– Как он?

– Да вроде нормально, а что такое?

– Не собирается нас покинуть?

– Да не заметил ничего такого, вообще, это Ермолова работа.

– Это работа всех, а Ермолов за нее ответственность несет. Ладно, мил-человек, расскажи, как ты нам чуть операцию не сорвал.

– Вот не виноватая я. Сижу себе, значит, на мотике, похмельного изображаю, а тут немец из-за угла и чего-то меня спрашивает. Ну я морду пожалостнее скроил и в сторону его ручкой эдак, типа не до тебя сейчас. А этот хрен с горы ко мне, и еще чего-то балакает. Ну чего делать? Я головой мотнул, ну вроде как соглашаюсь, сую руку в люльку, достаю «шмайсер» и практически в упор его короткой. Тут же длинную по немцам с «максимом», ну или как он у них называется.

– Эмгэ ноль восемь.

– Ну да. Потом соскакиваю, пока по мне часовой у въезда шмалять не начал, хватаю мешок с гранатами и к казарме бегом. Часовой шмальнул, да не попал, а вот пулеметчики с вышек достали. Кто-то из них мне ногу и прострелил. Хорошо, стрелки всех быстро посни-

мали, не то они б из меня крошку сделали. Ну как потише стало, наши станкачи подключились, я сразу за связку схватился...

– Даже перевязаться не попытался?

– Да не до того было – немчуру надо было срочно глушить. Связка так рванула, что меня чуть через стену не сдуло. Я ползком к следующему окну, пулеметы казарму-то насквозь дырявили. Бросил одну гранату, а как следующую начал бросать, гляжу – из окна немецкая «колотушка» летит, ну я ноги в руки и ходу оттуда на четырех. Если бы нога целая была, то, честное комсомольское, сбежал бы, а так... В общем, зацепило меня двумя осколками, хоть я и залег. Ну а дальше вы выскочили.

– Понятно, его величество случай... Ну, хорошо, давай быстрее приходи в норму и в строй. Пойду дальше руководяжничать.

Выйдя из лазаретной землянки и пройдя десяток шагов, вдохнул и выдохнул полной грудью, освобождаясь от неприятных запахов. Надо еще раз на карту взглянуть, прикинуть театр военных действий к натуре. Не нравится мне, что гадим мы там, где живем, уж очень легко нас вычислить. Справки конфискационные на какое-то время немцев могут ввести в заблуждение, но боюсь, очень ненадолго. Надо сместить область активных операций на юго-восток. Жаль, место дислокации саперов в этом случае выпадает из сферы действия, ну да пусть пока живут.

Не заметил в думах тяжелых, как прошел час. В сознание меня привело легкое покашливание за спиной. Кто это у нас тут, в дебрях лесных, такой деликатный? Смотри-ка, капитан, однако.

– Товарищ капитан, у вас интеллигентов в роду не было?

– Отец преподает в политехе, тетя – театральный критик, дед по материнской линии был профессором, умер в гражданскую. А что?

– Да так, прискорбно это все. Ну да не до того сейчас, что там у вас за история с попыткой бунта?

– Какого бунта? – Глаза Нефедова сделались круглые, и он начал на глазах бледнеть. Вот же, блин, интеллигенция, с первого же наезда поплыл, и как он до капитана дослужился?

– Матвеев не распространялся, сказал, что вроде все уладилось, но я хотел бы услышать подробности.

– А, вы об этом. Не было никакого бунта, – видно, капитан слегка успокоился и решил нагадить начальству в мозг. – Есть у нас два лейтенанта – Тихвинский и Калныш, точнее, первый младший военюрист, а второй техник-интендант второго ранга. Не знаю, по какой причине они со старшим сержантом сцепились, но ничего такого не было. Вопрос мною решен.

– Совсем?

– В каком смысле?

– Гарантируете, что проблем с ними не будет?

– Товарищ командир, ну как я могу такое гарантировать? Я вообще не представляю, какие проблемы появятся уже сегодня вечером. Одно могу обещать – приложу максимум усилий.

– Хорошо, списки принесли?

– Да, вот они.

– Что с немецким языком?

– Пятеро могут изъясняться. Тихвинский утверждает, что владеет свободно, с каким-то там акцентом – васт... вист...

– Вестфальским?

– Вроде да.

– Надо послушать этого шепелявого.

– А откуда вы знаете, что он шепелявит?

– Догадался. Значит, точно вестфальский. Так, капитан, пойдём, я тебе кое-что покажу. Старшина ещё не вернулся, значит, время у нас есть.

Повел я капитана не куда-нибудь, а в арсенал, значительно похудевший вчера вечером, но не утративший актуальности. Стрелковку я ему показывать не стал, а сразу подвел к нашему артпарку. Нефедов впечатлился. Сначала. То, что замки к сорокапяткам присутствуют, его обрадовало, хотя сразу определил, что не родные, профи, однако. Что прицелы придется прилаживать с помощью зубила и чьей-то матери, не испугало. Не обрадовало его наличие и номенклатура боеприпасов. А вот когда он добрался до минометов... Тут оказался больше огорчен я.

– С пушками, командир, не так уж и плохо, видали и похуже. А на минометы, считай, можешь не рассчитывать. «Восемьдесят второй» только без прицела, пострелять можно – плюс-минус стометровка, а «пятидесятые» – лом. Кранов нет, хотя можно просто заклепать газоотводные трубки, но тогда стрельба только на одну дальность, но у двух ещё и стволы деформированы. Короче, про минометы забудь. А вот орудиями надо заняться, особенно прицелами. Кстати, командир, это у вас лазарет?

– Ага, с гауптвахтой в одном флаконе. А что?

– Я хотел узнать, как у вас с медикаментами. У нас есть вроде неплохой фельдшер...

– И ты молчал! Где он?

– В лагере. Вообще-то я его в списки внес – все честь по чести. Только он сейчас не очень в форме – ранение и истощение. Сюда его на руках несли.

– Срочно организуй его доставку сюда. Погоди, я сам. Павленко, срочно организуй доставку из нового лагеря... Капитан, как найти этого военфельдшера?

– Он не военфельдшер, обычный сержант, и он вообще-то ветеринар, но в лагере многим помогал. Во втором лагере, фамилия Герашенко.

– Павленко, мухой, обе ноги уже здесь.

– У вас кто-то серьезно ранен?

– Да, брюшная полость.

– Плохо.

– Ладно, капитан, ты пока здесь осмотришься, а я к повару – нарушать собственные распоряжения, калории для твоего фельдшера добывать.

Скандала с поваром не получилось – бульон и шоколад будет, а дальше как сложится. Около штабного стола меня уже ждал Кошка.

– Командир, подкулачников растряс, продукты будут. Боровой обещал на остальных, кто справки уже получил, нажать. Обговоренный объем точно будет, но есть большие шансы, что, узнав о налете на лагерь, мужики ещё добавят.

– Отлично, молодец, старшина. Хватай капитана, он у арсенала должен обретаться, и давай на совещание.

– А о чем?

– Старшина, не тормози, все узнаешь в свое время, должен же я вас ошарашивать время от времени, а то мозги жиром заплывут.

– Ага, зажиреешь тут.

Так, пока карту разложу. Совещание будет в сокращенном расширенном составе. Расширенном, потому как капитан добавляется, а в сокращенном из-за отсутствия Матвеева, Байстрюка и Говорова. Как там, у Кузьмы, все прошло? Он хотел сегодня уже прибежать, но пришлось запретить, пусть пока заляжет на дно, подождет, пока пройдет волна, и уж тогда ловит рыбку в мутной воде. Ну, а мы пока фашистов слегка отвлечем.

– Итак, товарищи командиры и старшины, у меня есть для вас неприятнейшее известие – я решил, что нам пора заняться ревизией, ну и реквизицией тоже. Вы, конечно, скажете, что последним мы только и занимаемся, и будете правы. Дело в том, что ранее мы занимались этим из-за недостатка сил и средств. Их, конечно, и сейчас не густо, но качественно мы уже

переросли процесс организации и накопления первоначального, нет, не капитала, а скажем так, первоначальной военно-технической базы. Короче, пора бить немцев. Причем грабеж для нас теперь становится хоть и важной, но второстепенной задачей. Товарищ капитан, вижу, у вас уже появились вопросы?

– Я в некотором роде удивлен вашей терминологией.

– Понял. Старшина выдаст вам тетрадку, и вы с ним или Матвеевым составите словарь. Типа: «гоп-стоп, грабеж, экс-захват трофеев» или «мокруха, секир-башка – уничтожение личного состава противника». Как акклиматизируетесь, сможете уже обходиться без него. Устроит?

– Я не о том. Как-то несерьезно выглядит ваша терминология в связи с обсуждаемыми вопросами.

– Знаю, но если мы будем слишком серьезны, то можем в будущем огрести много других неприятностей. Вам кажется, что я отношусь к вопросам жизни и смерти, будущего государства и людей, его населяющих, как к игре? Вам правильно кажется. Дело в том, что я собираюсь не только увидеть поражение Германии, но и затем жить долго и счастливо. Если вы считаете, что для одержания победы ваша жизнь не является высокой ценой, то тогда стоит выкладываться полностью. Потому что если сейчас вы отдадите все свои помыслы победе, пойдете к своей цели с надрывом, то если вдруг уцелеете в этой бойне, то дальше получите массу проблем, по большей части психологических. Первое, что вы ощутите после счастья, это будет пустота. Когда вы справитесь с этим чувством и сумеете не скатиться в алкогольную, как наиболее простую, или другую зависимость, то начнутся другие, уже физиологические процессы. Гипертонии, аллергии, псориазы, неврастении и прочие мерзости – вплоть до сумасшествия. Организм, вздрюченный до наивысшей меры, начнет сдавать, разваливаясь прямо на глазах – ваших и тех, кому вы дороги. Конец будет в общем один – смерть, возможно, что крайне неприятно, сначала духовная, а потом уже физическая. Поэтому хочу предупредить – не ставьте себе цель типа: дойти, порвать глотки, а потом можно и умереть. Даже терминологии такой старайтесь избегать, при этом мысленно тоже.

– А как же тогда?

– А просто! Они в меня стреляют? А вот хрен им по всей морде! Сейчас дойду, мочкану всех на хер, у них там должен быть не самый плохой шнапс – выпью, закушу, и можно к Гальке заглянуть с трофеями. Там сниму стресс и вон в ту деревню пойду фрицам глаз на задницу натягивать.

– Да-а-а! Вы это серьезно?

– Старшина, я это серьезно?

– Вполне!

– Видите, старшина считает, что я серьезно. Что, мысль появилась – а не пора ли валить из этого бедлама? Можете. Если выживете – я вам в желтый дом передачи буду носить. Не часто, других дел будет много.

– Мысль и правда появилась, но я погожу. Хочется мне посмотреть, как этот цирк работает. Ведь работает же, раз я здесь с оружием, а не в лагере с голодным брюхом.

Молодец, капитан, уже в тон попадать начал, хоть и поскрипывает. Ничего, стерпится – слюбится. С нашими красными командирами, конечно, проблемы будут, особенно, вероятно, с двумя. Но в два рыла мы их должны укатать.

– Так, прекращаем отвлекаться на философию с психологией, время для этого еще будет, перейдем к насущным баранам. Смотрим на карту. Это лес, на котором мы базируемся. Вот это точки приложения наших усилий, то есть там, где мы отметились со стрельбой и прочим. Что получается?

– Довольно компактный район, – взял слово Нефедов. – И что?

– А вот места, где мы производили отвлекающее минирование, а вот это деревни, где мы раздали справки и будто бы конфисковали продукты питания.

– Ну, район становится достаточно размытым, при этом сильно удлиняется на восток. Так примерно могла бы выглядеть зона химического заражения при сильном западном ветре. Я все равно не понимаю, к чему это.

– К тому, что мы порядочно наследили, и немцы уже не могут нас игнорировать. Я думаю, у них есть карта с теми же отметками, на основе которых они постараются вычислить место базирования. Вероятнее всего, силы для нашего уничтожения они получат только после этого и на ограниченный отрезок времени. Какие мысли?

– Надо бы им ложный лагерь подкинуть, – в этот раз слово взял Кошка.

– И я, Леонид Михайлович, придерживаюсь того же мнения. Только мне нужны рекомендации, как это сделать.

– Ну, раз мы все равно решили активизироваться, так как терять нам, кроме темпа, нечего, надо организовать акции таким образом, чтобы они указывали на то, что направляются из некоего центра. Центр должен бросаться в глаза, а значит, нам нужно его организовать. Вот этот лес подходит вполне, – старшина ткнул в карту. – Если организовать несколько нападений южнее и восточнее него, то он автоматически окажется в центре активного района.

– Это не все, товарищи, – капитан отчего-то занервничал. – Вряд ли, основываясь на таких данных, фашисты будут планировать операцию. Скорее всего постараются разведать этот район.

– Я тоже так считаю. Как, на ваш взгляд, они поступят?

– Право, не знаю. Скорее всего сначала зашлют одиночных шпионов, возможно, проведут авиаразведку.

– С первым согласен, авиаразведка над лесом лишена смысла, хотя, если они на это пойдут, надо также пойти им навстречу. Жечь костры днем, конечно, не стоит, но вот утром и вечером... Тут надо подумать.

– А может, обстрелять самолет?

– Ну, даже не знаю, старшина. Не слишком нагло?

– Только если он уж очень сильно спустится, типа нервы не выдержали.

– Посмотрим. Тут еще такой вопрос – после агентурной и воздушной, устроят ли они войсковую разведку? Какова вероятность, что запустят в лес разведгруппы?

Нефедов и Кошка молчали. Ну да, откуда им знать методы работы гестапо и Вермахта. Мой немецкий опыт тоже молчал. Слишком далеко солдат-техник был от таких высоких материй.

– Капитан, как вы считаете, сколько времени понадобится вам для обустройства лагеря?

– Не более двух дней, если, как и обещал старшина, будет в достаточном количестве пиленый лес.

– Все равно готовьте десяток человек для переброски в новый район. И там никакого пиленого леса – только бревна, лапник и земля. Сортир пахучий надо обязательно организовать на отшибе. Агентов внутрь пускать не будем, базарить с ними только у параша. Их место там.

– Теперь вы, старшина. У нас вроде большое пополнение в саперах?

– Если бы. Толковый только один оказался, да и тот пару мин снял, а потом говорит – ну их...

– Заочковал?

– Типа того. Увидел какой-то взрыватель с самоликвидатором, что ли, как-то еще назвал его хитро, говорит, в финскую с такими встречались. Снять просто нельзя. Правду сказал или нет, не знаю. Поэтому плюнул и заставил их проволоку резать. Ты говорил, для пружин нужна, вот и нарубили, сколько могли.

– Но ставить-то мины он сможет?

- Думаю, да, даже наши из минометок. Знает как.
- Тогда тоже готовь ему группу и пошлай их прямо в ночь под Захарничи. Чтобы утром уже мины стояли. Точки определишь сам, из наших прикидок по ложному лагерю. А мы подумаем, как здесь напакостничать.

Глава 9

Ограждение дороги было сделано по всем правилам, с табличками и флажками, украшенными готической «М». Таблички, как и положено, ограждали опасный участок, а флажки были воткнуты прямо в разрытое полотно дороги, обозначая этакими веселыми цветочками места вероятного залегания смертельной начинки. Грузовик, по всей вероятности уже пострадавший, наполовину съехал с дороги и уткнулся мордой в кювет. Должно быть, взрыв был не очень сильный, что взять с этих унтерменшей – даже нормально заминировать дорогу не умеют, и не повлек слишком опасных последствий, хотя подножка под водительской дверью и была заляпана кровью, но, к счастью, не очень сильно. Может, шофер и выжил. Право, не стоит немецкому парню умирать в этой дремучей стране, не должно так быть.

Так, или вероятно так, думал немецкий офицер со знаками различия лейтенанта, но имеющий несколько странные погоны, притормаживая около унтер-офицера с саперными эмблемами.

– Что тут такое, унтер-офицер?

– Бандиты опять заминировали дорогу, господин цугфюрер.

– Что значит опять? Они что, часто это делают?

– Последнее время частенько.

– И когда я смогу проехать?

– Скоро, не больше получаса осталось, но вам придется отъехать вон туда, видите, где грузовики стоят? – унтер показал чуть в сторону от дороги, где и правда стояли два грузовика, а около них расположились несколько военнослужащих. – Пропходимости вашей машины хватит, чтобы преодолеть кювет?

– Хотя это и изделие лягушатников, но это все же «Трэкшен Авант», а «Ситроен» делает неплохие машины, даже если их сравнивать с германскими.

Вероятно, офицеру хотелось поинтересоваться, зачем отгонять машину с дороги, но он подумал, что специалистам виднее, а так как на самом деле не был ни капли военным, решил выполнить рекомендации сапера. Машина довольно легко преодолела сухую неглубокую канаву и встала около грузовиков. Зондерфюрер открыл дверцу и с наслаждением потянулся, покинув автомобиль, – на плохой дороге даже два часа сильно выматывают водителя. Его слегка удивили странные жесты унтер-офицера – тот поднял руку, оттопырил большой палец и сделал круговое движение над головой. Выразить свое удивление вербально офицер не успел, так как на затылок ему обрушился удар, нанесенный странным предметом, больше всего напоминающим длинный и узкий мешок, набитый песком. На этом сознание покинуло тело цугфюрера. Ему, сознанию, еще предстояло вернуться, но ничего хорошего это не предвещало.

* * *

– Командир, время!

– Да, старшина, уходим. Давай команду сворачиваться.

– Провода оставляем?

– Все сворачиваем. Телефонисты смываются своим ходом. Водителей у нас хватит?

– Впритык. Если так дальше пойдет, надо еще учить.

– Сплюнь. Трупы в кузов, зондера покрепче связать, кляп, и туда же. На втором посту сколько взяли?

– По идее должно быть три, но все грузовики и все с хабаром.

Оцепление сняли за пару минут, как раз я успел переодеть китель и повесить на грудь жандармский горжет. Мотоцикл бойцы уже выкатили из кустов. До базы пилить километров

пятнадцать, далеко забрались, потому решили организовать колонну. К такой кавалькаде из шести грузовиков, легковушки и в сопровождении фельджандармерии наглости прицепиться вряд ли у кого хватит.

Засаду мы организовали архипростейшую. Немцы уже привыкли к минированию их дорог. Ну, не привыкли, конечно, но знают, что на мину нарваться можно – не запросто, но с вероятностью. Поэтому мы, отъехав полтора десятка километров, внаглую среди белого дня оградили триста метров дороги, развесили таблички, поставили значки и занялись бесплодным делом разминирования пустого шоссе. Участок был выбран так, что от места ограждения дорога просматривалась в свободную сторону метров на двести. Поэтому на поворотах мы посадили по телефонисту и загодя знали, кто и в каком количестве прется. Повезло в том, что машины шли сплошняком одиночные, с колоннами связываться опасно – десяток человек без шума хрен положишь, а двух-трех запросто. Тупо штыками кололи, только снабженца взяли живым, подсказало мне что-то, что может выгореть нечто стоящее. С восточной стороны, где я встал сам, шел только порожняк, а вот с запада, где поставили для переговоров шепелявого юриста, добыча должна была быть поинтересней, оттуда машины уже груженные шли. Время мы себе дали на охоту полчаса – во-первых, на трассе могут заинтересоваться, чего это машины идти перестали, а во-вторых, не автобат мы – водителей по пальцам пересчитать можно, причем двух рук более чем достаточно. Даже капитана и танкиста припахали, хотя водители из них те еще, но в колонне на сорока километрах в час удержатся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.